

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бибчук Е. М., Запругаева М. Я.</i> РЕФЛЕКСЫ СТАРОПЕТЕРБУРГСКОГО И СТАРОМОСКОВСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ.....	5
<i>Герасимчик И. А.</i> МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОБЛЮДЕНИЯ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА ФОРУМЕ СМИ.....	10
<i>Денисова М. А.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	13
<i>Дружинина В. И.</i> ПОВЕСТЬ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ» В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ.....	18
<i>Заварницына Н. М.</i> ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ПРОЗЫ А. А. КОНДРАТЬЕВА.....	22
<i>Кислова Д. М., Чарыкова О. Н.</i> СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ МАЙИ КОТОВСКОЙ).....	25
<i>Коршунова Е. А.</i> РАССКАЗ С. Н. ДУРЫЛИНА «ДВЕ СТАТУИ»: ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	28
<i>Кумба Сиссе.</i> ЛЕКСЕМА КОРОВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	33
<i>Любарский Р. В.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ «СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА.....	36
<i>Папшева Г. О., Глушкова О. В.</i> КОЛОРАТИВНЫЕ ЭПИТЕТЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А. А. АХМАТОВОЙ.....	41
<i>Попов С. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРЯ УШЕДШИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	45
<i>Растегаева Т. В.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ РЕБЕНОК).....	48
<i>Скомаровская А. А., Шаклеин В. М.</i> ОСОБЕННОСТИ КАЛЬКИРОВАНИЯ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ.....	51
<i>Спиридонова И. А.</i> ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ — ЧУЖОЕ» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА.....	54
<i>Чэн Хайдун.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И. А. БУНИНА В КИТАЕ (1980–2010-Е): ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И НАПРАВЛЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ CITESPACE.....	57
<i>Чугунов Д. А.</i> ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ С. РЕГЕНЕРА «БЕРЛИНСКИЙ БЛЮЗ».....	64
<i>Чэнь Цзыди.</i> ЛЕКСЕМА БЕРЕЗА И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	67
<i>Шитакова Н. И.</i> «РУССКАЯ ИДЕЯ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И Г. И. ГАЗДАНОВА.....	70

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Алексеев К. А.</i> ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В 1920-Е ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И АУДИТОРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ.....	75
<i>Гикис С. Н., Шериева Д. М.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА.....	81
<i>Дун Яфэн.</i> ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КИТАЙСКИХ СМИ НА РАЗВИТИЕ РАДИОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ.....	85
<i>Кадырова Г.Х.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ КОНФЛИКТНОГО МЕДИАДИСКУРСА: КОРРЕЛЯЦИЯ С ДЕЙСТВЕННОСТЬЮ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	88
<i>Кажикин А. А.</i> ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО В ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЕ «КОММУНА» ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА.....	93
<i>Кака Мохаммед Омер Кака.</i> ЖУРНАЛ «ГАЛАУЕЖ»: НОВЫЙ ЭТАП В КУРДСКОЙ ПРЕССЕ	98
<i>Карпий С. В.</i> ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОРМАТ	101
<i>Минлибаева Э. Р.</i> ЦВЕТ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕЧАТНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	103
<i>Сусская О. А.</i> О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ СЕТЕВОМ МИРЕ	107
<i>Турпалов Л. А.</i> ВЛИЯНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕССЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	112
<i>Фатеева И. А.</i> ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГАЗЕТОВЕДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ПРЕССЫ	117
<i>Фролов В. В.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ КАК EVENT-МЕРОПРИЯТИЕ	121
<i>Холстинин В. В.</i> ОСВЕЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ В ЗАПАДНЫХ СМИ.....	124
<i>Цао Лян</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ДИАЛОГ РОССИИ И КИТАЯ	129
<i>Цуканова М. И.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО РАДИО В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ....	132
<i>Щепилова Г. Г., Круглова Л. А., Литвинцев А. Э.</i> ВИДЕОКОНТЕНТ В ИНТЕРНЕТЕ: АУДИТОРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ.....	134
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	139

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2019. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bebchuk E. M., Zapryagaeva M. Y.</i> REFLEXES OF OLD-PETERSBURG AND OLD-MOSCOW PRONUNCIATION PRESENTED IN MODERN ORTHOEPIC DICTIONARIES	5
<i>Herasimchyk I. A.</i> METALANGUAGE REFLECTION CONCERNING NON-COMPLIANCE WITH NORMS OF THE LITERARY LANGUAGE AT THE FORUM OF MEDIA.....	10
<i>Denissova M. A.</i> THE RELATIONSHIP BETWEEN CHILD AND ADULT IN CONTEMPORARY POETRY FOR CHILDREN	13
<i>Druzhinina V. I.</i> THE STORY OF L. BORODIN "THE QUEEN OF TROUBLES" IN THE CONTEXT OF THE DISCUSSION ABOUT NEW HISTORICAL PROSE	18
<i>Zavarnitsina N. M.</i> FEATURES OF THEATRICALITY OF THE PROSE OF A. A. KONDRATYEV	22
<i>Kislova D. M., Charykova O. N.</i> COMPARISON AS A MEANS OF EXPRESSING THE SPECIFICS OF THE ARTISTIC WORLDVIEW (BASED ON THE TEXTS OF MAYA KOTOVSKAYA)	25
<i>Korshunova E. A.</i> THE SHORT STORY OF S. N. DURYLIN "TWO STATUES": THE PROBLEMS OF VALUE INTERPRETATION	28
<i>Cisse Coumba.</i> COUMBA CISSE. COW AS A CULTURAL SYMBOL IN RUSSIAN	33
<i>Lubarsky R. V.</i> THE UNDERSTANDING OF CARLOS CASTANEDA'S STALKING CONCEPTION IN VICTOR PELEVIN'S WORKS.....	36
<i>Papsheva G. O., Glushkova O. V.</i> COLOR'S EPITHET IN EARLY POEMS OF A. A. AHMATOVA	41
<i>Popov S. A.</i> PROBLEMS OF THE DICTIONARY OF DEPARTED GEOGRAPHICAL NAMES OF THE VORONEZH REGION	45
<i>Rastegaeva T. V.</i> EXPERIMENTAL STUDY OF AGE DIFFERENCES IN WORD SEMANTICS (ON THE EXAMPLE OF CHILD).....	48
<i>Scomarovskaia A. A., Shaklein V. M.</i> SPECIFICITY OF GREEK CALQUES IN TRANSLATED ANCIENT RUSSIAN TEXTS.....	51
<i>Spiridonova I. A.</i> THE OPPOSITION OWN VS. ALIEN IN ANDREI PLATONOV'S WAR STORIES	54
<i>Haidong Cheng.</i> STUDY OF THE WORK OF I. A. BUNIN IN CHINA (1980–2010S): VISUALIZATION AND ANALYSIS OF TRENDS AND DIRECTIONS WITH CITESPACE.....	57
<i>Chugunov D. A.</i> INTERMEDIA BASIS OF THE STORY IN THE NOVEL OF S. REGENER "BERLIN BLUES"	64
<i>Chen Zidi.</i> BIRCH AND ITS DERIVATIVES IN THE MICROTOPYNYMY OF THE VORONEZH REGION	67
<i>Shitikova N. I.</i> «RUSSIAN IDEA» IN THE CREATIVE HERITAGE OF ALEXANDER SOLZHENITSYN AND GAITO GAZDANOV	70

JOURNALISM

<i>Alekseev K. A.</i> CENTRAL PUBLICATIONS ON PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN THE 1920S: ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND READER FOCUS	75
<i>Gikis S. N., Sherieva J. M.</i> USE OF MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN ENGLISH- AND FRENCH-LANGUAGE MEDIA.....	81
<i>Dong Yafeng.</i> THE IMPACT OF ECONOMIC REFORMS OF CHINESE MEDIA ON THE DEVELOPMENT OF THE BROADCASTING INDUSTRY	85
<i>Kadyrova G. Kh.</i> SOCIAL ACTORS OF CONFLICT MEDIA DISCOURSE: CORRELATION WITH THE EFFECTIVENESS OF JOURNALISTIC ACTIVITY	88
<i>Kazhikin A. A.</i> THE CHARACTER OF A CONTEMPORARY IN THE REGIONAL NEWSPAPER «COMMUNA» OF THE POSTWAR PERIOD.....	93
<i>Kaka Mohammed Omer Kaka.</i> THE MAGAZINE «GALAEZH»: A NEW STAGE IN THE KURDISH PRESS.....	98
<i>Karpiy S. V.</i> LIVE BROADCAST AS A SPECIFIC TV FORMAT	101
<i>Minlibaeva E. R.</i> COLOR AS A METHOD OF IMPACT IN PRINTED ADVERTISING TEXT	103
<i>Susskaya O. A.</i> ABOUT BORROWING IN THE MODERN NETWORK WORLD	107
<i>Turpalov L. A.</i> THE INFLUENCE OF THE FEBRUARY BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION ON THE PROCESSES OF POLITICAL DIFFERENTIATION OF THE NORTH CAUCASUS PRESS: MYTH-MAKING OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE AND REALITY.....	112
<i>Fateeva I. A.</i> RUSSIAN NEWSPAPER SCIENCE THROUGH THE PRISM OF THE FIRST INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS OF RESEARCHERS IN THE FIELD OF PRESS.....	117
<i>Frolov V. V.</i> INTERNATIONAL FESTIVAL AS AN EVENT-EVENT.....	121
<i>Holstinin V. V.</i> WESTERN MEDIA: OBJECTIVITY TRENDS IN COVERING THE POLITICAL SITUATION IN UKRAINE	124
<i>Cao Liang.</i> PROFESSIONAL CULTURE OF THE JOURNALIST: DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND CHINA.....	129
<i>Tsukanova M. I.</i> THE FUNCTIONING OF THE VORONEZH RADIO DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	132
<i>Shchepilova G. G., Kruglova L. A., Litvinzev A. E.</i> VIDEO CONTENT ON THE INTERNET: CLASSROOM PREFERENCES....	134
SUBMISSION GUIDELINES.....	139

РЕФЛЕКСЫ СТАРОПЕТЕРБУРГСКОГО И СТАРОМОСКОВСКОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ
ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Е. М. Бебчук, М. Я. Запрягаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Аннотация: материал представляет собой попытку показать на примере трех явлений, относящихся к старопетербургскому и старомосковскому произношению (утрата начального *ј*, произношение слов с буквосочетаниями *зж*, *жж*, а также с *чн*), подход составителей трех орфоэпических словарей (Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. — Москва, 2006; Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. — Москва, 2015; Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — Москва, 2016) к отражению фиксируемого произношения в современном русском ЛЯ, чтобы реализовать полученные наблюдения в преподавании орфоэпии.

Ключевые слова: орфоэпический словарь, равноправные и неравноправные варианты, старопетербургское и старомосковское произношение, дескриптивный и прескриптивный подходы.

Abstract: the article attempts to show through the example of three phenomena related to the old Petersburg and old Moscow pronunciation (the loss of initial *j* (*j*), pronouncing words with letter combinations *зж* (*zzh*), *жж* (*zhzh*) and *чн* (*chn*)) the approach to reflecting the fixed pronunciation in modern Russian literary language in order to implement the obtained observations in teaching orthoepy. This approach was adopted by the authors of three orthoepic dictionaries (T. F. Ivanova New Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Stress. Grammatical Form. — Moscow, 2006; N. A. Eskova Orthoepical Dictionary of the Russian Language: Pronunciation, Stress, Grammatical Forms / N. A. Eskova, S. N. Borunova, V. L. Vorontsova. — Moscow, 2015; M. L. Kalenchuk Big Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Literary Pronunciation and Stress at the Beginning of the XXI Century / M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. — Moscow, 2016).

Keywords: orthoepic dictionary, equal and unequal variants, old Petersburg and old Moscow pronunciation, descriptive and prescriptive approaches.

Современное состояние русского литературного произношения и ударения характеризуется наличием в нем реального многообразия различных орфоэпических вариантов, сосуществующих в пределах нормы, а также тех особенностей произношения и ударения, которые являются отклонением от нормы. Составители изданных в начале XXI в. орфоэпических словарей предлагают носителям языка следовать воплощенным в словарях нормам произношения и ударения с опорой на авторские словарные материалы, представленные в каждом из словарей. Однако сопоставительные исследования данных наиболее авторитетных словарей (под редакцией Р. И. Аванесова; Т. Ф. Ивановой [1; далее ОСИ]; Н. С. Есковой [2; далее ОСЕ]; под руководством Л. Л. Касаткина [3; далее БОС]) не только выявляют различные расхождения вариантов произношения и ударения, воплощаемые в используемых

нормативных пометах [4, с. 85–89], но и показывают включение новых орфоэпических явлений.

Так, в БОС поставлена важная задача — совместить дескриптивный и прескриптивный подходы — привести все возможные в ЛЯ варианты произношения и дать их соотносительную в нормативном отношении характеристику, т.е. указать, какое место занимает каждый вариант произношения. Опираясь на «Орфоэпический словарь» под редакцией Р. И. Аванесова, авторы БОС представили развитие фонетической науки за последнее время, которое заставило их пересмотреть некоторые сложившиеся представления о произносительных закономерностях, а также позволило выявить многие неизвестные факты [3, с. 3]. Таким образом, данный словарь имеет существенные отличия от рассматриваемых нами других орфоэпических словарей XXI века.

Задача данной статьи — показать на примере трех явлений, относящихся к старопетербургскому

и старомосковскому произношению (утрата начального *j*, произношение слов с буквосочетаниями **зж**, **жж**, а также с **чн**), подход составителей орфоэпических словарей к отражению фиксируемого произношения в современном русском ЛЯ, чтобы реализовать полученные наблюдения в преподавании орфоэпии на факультете журналистики Воронежского госуниверситета.

Новое орфоэпическое явление (включенные в словарь лексемы с ослаблением и утратой *[j]* в различных фонетических позициях) пока не нашло отражения в исследуемых нами других орфоэпических словарях XX — начала XXI вв.

Рассмотрим примеры, касающиеся только одной позиции падения *[j]*, — в начальном безударном слогe применительно к произношению лексем с начальными буквами **е** и **я**. Материалы БОС представляют эту позицию для **е** и **я** тремя основными вариантами произношения: 1) **равноправными**; при этом первым приводится вариант произношения, совпадающий с написанием, либо тот, который хронологически предшествует [3, с. 6]: *[йи^е]* и *[и^е]* — 45 слов с начальным **е**: *ежевика* [*йи^е*] *жевика*, 40 слов с начальным **я**: *являться* [*йи^е*] *вляться*; 2) **неравноправными**; второй вариант — как более редкий — возникает при быстром темпе речи: *[йи^е]* в *беглой речи* *возм.* *[и^е]* — 24 слова с начальным **е**: *епархия* [*йи^е*] *пархия*, 26 слов с начальным **я**: *ядро* [*йи^е*] *дро*; 3) **неравноправными**; второй вариант менее употребителен: *[и^е]* и *допуст.* *[йи^е]* — 93 слова с начальным **е**: *единство* [*и^е]* *динство*, 26 слов с начальным **я**: *явить* [*и^е]* *вить*. Для начальной гласной **е** дан еще один, четвертый вариант, включающий 14 слов с произношением только безударного редуцированного гласного с нулем *[j]*: *ершиный* [*и^е*] *ршиный*.

Лексемы первой и второй групп не вызывают трудностей в произношении у представителей южнорусского наречия, так как наличие *[j]* не воспринимается ими как отклонение от орфоэпической нормы. Лексемы же третьей и четвертой групп, в которых основным вариантом произношения становится *[и^е]* с падением *[j]* до нуля звука, рассматриваются носителями литературного языка указанной территории как резкое отклонение от нормы. Проведенные нами с использованием слухового анализа исследования речи носителей литературного языка, проживающих на территории Воронежа и Воронежской области, показали, что в начальном безударном слогe позиция *[j]* остается довольно устойчивой.

Таким образом, продвижение произношения без *[j]* в начальном безударном слогe в равноправные или основные варианты при отсутствии их в других орфоэпических словарях может привести к расшатыванию нормы и возникновению затруднений в овладении необходимыми навыками произношения.

Представляют интерес слова с буквенными сочетаниями **зж** и **жж**, которым в произношении соответствуют *[ж'ж']* или *[жж]*. Известно, что произношение *[ж'ж']* характерно для старшей нормы и встречается в речи культурных людей старшего поколения. Под влиянием диалектного и просторечного произношения в разговорной речи формируется новая, младшая норма, для которой характерно твёрдое *[жж]* на месте указанных сочетаний. При сравнении помет, связанных с произношением сочетаний **зж** и **жж**, было замечено следующее: в ОСИ, как правило, наблюдаются равноправные варианты произношения, при этом в одних словах на первое место поставлен вариант с мягким долгим *[ж'ж']* (*брызжет*, *брызжит*, *дребезжит*, *езжу*, *мозжечок*, *мозжить*, *разъезжать*, *разъезженный*), в других — на первое место поставлен вариант с твёрдым долгим *[жж]* (*возжжёт*, *возжжение*, *возжжённый*, *размозжить*, *размозжённый*), хотя в разделе «Нормативные и пояснительные пометы» указывается: «Произносительные варианты, равноправные с точки зрения литературной нормы, даются в одной статье, соединяются союзом **и**. При равноправности и одинаковом написании вариантов первым дается тот, в котором ударение стоит ближе к началу слова» [1, X]. Есть случаи с наличием допустимого варианта произношения, когда основным вариантом представлен твёрдым долгим *[жж]*, а допустимый мягким долгим *[ж'ж']* (*возжжи*, *возжжевой*, *жжжёный*, *жжжение*, *жжжёнка*, *жжжёт*, *можжевелик*, *можжевеловый*). А лексемы *дрожжи*, *дрожжевой* в качестве основной нормы имеют вариант произношения *[ж'ж']*, а допустимой — *[жж]*. При этом не совсем понятно, почему приоритетным у слова *мозжить* является мягкое произношение, а у однокоренного слова *размозжить* — твёрдое. Авторы БОС предлагают равноправное произношение *[ж'ж']* и *[жж]* только в двух случаях — в словах *дрожжи* и *езжу*. В остальных лексемах с исследуемыми сочетаниями в качестве основного фиксируется использование твёрдого произношения, а мягкое, как правило, представлено в качестве *допустимого устарелого* или *допустимого старшего*.

Таблица 1

Произношение лексем с буквосочетаниями **зж**, **жж** в орфоэпических словарях

Пример	ОСИ	ОСЕ	БОС
Брызжет (от брызгать)	ж' ж' и жж	ж' ж' и допуст. жж	жж и допуст. устарелое ж'ж'
Брызжать	ж' ж' и жж	ж' ж' и допуст. жж	жж и допуст. устарелое ж'ж'
Брызжание	ж' ж' и жж	ж' ж' и допуст. жж	жж и допуст. устарелое ж'ж'

Пример	ОСИ	ОСЕ	БОС
Вожжи	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'
Вожжевой	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Возжжёт (от возжечь)	Ж Ж и Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Возжжение (от возжечь)	Ж Ж и Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Возжжённый	Ж Ж и Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Дребезжать	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'
Дребезжание	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'
Дрожжи	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	Ж' Ж' и ЖЖ
Дрожжевой	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Езжу (от ездить)	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	Ж' Ж' и ЖЖ
Езженный	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	-
Жжённый	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Жжение	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Жжёнка	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Жжёт (ся) (от жечь(ся))	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Можжевательник	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Можжевеловый и можжевёловый	Ж Ж и допуст. Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ
Мозжечок	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Мозжить	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Позже	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'
Размозжить	Ж Ж и Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. устарелое Ж'Ж'
Размозженный	Ж Ж и Ж'Ж'	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	-
Разъезжать (ся)	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'
Разъезженный	Ж' Ж' и ЖЖ	Ж' Ж' и допуст. ЖЖ	ЖЖ и допуст. старшее Ж'Ж'

Таким образом, очевидно, что в ОСЕ обнаруживается препятствие расшатыванию традиционной, пусть и устаревающей, старомосковской, нормы. БОС же в большей степени отражает особенности современного произношения, стремящегося под влиянием диалектов и просторечия к «отвердеванию» звучащей речи. ОСИ демонстрирует компромисс, предлагая оба варианта как равноправные. Следует сослаться на М. В. Панова, который писал: «Что должен делать орфоэпист? Без оглядки, без оговорки рекомендовать [ж:] вместо [ж':]? Это было бы плохо. Это привело бы

к разрыву в орфоэпической традиции. Распространенность произношения — не единственный критерий для орфоэпических рекомендаций. Поэтому прав будет орфоэпист, указав на сосуществование обеих норм в современном русском языке; не надо торопиться убить норму, которая делает живыми поэтические тексты прошлого. Литературный язык — объединитель: во времени и пространстве» [5, с. 200–201].

Заслуживает внимания представление в орфоэпических словарях лексем с буквенным сочетанием **чн**. Представим данные трех словарей в таблице 2.

Таблица 2

Произношение лексем с буквосочетаниями чн в орфоэпических словарях

Примеры лексем	ОСИ	ОСЕ	БОС
Горчичник	ШН	Ч'Н	ШН! не рек. Ч'Н
Горчичный	ШН	Ч'Н	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Двоечник	ШН	ШН и допуст. Ч'Н	ШН

Примеры лексем	ОСИ	ОСЕ	БОС
Девичник	ШН	ШН	ШН
Конечно	ШН	ШН	ШН! не рек. Ч'Н
Копеечный	ШН	ШН и Ч'Н	ШН
Нарочно	ШН	ШН	ШН
Пустячный	ШН	ШН	ШН
Скворечник	ШН	ШН	ШН
Скучно	ШН	ШН	ШН! не рек. Ч'Н
-	-	Шапо[шн']ик	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Шапочное знакомство	ШН	-	ШН
К шапочному разбору	ШН	-	ШН
Яичница	ШН	ШН	ШН
Молочный	Ч'Н	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устарелое ШН
Яблочный	Ч'Н	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устарелое ШН
Булочная, булочный	Ч'Н и допуст. ШН	ШН и допуст. Ч'Н	ШН и Ч'Н
Порядочный	Ч'Н и допуст. ШН	ШН и Ч'Н	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Троечник	Ч'Н и допуст. ШН	ШН и допуст. Ч'Н	ШН и допуст. Ч'Н
Шуточный	Ч'Н и допуст. ШН	Ч'Н и допуст. ШН	Ч'Н и допуст. устарелое ШН
Яичный	Ч'Н и допуст. ШН	ШН и Ч'Н	Ч'Н и допуст. ШН
Булавочный	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. старш. ШН
Горничная	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Лавочник	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. старш. ШН
Лоточник	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Лодочник	-	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. старш. ШН
Очечник	ШН	ШН	ШН (БОС: 987)
Подсвечник	Ч'Н и допуст. устар. ШН	ШН	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Пряничный	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устарелое ШН
Шапочный	Ч'Н и допуст. устар. ШН	Ч'Н и допуст. устар. ШН	ШН и допуст. младш. Ч'Н
Сердечный	Без помет	Друг серде[шн]ый	Друг серде[шн]ый
Сердечность	Без помет	Без помет	Без помет
Сердечник	Без помет	Без помет	Без помет

Наблюдения над распределением помет в словах показывают, что полное единообразие произношения отмечается только в следующих примерах: 1) [ШН]: *девичник, нарочно, подсвечник, пустячный, скворечник, яичница*; правда, БОС приводит это произношение только в орфоэпических правилах на с. 987; 2) [Ч'Н] и допуст. устар. [ШН]: *шуточный, булавочный, лавочник, пряничный*. В остальных примерах соответствие в произношении не представлено. Более того, выявлено полное несоответствие в произношении слов *горчичник* и *горчичный*: в ОСЕ отмечено только [Ч'Н], тогда как в ОСИ и БОС — [ШН].

Для слова *копеечный* ОСЕ дает равноправное произношение [Ч'Н] и [ШН], а БОС и ОСИ включают лексему только с [ШН]. Таким образом, сохранение старомосковского произношения в большей степени отмечается в БОС [6]; к этому словарю приближается ОСЕ. В словаре под редакцией Т. Ф. Ивановой представлен более традиционный вариант.

Анализ отражения трех особенностей старомосковского и старопетербургского произношения в различных орфоэпических словарях показал, что авторы словарей расходятся в выборе предлагаемых помет. Обучение студентов-журналистов должно опи-

ратся на знание реально существующих вариантов произношения, чтобы адекватно воспринимать речь различных собеседников, в том числе и своих коллег.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.; Медиа, 2006. — 892 с.
2. Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. — 10-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ, 2015.
3. Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 1008 с.
4. Бебчук Е. М. Отражение особенностей произношения и ударения в орфоэпических словарях: трудности выбора базового словаря / Е. М. Бебчук, М. Я. Запрягаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. № 1. — С. 85–90.
5. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для ун-тов / М. В. Панов. — М.: Высш. школа, 1979. — 256 с.
6. Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века // Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 464 с.

Воронежский государственный университет

Бebчук Е. М., доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации

E-mail: bebchuk52@yandex.ru

Воронежский государственный университет

Запрягаева М. Я., доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации

E-mail: zfamily@inbox.ru

Voronezh state University

Bebchuk E. M., Associate Professor of electronic media and speech communication

E-mail: bebchuk52@yandex.ru

Voronezh state University

Zapryagaeva M. Y., Associate Professor, Department of electronic media and speech communication

E-mail: zfamily@inbox.ru

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОБЛЮДЕНИЯ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА ФОРУМЕ СМИ¹

И. А. Герасимчик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Поступила в редакцию 12 августа 2019 г.

Аннотация: рассматривается характер проявления метаязыковой рефлексии в отношении несоблюдения норм литературного языка на форуме СМИ. Анализируются метаязыковые контексты, фиксирующие ненормативное употребление языковых ресурсов в интернет-общении, изучается ответная рефлексия коммуникантов в связи с использованием приемов мониторинга грамотности в интернет-комментарии.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, языковые нормы, коммуникативная практика, интернет-комментарий, культура коммуникации, форум СМИ.

Abstract: the nature of manifestation of a metalanguage reflection concerning non-compliance with literary language norms at the forum of media is considered. The metalanguage contexts fixing the substandard use of language resources in Internet communication are analyzed, the reciprocal reflection of communicants in connection with the use of methods of monitoring of literacy in the Internet commentary is studied.

Keywords: metalanguage reflection, language norms, communicative practice, Internet commentary, culture of communication, forum of media.

Развитие современного общества во многом определяется эволюцией информационно-коммуникационных технологий, активное внедрение которых приводит к общественному переустройству, возникновению новых форм коммуникации. «Необходимость критического осмысления и коррекции привычных “технологий” общения» становится причиной активизации метаязыковой рефлексии в Интернете — «деятельности сознания (индивидуального или коллективного), направленного на осмысление фактов языка / речи и не обязательно непосредственно связанного с собственной речевой деятельностью рефлектирующей личности» [1].

Особенностью современного языкового существования в интернете являются множественные нарушения норм литературного языка. В связи с этим особую роль в метаязыковой дискурсивной практике играют метаязыковые высказывания, рефлексиирующие вопросы ненормативного употребления языковых ресурсов участниками интернет-коммуникации.

В практике интернет-комментирования, предполагающей вовлечение широкой аудитории в процессы анонимного опосредованного общения, обращение к языковой форме презентации информации используется как инструмент речевого воздействия. Внимание к метакоммуникации в условиях общения

на форуме СМИ формирует представление о коммуникативно-прагматических особенностях взаимодействия участников интернет-комментирования, затрагивает проблемы развития языка в интернет-пространстве, актуализирует вопросы культуры коммуникации в целом. Отсутствие специальных работ, посвященных изучению характера проявления метаязыковой рефлексии в отношении несоблюдения норм литературного языка на форумах белорусских интернет-СМИ, обуславливает актуальность данного исследования.

Анализ комментариев, размещенных на сайте наиболее посещаемого белорусского интернет-медиа — информационно-сервисного интернет-портала «TUT.BY», показал, что участники интернет-общения фиксируют нарушения языковых норм, реагируют на дискредитирующие комментарии, выступают в роли критика как собственного, так и чужого речевого поведения.

Иницирующие ветку обсуждения метаязыковые контексты ориентированы на исправление ошибок, указание на них, либо замечание по поводу уровня грамотности собеседника. Стимулы к запуску рефлексивных механизмов определяются целями общения, предполагающими нанесение вреда репутации оппонента либо самовыражение автора, формирование им собственного имиджа за счет указания на превосходство во владении языком.

Комментарий-исправление представляет собой корректирующую реплику, направленную на фиксацию нормативного словоупотребления. В данном

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (договор Г17Р-069 от 18.04.2017)

случае отправитель критического замечания эксплицирует установку на научение в соблюдении норм литературного языка (здесь и далее цитируемые комментарии приводятся в оригинальной версии; архив материалов за период 2016–2019 гг.— И. Г.): *Пилотку Надевают, о знаток орфографии* 😊 (02.11.2018); *Сдал через С пишется*))) 😊 (14.06.2018).

Метаязыковой комментарий, указывающий на ошибку, содержит дискредитирующее оппонента цитирование примеров употребления языковых единиц, направлен на осмеяние собеседника: *Твоим словом «Аппонент» всё прекрасно сказано, ведущий аналитиг* 😊 (27.09.2018).

Комментарий-замечание является умозаключением о низком уровне грамотности собеседника и не содержит обращения к конкретным фактам-примерам: *Судя по орфографии, некоторые представители форумной фауны остались в неолите* 🇷🇺 (06.09.2017); *Ты знаки препинания будешь ставить? Или 6 классов образования?* (27.03.2018).

Используемые в тексте комментария окказиональные номинации-аграмматизмы, оценочные метафорические обозначения личности оппонента, призывы, требования, не сопровождающиеся употреблением общепринятых этикетных средств, становятся сигналами речевой агрессии, указывают на пренебрежительное отношение автора к партнеру по диалогу.

Указывая на некомпетентность собеседника, авторы комментариев реализуют стратегию его статусной дискредитации, развивая линию аксиологической оппозиции «уровень грамотности — возможности»:

а) ошибки в тексте автора свидетельствуют о его низком уровне владения языком, а значит, об отсутствии права высказываться по поводу языка и языковой политики, использовать приемы мониторинга грамотности в интернет-общении;

б) неграмотная речь интернет-пользователя указывает на отсутствие у него профессиональных умений, необходимых в практике комментирования, а значит, предопределяет невысокую авторитетность мнения данного автора в дискуссии на форуме;

в) невысокий уровень владения языком определяется как показатель недостаточного уровня образования и интеллектуальных способностей личности, что не согласуется с возможностью представлять педагогическое сообщество, свидетельствует о невысоком статусе в обществе.

Использование в общении на форуме приемов мониторинга грамотности провоцирует ответную рефлексия коммуникантов, направленную на дискредитацию оппонента либо / и осмысление говорящим собственного речевого поведения, характеризуемого как неграмотное. Критические метаязыковые комментарии оцениваются как деструктивные, определяются как троллинг, рассматриваются в контексте идей и ценностей граммар-наци.

Дискредитирующие ответные действия предполагают обвинения собеседника в риторической слабости, несоблюдении им языковых норм, а также указание на наличие у оппонента качеств, заслуживающих осуждения: *Когда у ваты заканчиваются «аргументы», она начинает докапываться до синтаксиса и пунктуации* (24.10.2017); *Сама то ты себя не сильно утруждаешь правилами, когда русский язык коверкаешь* (08.12.2018); *Кстати, обращать внимание в споре, на орфографические ошибки оппонента это признак мании величия Доказано учёными* (24.01.2019).

Осмысление пользователями собственного речевого поведения, характеризуемого как неграмотное, связано, как правило, с оправдательной стратегией: ошибки в речи допустимы, поскольку интернет избавляет от необходимости соблюдать нормы литературного языка.

Во-первых, по мнению участников интернет-общения, обеспечение грамотности речи предполагается прежде всего в условиях обучения, в ситуации урока / экзамена. Коммуникация на форуме рассматривается как обмен мнениями, общение на равных, где не может быть распределения ролей «учитель-ученик», а значит, контроль грамотности не является обязательным. Например: *Болтовня на форуме не позиционируется, как урок орфографии. Не считаю нужным ее здесь проверять* (24.10.2017).

Во-вторых, освобождение себя от необходимости писать грамотно объясняется особенностями компьютерного письма, возможными сбоями при быстром наборе текста. Например: *Например я здесь только с мобильного телефона почти всегда пишу, почти ни одного сообщения без ошибок, потому что или автоисправление хулиганит, или где-то сенсор не сработал, или промахнулся по кнопке, или нажал сразу несколько. Вычитывать лень и на телефоне это делать неудобно* (01.10.2017).

В-третьих, соблюдение языковых норм не считается обязательным в определенных ситуациях, связанных с проблематикой обсуждения: *Как можно после такого сюжета думать о каких-то падежах?* 😊 (10.12.2018).

В интернет-комментариях присутствует и своего рода отстаивание права допускать ошибки в процессе коммуникации. При этом языковая небрежность авторов сочетается с радикализмом их суждений, нарушением этических норм в общении: *орфография — последнее утешение обиженной в дырнете пенсионерки (ц) не нравится — не читай мне пофиг дорогуша* (27.03.2018); *Мне фиолетово как правильно* (26.12.2017); *Ошибки в писанине на форумах ничего не значат, потому что: — мой язык, как хочу так и каверкаю* (27.01.2017).

Оправдание недостаточного уровня владения языком, отстаивание права излагать свою позицию неграмотно способствует внедрению в массовое сознание новых установок, размывающих представ-

ления о принятых нормах, традиционной системе ценностей. Так, в интернет-комментариях отмечается, что ценность грамотной речи зависит от выбора языка общения и не подвергается сомнению, если речь идет о коммуникации на белорусском (шире — родном) языке. При этом право на ошибки в речи отстаивается в том случае, когда неродной язык используется как язык постоянного общения на форуме: *Мой родной язык белорусский Сеня, мне позволительно делать ошибки на русском* (16.05.2017); *Ну так её родной язык башкирский... русский язык ей знать в совершенстве совсем не обязательно* (25.09.2018).

В комментариях отражается и представление о том, что грамотность должна быть присуща прежде всего представителям педагогического сообщества. При этом утверждается, что в качестве обязательного требования эта характеристика применима только по отношению к педагогам, имеющим филологическое образование: *Как взрослый человек, учитель, может настолько безграмотно писать?? И не важно кто он, физик, химик, трудовик...* (<https://talks.by/member.php?u=84333427.01.2018>); *Надеюсь, хоть не русского языка учитель? А то что-то с грамотностью у вас не очень. Труд, ОБЖ, физра?* (28.09.2018).

Отметим, что лишь немногочисленные ситуации, в которых участники интернет-общения приносят извинения за допущенные ошибки либо признают справедливость коррекционных замечаний, выступают свидетельством речевого толерантного взаимодействия: *автор осуществляет психодогический прием под названием подмрена понятий. Вы для чего это делаете. Извините за ошибки нет больше сил терпеть бредddddddddd* (19.02.2019); *Извиняюсь за орфографию, писал на эмоциях, достали*

(04.08.2018). В данном случае вербализация метаязыкового сознания выступает как «речеповеденческая адаптационная технология, которая оптимизирует речевое общение в сторону снижения риска не быть востребованным» [2, 16].

Таким образом, метаязыковая рефлексия проявляется в комментариях, фиксирующих факты несоблюдения языковых норм, имеет место в ответных репликах, содержащих осмысление интернет-пользователем собственного и чужого речевого поведения в ситуации мониторинга грамотности, направлена на определение ценности грамотной речи, выявление зависимости возможностей человека от уровня его языковой компетентности. Общение на форуме СМИ демонстрирует столкновение противоположно направленных тенденций: движение за соблюдение языковых норм сосуществует с агрессивной защитой права не придерживаться требований правильности речи в интернет-среде. В подобных условиях множественности интерпретаций человек оказывается в ситуации ценностной анархии, что может вызывать этические и нравственные трансформации в общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / М. Р. Шумарина. — М., 2011. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/metayazykovaya-refleksiya-v-folklor-i-literaturnom-tekste#ixzz5tHQAYbZr> (дата обращения: 10.06.2019).

2. Вепрева И. Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания / И. Вепрева // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2002. — Т. 61. — № 6. — С. 12–21.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Герасимчик И. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: gerasimchik_ia@grsu.by

Yanka Kupala State University of Grodno
Herasimchyk I. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Journalism
E-mail: gerasimchik_ia@grsu.by

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

М. А. Денисова

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 15 мая 2019 г.

Аннотация: *современные поэты, пишущие для детей, касаются в своем творчестве тем и проблем, ранее свойственных лишь взрослой литературе, тем самым адресуя свои произведения одновременно обеим целевым аудиториям: детям и их родителям.*

Ключевые слова: *поэзия для детей, тема, проблема, ребенок, взрослый, адресат, целевая аудитория.*

Abstract: *contemporary poets writing for children are touching upon the issues and topics which were characteristic of adult literature. Thus they address their works to both children and adult target audiences.*

Keywords: *children poetry, topic, problem, kid, adult, addressee, target audience.*

Тема семьи традиционно является одной из ключевых в русской детской поэзии. Мы с детства помним произведения, посвященные мамам и папам, бабушкам и бабушкам, бытовым семейным хлопотам, теплу и уюту родного дома: стихотворения Нины Саконской «Разговор о маме», Елены Благиной «Посидим в тишине», «Мама дочку одевала», Сергея Михалкова «А что у вас?», Агнии Барто «Колыбельная», «Помощница», Валентина Берестова «Мама уехала», «Бабушка Катя» и многие другие. В XXI веке традиции классической детской литературы продолжают поэты, поднимающие в своем творчестве вопросы, которые прежде не ставились в поэзии для детей.

Анализу подвергаются 20 стихотворений Олега Бундура, Марка Вейцмана, Сергея Махотина, Сергея Погореловского, Юлии Симбирской, Марии Рупасовой, Михаила Яснова. Детские стихи о семье, как правило, невелики по объему, преимущественно 10–16 строк, написаны от лица ребенка. Каждая строка содержит 6–8 слогов, используются классические размеры русского стихосложения, неточная рифма, все это приближает стих к речи внутрисемейного общения. Адресованы эти произведения не столько ребенку, сколько родителю, который их читает вслух.

В современной детской поэзии семья осмысливается многоаспектно. Она является центром мироздания ребенка, в котором наличие папы и мамы становится единственным обязательным источником счастья. Если в советской литературе были важны темы профессиональной отнесенности родителей, уважительного отношения к любому труду, воспитания доброго, чуткого отношения к маме и бабушке, то сегодня они не так актуальны.

Ребенок убежден, что нет выше званий, чем ПАПА и МАМА, никакие подтверждения их значимости ему

не нужны. О безусловной, безграничной любви к папе много пишет Олег Бундур: «Люблю я папу всякого / Люблю я одинаково, / Когда поет, когда грустит, / Когда он что-то мастерит, / Когда читает и молчит, / И даже если накричит, / Я не заплачу, я стерплю, / Я все равно его люблю!» (Олег Бундур «Я всегда его люблю») [1].

Ребенок счастлив, когда вся семья в сборе: «Воскресенье — вот везенье! / Воскресенья так нужны! Потому что в воскресенье / Мама делает блины. / Папа к чаю чашки моет. / Вытираем их вдвоем, / А потом мы всей семьей / Чай с блинами долго пьем» (Олег Бундур «Воскресенье — вот везенье!») [1].

Ценность непосредственного контакта с ребенком подчеркивается авторами многократно. Малыш не грустит, даже если заболел, потому что рядом мама (Олег Бундур «Я болею») [1]. В стихотворении Сергея Махотина «Воскресенье» герой делится впечатлениями о воскресной прогулке. Ему не важно, куда он отправится, главное, что он с папой («Внутри у меня газировка шипит / И медленно тает пломбир, / И папа рассеянно мне говорит: / — Куда мы — в кино или в тир? / Я тир выбираю! / Потом — шапито. / Там зебры и клоун смешной. / Но это не главное. / Главное то, / Что папа, мой папа со мной!») [2, 19].

Ничем не заменить то чувство защищенности, надежности, которое дает семья. И если для маленького ребенка его формирует мама, то постепенно ребенок осознает, что в мире много опасностей, с которыми может справиться только папа. Ничего не страшно, если он рядом. Так, герой стихотворения Олега Бундура «Возвращение с прогулки» описывает, как от дождя и непогоды их заслонил папа: «И мы за папиной спиной — Как за каменной стеной!» [3, 23]. Появление папы волшебным образом преображает ветер в ветерок, а дождь — в дождик. Даже самая страшная сказка, прочитанная папой, не страшна: «Я сказку

знаю наизусть / От слова и до слова, / Но пусть рассказывает, / Пусть, / Я буду слушать снова. / И я хочу лишь одного: / Пусть дольше сказка длится. / Пока я с папой, / Ничего / Плохого не случится. / И папу я прошу опять / С начала сказку рассказать» (Олег Бундур «Папа рассказывает сказку») [3, 18].

Сильна для малыша и потребность в объятиях, которые дают ему возможность чувствовать себя не только любимым, но и неуязвимым для различных горестей: «Если ты меня обнимешь, / Если ты меня обнимешь, / Если ты меня обнимешь, / Наяву или во сне, / Ты у бук меня отнимешь, / Ты у бяк меня отнимешь. / Никакая Букабья / Не прицепится ко мне» [4, 24]. В стихотворении Юлии Симбирской «Если ты меня обнимешь» первая строка не только является названием, но и троекратно повторяется, словно наделяя текст функциями заклинания. Во второй части произведения герой предлагает уже с помощью своих объятий аналогичный способ спасения своему папе: «Если Бука тянет лапу, / Если Бяка тянет лапу, / Если ты ее боишься, / Мы не скажем никому. / Я не дам в обиду папу, / Я спасу от Буки папу, / Я вскарабкаюсь на папу / И надежно обниму» [4, 24]. Важность тактильного контакта в другом стихотворении тот же автор передает опосредованно, через вещи: «Папа вернулся / Из командировки. / Жмутся к сапожкам / Большие кроссовки. / Папина куртка / Мою обняла. / Тоже соскучилась... / Ну и дела!» (Юлия Симбирская «Папа приехал!») [5, 12].

Лирический герой делится с юными читателями своими переживаниями и открытиями, и его рассуждения, я думаю, находят отклик в их душах. Однако, несмотря на небольшой объем, простоту сюжета, эмоциональную насыщенность и яркость образов, свойственную именно детской поэзии, в этих стихах очевидна двойная адресация. Поэзия сегодня оказалась элитарным искусством. Если маленькому ребенку, как правило, читают стихи, то уже в подростковом возрасте, когда школьник самостоятельно формирует круг чтения, в него редко входит поэзия. Взрослый читатель по преимуществу знаком с поэзией только на уровне школьной программы, и поэтому авторы стихов подчас обращаются именно к взрослым, к родителям, от лица ребенка со страниц детских книг.

Неслучайно в аннотациях и в выходных сведениях поэтических сборников сегодня можно встретить различные формулировки возрастной классификации: для детей до трех лет [6], для дошкольного возраста [7], для старшего дошкольного и младшего школьного возраста [8], для среднего школьного возраста, [2], для семейного чтения. [9], для чтения взрослыми детям [10]. Очевидно, что издатели и сами поэты все чаще ориентируются на широкую аудиторию. Но не следует полагать, что адресат поэзии становится условным [11].

Анализируемые стихи по преимуществу предназначены ребенку дошкольного возраста, в котором

посредником между книгой и ребенком, еще не умеющим читать, является взрослый. Именно он выбирает книгу, ориентируясь, прежде всего, на свой читательский опыт, на свои представления о ее функциях: развлекательных, воспитательных, познавательных, на собственные жанровые предпочтения. Выбор взрослыми книг для маленьких детей — это в определенном смысле выбор текста для себя, так как многократное чтение одного и того же произведения, свойственное дошкольному возрасту, возможно лишь в том случае, если оно нравится обоим: и ребенку, и родителю.

Рекомендация «для семейного чтения» предполагает, во-первых, что родители сами выберут, какие стихи и в каком возрасте они будут читать своему ребенку, и, во-вторых, что стихи для детей могут обладать многослойностью, благодаря которой представитель каждой адресной группы увидит в тексте то, к чему подготовлен своим возрастным и читательским опытом. Иногда двойная адресация очевидна уже в названии книги, например, составитель сборника «Для бывших детей и будущих взрослых» [7] стирает возрастную границу, рекомендуя книгу всем без исключения.

Одной из важнейших проблем, к которой привлекают внимание взрослых читателей современные авторы, является проблема одиночества ребенка в своей семье, дефицита личного общения, которое ничто не может заменить. Михаил Яснов в стихотворении «Современные страдания» описывает ситуацию, типичную для многих семей: «Мой папа за компьютером / Проводит круглый год. / У мамы заряжаются / Айпад, айфон, айпод, / Сестра сидит с букридером — / Все тихо, как во сне... / Пускай по скайпу бабушка / Расскажет сказку мне!» [12, 56]. Перечисление всевозможных современных технических средств вкупе с заголовком, отсылающим к жанру русского фольклора — страданиям, создает грустную ироничную песню, но не о любовных переживаниях девушки, а об отсутствии внимания к ребенку со стороны чуть ли не всех членов семьи.

«Мама дома? / Мамы нет. / Мама вышла / В интернет», — жалуется герой стихотворения Марии Рупасовой «Я — новость». «Мама ищет / В интернете, / Как дела / На белом свете. / Кофе пьет, / Глазами / Водит: Что там в мире / Происходит?». Мама, сидящая за компьютером или перед экраном смартфона, не участвует в жизни своего ребенка. Узнавая новости из жизни чужих людей, она упускает самое важное — своего малыша, которому сейчас она очень нужна. Произведение завершается не только ответом на вопрос, что на самом деле происходит в мире, но и своеобразным призывом ко всем родителям обратить внимание на своих детей: «Мама, я тебе / Скажу! / В мире / Я происхожу!» [13, 59].

Как мало времени мы проводим вместе! Об этом напоминает и взрослым, и детям Олег Бундур. Как

хорошо просто смотреть друг на друга, говорить обо всем, что пришло в голову. «Время свободное — / некуда деть!» [1] — восклицает рассказчик. Откуда же взялось время, которого всегда не хватает? Дело в том, что в квартире сломался телевизор, и это, на первый взгляд, неприятное обстоятельство позволило семье отлично провести время вместе (Олег Бундур «Посидим, поговорим»).

«Мама, смотри на меня!», — требует герой одноименного стихотворения Михаила Яснова [12, 70]. Каждое из четырех четверостиший, сообщающих об открытиях, которые совершает малыш на прогулке, завершаются этим рефреном: «Если чуть-чуть постараться, / Можно на пони забраться, / Как на большого коня. / Мама, смотри на меня! / Если еще постараться, / Можно на небо забраться, / Ветер с качелей дразня, / Мама, смотри на меня!». Для ребенка важно чувство сопричастности к его интересам. Очень важно не пропустить тот короткий этап, когда малыш доверчиво смотрит на взрослого, а его маленькая ладошка целиком помещается в руке папы или мамы — он нуждается в нас и готов слушать всё, что мы хотим ему рассказать.

В другом произведении этого автора лирический герой предлагает дедушке, занятому своими делами, другое, более интересное времяпрепровождение: «Хватит, дедушка, читать — / Я хочу с тобой кричать! / Хватит, дедушка, писать — / Я хочу с тобой плясать! / Хватит в книжечку смотреть — / Я хочу с тобой свистеть». И когда дедушка не реагирует на просьбы внука, тот, недоумевая, задает ему резонный вопрос: «Все читаешь, / Смотришь, / Пишешь... / Ты меня понятно слышишь?» (Михаил Яснов «Хватит!») [12, 48]. Нарушение лексической сочетаемости как художественный прием указывает на неловкую попытку героя копировать наше взрослое поведение в похожей ситуации.

Современные поэты не только напоминают взрослым о чувствах и потребностях детей, но и предупреждают от возможных последствий их равнодушия. Единственное из всей подборки стихотворение «Папы разными бывают» Олега Будура, написанное от третьего лица, повествует о том, какими бывают папы, и о том, что дети вырастают похожими на нас, родителей: «Папы разными бывают: / Тот молчит, а тот кричит, / Тот, бывает, напевает, / Тот у телека торчит, / Тот, бывает, обнимает / Теплою сильных рук, / Тот, бывает, забывает, / Что он сыну лучший друг. / Папы разными бывают... / И, когда проходят дни, / Сыновья их вырастают / Точка в точку, как они» [1]. Два первых четверостишия представляют собой одно сложное синтаксическое целое, где в шести из восьми предложений субъектом является указательное местоимение «тот». Первое предложение третьего четверостишия повторяет первое утверждение и, таким образом, подводит итог этой своеобразной классификации. А последующие строки за-

ставляют еще раз вернуться к предыдущим строчкам, чтобы «примерить» эту своеобразную классификацию уже на детей.

Нередко поэты находят повод для иронии над взрослыми: «Папа утром сам вставал, / Все до капельки съедал, / Не ронял, представьте, чашек, // Никогда не рвал рубашек, / И не бегал босиком, / И не щелкал языком, / И с дворняжкой не дружил — / Очень скучно папа жил!» (Олег Будур «Как папа жил в детстве») [3, 22]. Представление о детстве папы сформировалось у героя стихотворения, очевидно, из частых нотаций и запретов родителей. Идеальный образ маленького папы создан по преимуществу с помощью глаголов с частицей «не», отрицаются действия, которые нередко совершает реальный живой ребенок. Порой взрослые не видят своих оплошностей, которые метко отмечает малыш: «Я оделся и умылся — / Папа брился, / Я пока к столу садился — / Папа брился, / Чаю я уже напился — / папа брился, брился, брился, / а потом сказал: — Послушай, / Вот какие МЫ — копуши» (Олег Будур «Утром») [1]. Юный слушатель воспринимает эти произведения как истории о папе, и только родители отмечают истинный, скрытый для ребенка смысл.

Поэзия для детей может помочь нам, родителям, совершить путешествие в свое детство. Виктор Лунин в юмористическом стихотворении «Когда я взрослым стану» повествует об обещаниях малыша позволять своему сыну все то, что ему его отец запрещает: «Когда я взрослым стану, / Я все позволю сыну: / Руками есть сметану / И прыгать мне на спину, / Валяться на диване, / На стенке рисовать, / Жука хранить в кармане, / Лица не умывать, / Кричать, / По лужам бегать, / Спилить у стула ножки, / Не спать и не обедать, / Скакать верхом на кошке» [14, 29]. Список желаемых ребенком, но отвергаемых родителями действий велик, а завершается произведение начальными же строками, помещенными в обратном порядке. Текст заставляет вспомнить, что и мы, родители, когда-то были детьми, и наши желания, казавшиеся в то время нашим родителям неважными, для нас имели огромное значение. Это и другие стихотворения заставляют нас встать на позицию малыша и с его точки зрения посмотреть на ситуацию: «Это не делай, / Туда не ходи, / Быстро не бегай, / Не упади, / Шарфик надень, / На дворе же не лето — / Только и слышишь / Запреты, запреты... / Этого мама / Не может понять, / Снова приходится / Ей объяснять, / Что я уже взрослый, / Только я просто / Взрослый / такого / малого / роста!» [1] (Олег Бундур «Просьба»).

Детские поэты XXI века убеждают в том, что ребенка нельзя считать неполноценным взрослым, которого нужно вести к взрослению. Ребенок — это уже личность, которая наделена способностью думать, чувствовать: огорчаться, страдать, радоваться [15, 86].

В детскую поэзию подчас проникают и взрослые темы, которые непосредственно касаются и детей. Одна из них — развод родителей. Ребенок болезненно переживает эту ситуацию. Марк Вейцман в стихотворении «Эх, папа!» устами ребенка рассказывает о детской попытке понять происходящее: «Наш папа переехал к этой Тане, / Не понимаю, что он в ней нашел, / И с кем теперь в бассейн ходить он станет, / И с кем по четвергам играть в футбол? / Там, правда, есть китайский хин Кусака, / Однако же — не дог, не бультерьер! / Но ведь и мы могли купить собаку, / Немецкую овчарку, например! / Оттуда на трамвае до «Динамо» / тащиться с пересадкой целый час. / При том что, между прочим, наша мама / Красивей этой Тани в десять раз» [3, 57]. Малыш не может понять, почему папа предпочел другую тетю, как тот будет теперь жить без него и без мамы. Единственным преимуществом, понятным ребенку, может служить только наличие у этой Тани собаки.

Героиня стихотворения Олега Бундура «Девочка, дождик и скамья» не может примириться с мыслью о том, что папа уехал навсегда. Она пытается верить маме, которая говорит, что они проживут и без папы, но слезы предательски капают, и девочка шепчет: «Слышишь, пап, / Ты возвращайся, / Папочка...» [3, 33]. Трагедия семьи, показанная детскими глазами, должна восприниматься взрослыми как призыв щадить чувства своих детей. Эти стихотворения могут быть рассчитаны как на школьников среднего звена, так и на взрослых.

Тема смерти в детской поэзии также может вызывать неоднозначную реакцию родителей. В стихотворении Сергей Погореловского «В дедушкиной комнате», опубликованном в сборнике «Моя семья и я. Лучшие стихи и рассказы современных писателей для детей», герой вспоминает дедушку: «Тут сидел он в кресле, / Трость и книга рядом. / Загляну — посмотрит / Долгим, ждущим взглядом. / Ждал, что подойду я, / Что спрошу о чем-то? / Или просто вместе / Посижу в потемках?» Но у героя много других дел, и он постоянно откладывает общение с дедушкой: «— Завтра, деда, завтра / Загляну к тебе я! / Потолкуем завтра / Мы о том, об этом... / Но деньки проходят — / потолкуешь, где там!» В тексте очень тактично, осторожно проводится мысль о том, как важно дорожить близкими людьми, которые сейчас рядом. Время скоротечно, и горечь утраты часто сопровождается чувством вины за то, что не уделял достаточно времени, не выполнил просьбу, а то и вовсе не успел сказать, что любишь. Герой стихотворения раскаивается в том, что просмотр телевизионных программ оказался для него важнее, чем разговор с дедушкой: «Жизнь такая нынче, / Знаете и сами... / Что дают сегодня по второй программе? / Баскетбол — из Мексики, / Фестиваль — из Польши... / Только деда, / Дедушку / Не увидеть больше...» [16, 89].

Адресатом этого произведения также, с одной стороны, является ребенок, школьник, с другой стороны — взрослый, родитель. И значительный объем текста, и выбор некоторых лексем и выражений (ждущим взглядом, потолкуем, жизнь какая нынче), не свойственных речи современного подростка, в устах лирического героя звучат не совсем органично. Однако обозначенная проблема по сути стирает границу между детской и взрослой поэзией, заставляя ребят размышлять о том же, о чем написано в произведениях для взрослых. От поэзии для детей традиционно ждут веселья, радости или нравовучения, дидактизма, но в нее проникают иные темы, превращая беседу взрослого с ребенком в разговор на равных и, таким образом, способствуя сближению поколений.

Итак, взаимоотношения ребенка и взрослого в семье — актуальная тема детской поэзии XXI века. Современные стихи дают возможность взрослым увидеть себя глазами ребенка и, если необходимо, скорректировать свое поведение. Поэтому детская поэзия адресована как поколению детей, так и поколению отцов. Как старшим, так и младшим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бундур О. С. Стихи / О. С. Бундур. — URL: <<https://rustih.ru/>>. (Дата обращения 15.03.2019).
2. Махотин С. А. Новенький: стихи / С. А. Махотин. — М.: Эгмонт, 2018. — 64 с.
3. Я иду в школу: стихи / Состав. и ст. М. Д. Яснова. — СПб.: ДЕТГИЗ, 2008. — 303 с.
4. Симбирская Ю. С. Барашки. Сборник стихотворений / Ю. С. Симбирская. — М.: Абрикобукс, 2017. — 48 с.
5. Симбирская Ю. С. Разбегаюсь и лечу: стихи / Ю. С. Симбирская. — М.: Фома, 2011. — 24 с.
6. Рупасова Маша. Едет мамин человечек: стихи / М. Рупасова. — М.: Малыш, 2018. — 64 с.
7. Для бывших детей и будущих взрослых. Короткие стихи / В. А. Левин, Р. А. Муха, П. А. Синявский и др. — М.: Оникс, 2015. — 56 с.
8. Ярышевская Е. Шел по улице пиджак: стихи / Е. Ярышевская. — М.: Фома, 2011. — 24 с.
9. Лукомников Г. Хорошо, что я такой. Почти детские стихи: [поэтический сб. для семейного чтения]. — М.: Самокат, 2019. — 96 с.
10. Двухэтажный человек. Твои друзья от А до Я: стихи / сост. Ф. Б. Шапиро, художник В. А. Чижиков. — СПб.: Речь, 2012. — 64 с.
11. Губайдуллина А. Н. «Взрослое слово» в современной поэзии для детей / А. Н. Губайдуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 3(19). — С. 59–65.
12. Яснов М. Д. Мама, смотри на меня! Стихи для дошкольников / М. Д. Яснов. — СПб.: ДЕТГИЗ, 2014. — 71 с.
13. Рупасова Маша. С неба падали старушки: стихи / М. Рупасова. — М.: АСТ, 2015. — 64 с.
14. Колесо обозрения. Стихи современных поэтов

для детей / Сост. М. Д. Яснов. — М.: Клевер-Медиа-Групп, 2016. — 134 с.

15. Воскобойников В. М. Детская литература вчера и сегодня. А завтра? — Вопросы литературы. — 2012. —

№ 5. — С. 76–88.

16. Моя семья и я. Лучшие стихи и рассказы современных писателей для детей / Сост. М. Д. Яснов. — М.: Клевер Медиа Групп, 2017. — 140 с.

Воронежский государственный технический университет

*Денисова М. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода
E-mail: deni-mar@list.ru*

Voronezh State Technical University

*Denissova M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages and Translation Technology Department
E-mail: deni-mar@list.ru*

ПОВЕСТЬ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ» В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В. И. Дружинина

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет Старооскольский филиал*

Поступила в редакцию 3 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье анализируются условия возникновения интереса к историческому повествованию в начале XXI века. Автором рассматривается повесть Л. Бородин «Царица смуты» как произведение, предвосхитившее тенденции развития исторического повествования настоящего времени. Исследуются общие проблемы, характерные для исторического романа и романа, основанного на историческом материале.

Ключевые слова: Л. Бородин, национальный характер, смутное время, историческая проза, роман об историческом прошлом

Abstract: the article analyzes the conditions of interest in the historical narrative at the beginning of the XXI century. The author considers the story of L. Borodin "The Queen of Troubles" as a work that anticipated the trends in the development of the historical narrative of the present time. The general problems characteristic of the historical novel and the novel based on historical material are investigated.

Keywords: national character, time of troubles, historical prose, a novel about the historical past

Конец XX века был ознаменован грандиозными политическими и социальными переменами, которые отразились на развитии литературного процесса. Падение советского государства и изменение идеологического вектора сделало возможным одновременное знакомство с таким колоссальным количеством литературных произведений, что это породило некий информационный коллапс. В рамках идеологического плюрализма конца XX века происходило одновременное развитие реализма, модернизма и постмодернизма. Но на рубеже веков стало заметным творчество писателей, целью которых являлось осмысление в рамках национальной традиции исторических коллизий, ставших стойкой приметой российской действительности: В. Личутина, Б. Евсеева, Е. Водолазкина, В. Галактионовой, З. Прилепина.

Глобальность происходивших событий по меркам истории тяготела к отображению в жанре романа. Жанр романа был выбран как текст, позволяющий вследствие своего объема, многочисленности персонажей, нескольких сюжетных линий наиболее полно отразить сложную реальность, в которой пребывает человек современности.

В 2014 году в «Литературной газете» была опубликована статья Р. Сенчина «Новые реалисты уходят в историю», в которой он делает вывод о смене литературного интереса у ряда писателей молодого поколения: Д. Гуцко («Бета-самец»), С. Шаргунов («1993») и З. Прилепин («Обитель»). Автор статьи

в своем анализе утверждает, что писатели, «исчерпав запас своей жизни», стали писать о других людях и временах [1].

Д. Драгунский в развернувшейся дискуссии по поводу современного романа (2015 г.) отметил эту особенность и подчеркнул интерес к историческому повествованию: «Среди шести романов, вошедших в шорт-лист премии «Русского Букера», только один посвящен современности. Остальные — про прошлое. Это не случайно. Настоящий хорошо сделанный роман — вещь фабульная, в нем что-то должно происходить. А когда в жизни ничего в фабульном смысле не происходит, роман превращается либо в love-story, либо в детектив» [2, с. 119].

Современные авторы тяготеют к произведениям, наделенным отдельными признаками романа (прежде всего, объем произведения, продолжительность времени происходящих событий), но включающим на самом деле любой формат повествования: дневники, мемуары, житие, хроники, биографии, тексты из социальных сетей. Разговор писателя с читателем в наше время происходит довольно часто в виртуальном мире интернета, где образовалось поле притяжения-отторжения многих концепций, идей, мнений. Действительно, во многом общественная мысль рождается в публицистике. Показательно, что она переместилась с бумажных полей журналов и газет в удобное поле интернета и стала общедоступной для чтения и обсуждения. Но о своем писательском кредо принято теперь писать в колонках, блогах, интервью. В то время как для серьезного продви-

жения своих идей писатели выбирают сложный для создания, но интересный для чтения жанр исторического романа.

Глобальные перемены российской истории всегда побуждали писателей к осмыслению исторического прошлого страны и поискам выхода, что сопровождалось размышлениями о национальном русском характере. В русле этого можно рассматривать творчество известного прозаика Л. Бородина («Третья правда», «Трики, или Хроника злобы дней», «Повесть странного времени», «Ловушка для Адама», «Боже-полье», «Бесиво» и др.).

Одним из знаковых произведений автора следует назвать историческую повесть «Царица смуты» (1996). Ощущение времени, предвидение судьбоносных событий характерно для больших писателей. Л. Бородин — сторонник просвещенного консерватизма, государственник, предвосхитил своим произведением тему нового смутного времени и человека в нем и тем самым создал прецедент в новейшей истории, заключающийся в осмыслении действительности через призму прошлого.

Факт перемещения своего писательского интереса в иное историческое время подтвердил в своих интервью прозаик молодого поколения З. Прилепин: «... после таких разнородных текстов, как «Санька» и «Черная обезьяна», я внутренне для себя решил, что то, что я хотел сказать о современности, я уже сказал. И есть какие-то вещи, которые нужно искать на другой глубине — для понимания того, что сегодня с нами происходит» [3].

Повесть «Царица смуты» Л. Бородина основана на историческом материале, в основе сюжета — «смутное время» начала XVII века, окончание истории, связанной с Мариной Мнишек — женой Лжедмитрия I, венчанной на царство московской царицей.

В повести автор не отошел от канонического представления смуты, но наряду с историческими личностями — Скопин, Заруцкий, Лжедмитрий I и Лжедмитрий II — вводит и вымышленные персонажи — боярин Олуфьев и др. Л. Бородин делает главной героиней Марину, человека западного мышления, и ее глазами смотрит на московское государство и русского человека. Превалирование закона, игнорирование морали, рациональность — качества, которые характерны для Мнишек в повести Л. Бородина. На страницах исторического повествования живописуется непонимание и упрямство человека иной культуры в отстаивании своего мнения, основанного на ложных посылах. Эта повесть автором заявлена как историческая, но по охвату проблем, сюжетных линий она тяготеет больше к роману.

Обращение к прошлому, как оказалось, общемировая тенденция. В одной из рецензий к роману Е. Водолазкина «Лавр» отмечается: «... в «Лавре» жизнь еще удачно притворяется историческим романом — а это вообще любимый жанр большой прозы

последнего десятилетия, и не только в России» [4].

Таким образом, увлечением жанром романа и стремление заглянуть в историческое прошлое оказалось знаковым литературным явлением конца XX и начала XXI века.

В ряде случаев авторы не акцентировали внимание на том, что перед читателем исторический роман (Е. Водолазкин «Лавр»). П. Басинский иронично раскрывает эту неисторичность в своей рецензии в «Российской газете»: «Но «Лавр» — проза несомненно филологическая, и написать ее мог только специалист по средневековой Руси. При этом, сам же определяя жанр своей книги как «неисторический роман», автор подчеркивает, что это и не историческая проза, что герои его вымышленные, хотя, возможно, и восходящие к каким-то прототипам. При этом язык романа нередко ошеломляет. Водолазкин свободно переходит от средневековой речи к современной, и часто это происходит в пределах одного абзаца... Евгений Водолазкин написал глубоко русский роман, как бы пафосно это ни звучало. В нем есть тьма и свет, смрад, но и духовная сила. Одного в нем нет. В этом романе вовсе нет фальши» [5].

В подзаголовке намеренно указано, что это «неисторический роман», только затем, чтобы — по словам автора, «... читатели не искали того, чего там нет. Потому что это роман не об истории и не о XV веке. Он о нынешнем времени. И во всех романах, где доминирует исторический материал, рассказ идет не о былом, а о нас. Прошлые времена используются лишь как зеркало, в которое мы, нынешние, смотримся и видим в нем наши особенности» [6].

С течением времени среди исследователей открылась дискуссия о понятиях «исторический роман» и «роман на исторический сюжет (роман об историческом прошлом)», но терминологически эти явления не закреплены.

Работы Б. М. Жачемуковой и Ф. Б. Бешуковой «Художенственная специфика жанра исторического романа» и А. Сегеня «Исторический роман или роман на исторический сюжет?» предлагают наиболее полное представление по этой теме.

А. Сегень считает, что в историческом романе должно быть подробное и достоверное освещение переломных исторических событий: ««Емельян Пугачев» Шишкова, и «Петр Первый» Алексея Толстого, и эпопея «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского и многие другие» [7].

Достоверность изображения исторических событий не является приоритетом в романах об историческом прошлом (романах на исторический сюжет), о чем пишут Б. М. Жачемукова и Ф. Б. Бешукова: «Роман об историческом прошлом также обращен в историю, но, в отличие от исторического романа, в нем в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа

зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент. Персонажи данного инварианта вымышлены, преобладает художественная условность и авторская фантазия. В данном случае автор имеет право интерпретации...» [8].

Задача этого романа — показать жизнь человека на фоне разворачивающихся исторических событий и, возможно, предлагается путь разрешения проблемы, заявленной в произведении. Уже упомянутый Е. Водолазкин сформулировал цель написания романа «Лавр» так: «В «Лавре» я показываю путь — по нему можно идти, а можно и не идти» [6].

Поиски «героя нашего времени» отнесены З. Прилепиным («Обитель» 20-е годы XX в.) и Е. Водолазкиным («Лавр» XV в.) в историческое прошлое, В. Галактионовой («Спящие от печали» 90-е годы XX в.) — в неясное будущее.

Вероятно, писатели, рассматривая современность как время без ярко выраженного положительного героя, наделенного никем не оспариваемыми высоконравственными качествами, не пытаются представить достойного для подражания героя нашего времени. С этим связана отсылка к стародавним или иным историческим временам, отчасти потому, что временные пласты не позволяют проверить, действительно ли в упомянутые эпохи имели место быть описываемые в романах события.

На страницах исторической повести Л. Бородина живописуется непонимание и упрямство человека иной культуры в отстаивании своего мнения, основанного на ложных посылах. Кроме того, в этом произведении проверяется русский человек «на излом». Испытывается на прочность и живучесть национальная составляющая характера. Автор выделяет несколько типов национального характера, обозначенных им впервые в своем программном произведении «Третья правда».

Объемный роман З. Прилепина «Обитель» по мнению В. Бондаренко не что иное, как современная попытка представить совокупность национальных черт: «Писатель делает смелую попытку создать обобщенный образ русского человека. Что такое в наше время быть русским? В чем заключаются особенности русской души?» [10, с. 75].

Автор повести «Царица смуты» использует исторический сюжет для осмысления причин возникновения краха российской государственности (время написания повести — 1996 год — не самое стабильное время для молодой постперестроечной России). Писатель проводит сквозь смуту своих героев, носителей идей повести, и представляет возможный исход переломного времени. Марина и ее сын погибают в застенках. Ее самый верный помощник и опекун — боярин Олуфьев — по стечению счастливых обстоятельств остается живым и остаток жизни проводит вне государственных дел, но, впрочем, и не продол-

жая участвовать в противостоянии с молодым царем Михаилом.

А. Малышева в своей диссертации ««Клинический реализм» Захара Прилепина» делает акцент на существование смыслового поля публицистических и художественных текстов автора, а «... цель использования различных жанров коренится в стремлении детализировать и нюансировать авторскую точку зрения [8, с. 161].

Еще один очень показательный образ — образ Никиты Долгорукого, — типичен для прозы Л. Бородин. Никита Долгорукий олицетворяет собой человека, способного признать свои ошибки, покаяться. В конце повести он — монах, просит прощения: «Все мы виноваты пред тобой, Марья Юрьевна, все, кто бесами попутанные, правила тебе на погибель русского царства и тем тебя в неправде укрепляли» [11, с. 62]. Никита Долгорукий проходит путь от сопричастности несправедливому делу до осознания неправоты своих устремлений, переосмысления своей судьбы.

Становление личности путем искушения соблазнами на фоне исторических потрясений объединяет Никиту Долгорукого из «Царицы смуты» Л. Бородин, Арсения из «Лавра» Е. Водолазкина, Артема из «Обители» З. Прилепина. Но если два первых упомянутых героя преодолевают разрушительные тенденции, то Марина Мнишек у Л. Бородин и Артем З. Прилепина не определили для себя тот вектор развития, те основы, что смогли бы их спасти. Для Марины очень важна мысль о ее законном праве московской царицы на власть и царство. Власть, богатство стали большим искушением для многих самозванцев. Порой, по достижении желаемого, как замечает Л. Бородин, у самозванцев появлялась царская осанка, манеры, желание участвовать в государственном управлении, но на непродолжительное время, так как «в соискании царства любой преуспеть сумеет, коли дерзостью одержим, и все-то у него будет ладно да успешно... до поры. Но надо так думать, что царствовать — это не просто управлять, но править, отцовствовать, а на то особый дар требуем» [11, с. 38].

У Л. Бородин понятие «править» равнозначно «отцовствовать», у З. Прилепина в эссе «Зла не хватает» высказывается мысль, что нужен строгий отец-правитель с твердой рукой: «Безусловно, мы жаждем не жестокости, но Отца, который и накажет, и пожалует» [12].

В условиях реальной угрозы распада современного российского государства особо остро звучит в повести «Царица смуты» мысль государственная. В «Царице смуты» наиболее точно выстроена концепция взаимоотношений государства и личности. В повести автором предложены пути преодоления «смятенности» и «смуты» как в жизни государства, так и в жизни отдельного человека. Государственные люди и народ, отказавшиеся от личных амби-

ций и пристрастий, и православное сознание стало объединяющей основой для обретения консенсуса внутри готового к разрушению Московского государства и народа, его населявшего.

А. Солженицын положительно отозвался о «Царице смуты» Л. Бородина: «Эта повесть – в нынешние годы пустоцветения торопливого поверхностного “постмодернизма” – входит весомым вкладом в русскую историческую романистику» [13, с. 158].

Антропоцентрический аспект любого жанра литературы неоспорим, но «создать обобщенный образ русского человека» во всей его противоречивости — традиция русской литературы, уходящая корнями в прошлое.

Сверхзадачей писателей видятся поиски закономерностей исторического развития, смысла существования, незыблемые нравственные константы, влияние переломных эпох на стабильность национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенчин Р. Новые реалисты уходят в историю / Р. Сенчин // Читальный зал: Литературная Россия. 2014, № 33–34. — Режим доступа: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=11133> (дата обращения: 17.08.2019).
2. Шайтанов И. Хорошо ли сделан современный русский роман? / И. Шайтанов, Е. Шубина, Д. Драгунский, В. Козлов // Вопросы литературы. — 2015. — № 3. — С. 107–133.
3. Прилепин З. Вести себя по-есенински, по-русски / З. Прилепин // Подъем. — 2014. — № 4. — URL: <http://rodym.ruspole.info/node/5418> (дата обращения: 17.08.2019).
4. Биргер Л. Отечественный производитель свято-

сти / Л. Биргер. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения 16.08.2019).

5. Басинский П. Светящаяся тьма / П. Басинский // Российская газета. — 26.11.2012. — № 272 (5945). — Режим доступа: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (дата обращения: 17.08.2019).

6. Петухова Е. Евгений Водолазкин: «Кот Мусин был соавтором большинства моих работ» / Е. Петухова // Собака-СПб.ру. — 2017. — Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/city/books/58887> (дата обращения: 17.08.2019).

7. Сегень А. Исторический роман или роман на исторический сюжет? / А. Сегень // Образовательный портал «Слово». — Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/35682.php> (дата обращения 17.08.2019).

8. Жачемукова Б. М. Художественная специфика жанра исторического романа / Б. М. Жачемукова, Ф. Б. Бешукова // КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 17.08.2019).

9. Малышева А. И. «Клинический реализм» Захара Прилепина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. И. Малышева. — Воронеж, 2017. — 185 с.

10. Бондаренко В. Власть соловецкая / В. Бондаренко // Север. — 2014. — № 9–10. — С. 72–77.

11. Бородин Л. Царица смуты / Л. Бородин // Москва. — 1996. — № 5. — С. 18–107.

12. Прилепин З. Зла не хватает / Прилепин З. — Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/russkaja-zhizn/zla-ne-hvataet.html> (дата обращения: 17.08.2019).

13. Солженицын А. Леонид Бородин — «Царица смуты»: Из «Литературной коллекции» / А. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 6. — С. 149–158.

*Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
Дружинина В. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
E-mail: drushina@list.ru*

*Belgorod State National Research University (Stary Oskol branch)
Druzhinina V. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Philology Department
E-mail: drushina@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ПРОЗЫ А. А. КОНДРАТЬЕВА

Н. М. Заварницына

Самарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 3 сентября 2019 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается феномен театрализации недраматургического текста, выявляются формы и способы театрализации повествования в малой прозе А. А. Кондратьева. Актуальность поднятой в статье проблемы определена интересом современного литературоведения к явлению театральности и театральному коду художественного произведения. В статье изучаются компоненты литературного текста А. А. Кондратьева — мотивы сновидений, игры, маски, прием визуализации изображаемых явлений. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания спецкурсов студентам театральных и филологических специальностей, а также при подготовке семинаров по проблемам театрализации литературы.

Ключевые слова: театрализация прозы, феномен театральности, литературный текст, игровая стратегия, сновидения, авторская маска, визуализация, декоративность, ассоциации и аллюзии.

Abstract: this article discusses the phenomenon of staging dramatic text, identify forms and methods of staging narration in the prose by A. A. Kondratyev. The relevance of the problem raised in the article is determined by the interest of modern literary criticism to the phenomenon of theatricality and the theatrical code of the work of art. The article studies the components of the literary text of A. A. Kondratyev — motives of dreams, games, masks, methods of visualization of the depicted phenomena. The results of the study can be applied in the practice of teaching special courses to students of theater and philological specialties, as well as in the preparation of seminars on the problems of theatrical literature.

Keywords: dramatization of prose, the phenomenon of theatricality, literary text, game strategy, dreams, author's mask, visualization, decorative, associations and allusions.

В центре внимания современного литературоведения зачастую оказывается феномен театрализации прозаического текста, наиболее ярко проявившийся в переломную эпоху русской истории.

Категория театральности является важной литературно-художественной характеристикой, дающей возможность осмыслить как особенности художественного строя произведения, так и смыслообразующие художественные приемы, формирующие содержание литературного текста. Свидетельством широкого распространения театральности как характерной черты Серебряного века выступает проза Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967), в частности, написанная им в эмиграции повесть «Сны». Заметим, что точная дата написания этого произведения нам до сих пор не известна.

«Сны» представляют собой довольно искусно и сложно построенную историю, в которой все персонажи ведут двойное существование — в повседневной реальности и в пространстве сновидений. Организующим центром повествования выступает загадочный замок и его обитатели, в разной степени повлиявшие на судьбу друзей рассказчика и его собственную.

Первый из друзей — Федор Николаевич Гош, эстет, музыкант, «декадент». На посмертной выставке некоего художника Степанова Гош приобретает акварельный пейзаж, повторяющий приснившуюся ему таинственную усадьбу. Во сне Гош был превращен хозяином замка в оленя, на которого вскоре началась охота. В последний момент дочь колдуна, прекрасная охотница, даровала ему жизнь и возможность обратного перевоплощения. Картина Степанова убеждает героя в реальном существовании загадочного места. С тех пор главным его желанием становится настоящая встреча с охотницей, но отсутствие сведений о месте нахождения замка диктует необходимость предварительного мистического контакта. Однако рискованные эксперименты с раздвоением личности негативно сказываются на слабом физическом здоровье Гоша, и он умирает, так и не достигнув цели.

Второй знакомый рассказчика, художник Остроумов, «начитавшийся описаний полета на шабаш и служения дьяволу» [1, с. 520], настолько вживается в эту проблематику, что начинает видеть повторяющийся сон о посещении черного храма, в котором устраиваются празднества в честь Сатаны, о встрече с некой «милой барышней», о соперничестве из-за нее с падшим ангелом. Столкновение с последним вызывает у художника нервный шок, побудивший его отказаться от дальнейших встреч и поисков возлюбленной из снов.

Как мы видим, автор превращает сновидения в некое «сценическое» пространство, в которое герои возвращаются или пытаются вернуться, чтобы доиграть свою роль.

Кондратьев театрализует и сознание рассказчика. Беседуя с Гошем, он пересказывает свой пророческий сон о сдаче экзамена и сон о неких кровавых событиях в Петербурге, увиденный в 1897 г. им и университетским товарищем. И в момент реализации сновидений повествователю остается лишь проиграть тот вариант поведения, что некогда был подсказан в иллюзорном мире: «...я воздерживался от посещения тех уголков Петрограда, в которых согласно одному из моих сновидений мне угрожала опасность. К числу таких мест принадлежали, например, окрестности Петропавловской крепости. Во сне, виденном мною задолго до революции, я шел там, сапогами по замерзшей грязи и по трещавшей ледяной коре лужиц. В парке были изредка слышны одиночные выстрелы. Шел я там в темное время суток. Обычные в то время фонари почему-то не горели. Во сне я был совершенно один и неожиданно подвергся нападению вооруженных людей, одетых в русские серые солдатские шинели. Помню, что пробудился я, перелезая во сне через какой-то высокий забор, чтобы спастись от угрожавших мне снизу штыков, появившихся следом за мной. Вспоминая этот сон, казавшийся мне некогда нелепым и странным, я всегда остерегался во время революции бывать в позднее время около Петропавловской крепости» [1, с. 529–530].

Еще один возврат к сновидениям, однако уже не своим, осуществляется для рассказчика через несколько лет после революции. Случайно попав в одно разоренное имение на Волыни, он узнает от местного священника историю разгрома усадьбы, убийства графа и его демонической падчерицы, любившей прежде выезжать на огромном черном коне в сопровождении ручных волков. Цепь замыкается, когда рассказчик, гуляя, приходит к пруду с террасой и мраморными ступенями, который он впервые увидел на акварели художника Степанова. На террасе он обнаруживает следы надписи Гоша, переносившегося туда при помощи оккультных сил, и отрицательный ответ прекрасной охотницы.

«Схожая судьба постигла сны моих двух знакомых. Один из них сам не пожелал превращения сонной грезы в действительность; другой же, хотя и стремился встретить в жизни царицу своих сновидений, но та тоже не захотела наяву познакомиться с человеком, которого она пожалела во сне» [1, с. 539].

Необходимо отметить, что изложения снов развивают сюжет на отдельные сценки, вследствие чего читатель оказывается зрителем многоактного спектакля. Для автора также чрезвычайно значима установка на визуальное восприятие изображаемых явлений. Необходимость вообразить,

представить, как выглядит то, о чем говорится, усиливает эффект театрализации повествования. Описания декораций, в которых развивается действие, подробны и осязаемы: «...я бросился в озеро, изображенное на этом этюде, и поплыл мимо островка с беседкой, на картину не попавшего, по направлению к белой террасе. Помню, как становились все ближе ко мне вот эти филины в нишах. Под нишами же находились железные кольца для привязывания лодок. Видите, они тоже здесь нарисованы» [1, с. 513].

Важная особенность повести состоит в том, что герои почти не действуют, не совершают поступков, но много говорят, беседуют или слушают другого оратора. В основном они либо пересказывают свои сновидения, либо размышляют вслух по поводу того или иного предмета, либо описывают предметы.

Визуализация создает эффект наложения планов реального и изображаемого, вплоть до того, что сами персонажи, живущие между двумя мирами, легко могут переносить качества одного на другой, погружая читателя в лабиринт взаимоотражаемых плоскостей.

Изображенное на картине, увиденное во снах и в усадьбе взаимопроникают, действительность уподобляется снам, а сновидения определяют жизненные сценарии героев. Граница между реальным и ирреальным утончается. Герои оказываются замкнутыми внутри мира декораций, пойманными в ловушку искусственных реальностей, созданных их подсознанием.

В повести Кондратьева традиционным посредником в игре между реальным и ирреальным пространством оказывается зеркало. Оно способно показать человеку его Alter Ego. Так, в волшебном замке старик предлагает Гошу поглядеть в зеркало в серебряной затейливой оправе. «Хотя тайный внутренний голос и предостерегал меня от того, чтобы я смотрел в это зеркало, я почему-то не удержался и поглядел. В тот же миг кто-то возле меня сказал: “Будь оленем!” И ясно взглянула на меня с полированной блестящей поверхности оленья рогатая морда» [1, с. 512–513]. Зеркальный металлический щит охотницы возвращает герою его прежний облик: «Едва я туда взглянул, как зеленые холмы, небо и лес заплясали у меня в голове. Я почувствовал что-то, похожее на электрический удар, и упал без сознания. Последней моей мыслью было то, что прекрасная дочь колдуна не пожелала меня убить и отпускает на волю» [1, с. 514].

Игровая стратегия в произведении реализуется и на нарративном уровне. Здесь мы сталкиваемся с такой формой функционирования авторской маски, как появление «якобы реального автора среди персонажей» [2, с. 73]. Создание подобного образа, согласно О. Ю. Осьмухиной, — это «и выражение авторской рефлексии относительно себя самого, и игра с читателем — реципиентом» [2, с. 74].

Составляющей авторской маски становятся элементы автобиографии писателя. Герой «Снов», равно как и «реальный автор», «служил в одном из существовавших в дореволюционной России «управлений» — учреждении, мало имевшем общего с его «поэтическими наклонностями» [1, с. 508]. Как известно, сам Кондратьев до революции параллельно с литературной деятельностью служил в комиссии по запросам канцелярии Государственной думы.

Немаловажным автобиографическим соответствием оказывается и тот факт, что изображенное на рисунке имя обнаруживается рассказчиком на Волыни, куда он вместе с семьей (так же, как и сам Кондратьев) переезжает в 1918 г. из Крыма.

Из числа автобиографических компонентов особый интерес также представляют вещие сны.

Образ рассказчика обладает отчетливо выраженным игровым характером, поскольку «создание подобного образа — это и выражение авторской рефлексии относительно себя самого, и игра с читателем — реципиентом» [2, с. 74].

Так в творчестве А. Кондратьева анализируются способы и приемы театрализации повествования в малой прозаической форме. Автор обращается к приему театрализации сознания рассказчика, наделяя своего героя способностью видеть пророческие сны — и повествователь проигрывает увиденный ранее сценарий. Сны в повести построены по принципу театрального спектакля, в тексте активно используется визуализация, «расцвечивание» действительности. Эффект театрализации повествования усиливается посредством описания предельно реалистичных «декораций».

В основу текста А. Кондратьева положена игра со временем и пространством; зачастую стираются границы реального и ирреального, действительность уподобляется сновидениям. Игровая стратегия в повести разворачивается и через нарратив — по-

средством авторской маски, которую составляют многочисленные автобиографические параллели и соответствия.

Театральность прозы А. А. Кондратьева проявляется в подчеркнутой декоративности повествования, зрелищности, стремлении к тщательной проработке интерьера, выполняющего функции сценических декораций, присутствия театрального интертекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев А. А. Сны: романы, повесть, рассказы / А. А. Кондратьев. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 544 с.
2. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия / О. Ю. Осьмухина. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 288 с.
3. Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе XIII — первой трети XIX вв.: генезис, становление традиции, специфика функционирования / О. Ю. Осьмухина. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. — 188 с.
4. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия / О. Ю. Осьмухина. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 288 с.
5. Евреинов Н. Н. Театрализация жизни / Н. Н. Евреинов. — Режим доступа: <http://www.gnozis.info/?q=node/565>
6. Евреинов Н. Н. Театр как таковой: обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства и жизни / Н. Н. Евреинов. — СПб.: Издание Н. И. Бутовской, 1912. — 118 с.
7. Лисакова Ю. Б. Игра как культурный феномен в театральной концепции Н. Н. Евреинова: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. Б. Лисакова. — Великий Новгород, 2006. — 27 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.
9. Полякова Е. А. Театральность в литературе / Е. А. Полякова // Новый филол. вестник № 2 (7). М.: РГГУ, 2008. — С. 37–38.

*Самарский государственный институт культуры
Заварницына Н. М., кандидат филологических наук, декан театрального факультета, доцент кафедры философии и филологии
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

*Samara state Institute of culture
Zavarnitsina N. M., Candidate of philological Sciences, Dean of the theatre faculty, associate Professor of philosophy and Philology
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МАЙИ КОТОВСКОЙ)

Д. М. Кислова, О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 августа 2019 г.

Аннотация: в данной статье на основе анализа предмета, образа и основания сравнения в поэзии Майи Котовской определен круг объектов, явлений и их признаков, наиболее значимых для художественного мировосприятия автора.

Ключевые слова: сравнение, Майя Котовская, художественное мировосприятие.

Abstract: in the article the circle of objects, phenomena and their signs that are most significant for the author's artistic worldview is defined in the poetry of Maya Kotovskaya on the basis of analysis of the subject, image and basis of comparison.

Keywords: comparison, Maya Kotovskaya, artistic perception of the world.

Как известно, сравнение является одним из основных средств художественной выразительности и образности. Структура сравнения состоит из трех основных компонентов: предмет сравнения (что сравнивается), образ сравнения (с чем сравнивается предмет) и основание сравнения (по какому признаку осуществляется сопоставление объектов). Сравнение является важным средством создания индивидуально-авторского стиля художника слова, причём значимыми являются все три компонента компаративной конструкции. В. А. Ваганов справедливо отмечает, что «каждому мастеру слова присуща специфическая система сравнений и своеобразные способы их применения в тексте» [1, 3]. Рассмотрим, как предмет, образ и основание сравнения отражают специфику поэтического мировосприятия Майи Котовской, автора-исполнителя фолк-рока, известной под псевдонимом «Канцлер Ги».

В поэтических текстах Майи Котовской было выявлено 148 сравнений. Анализ показал, что предмет сравнения может принадлежать к одной из следующих денотативных сфер: **человек, явление природы (натурфакт), артефакт, абстрактное понятие**. Самую большую группу составляют сравнения, где предметом сопоставления является **человек** (78 единиц — 53% от общего числа), например: «*Я ушел как зверь*». В большинстве примеров сравнение относится к лирическому герою (30%) или персонажу, ведущему повествование. Поэтому наиболее частотным языковым средством выражения предмета сравнения являются личные местоимения 1-го лица (*я, мы*). Местоимение «мы» используется в случае, если лирический герой позициониру-

ет себя как часть некоего сообщества («*мы словно тени на дорогах*»). В 19% употреблений предметом сравнения является собеседник лирического героя, что обуславливает использование личных местоимений 2-го лица: «ты» и «вы» («*Ты пролился из рук полуночной грозой*»).

Превалирование форм личных местоимений 1-го и 2-го лица (общее количество 54%) над другими способами обозначения (6%) свидетельствует о том, что в творчестве Майи Котовской главным предметом сравнения является лирический герой.

В остальных 40% случаев человек как предмет сравнения представлен метонимически, через указания на его: а) психо-эмоциональное состояние (21%): *душа* (8), *дух, сердце* (6), *нервы* (2); б) физическое состояние или действие (9%): (*вздохи, крик, стон, молчание, шаг, объятия*); в) посредством соматизмов (10%): *рука* (4), *глаза* (3), *волосы* (1). Использование единиц данной группы свидетельствует о внимании автора к внутреннему миру человека и его внешним проявлениям.

Второе место по количественным параметрам в творчестве М. Котовской занимают предметы сравнения, выраженные лексическими единицами, называемыми **абстрактные понятия и мифологемы** (22%). Наиболее полно (37%) в этой группе представлены лексемы, называющие эмоциональное (*любовь* (2), *трагедия, тоска, стыд, ненависть*) и физическое (*жизнь, смерть, усталость, боль* (2), *мучения*) состояние человека; явления его интеллектуальной (*память* (3), *разум*) и психической (*воля, совесть*) сферы (19%). И это не случайно, поскольку поэзия как род литературы всегда апеллирует к внутреннему миру и чувствам лирического героя. В художественной системе Майи Котовской для обозначения этих

аспектов репрезентации лирического героя используется преимущественно лексика с негативной коннотацией, что указывает на его сложные отношения с окружающим миром и самим собой.

Мифологемы (*Дьявол, Бог, «гнев Господень», «Земля святая»* и др. составляют 25%. Их значительное количество объясняется принадлежностью произведений к направлению фолк-рока, для которого характерно особое внимание к язычеству или христианству.

Третья по численности группа представляет собой **натурфакты** и составляет 25 единиц (17% от общего числа). Наиболее значимым для автора природным феноменом является **время** (28%): *время (2), ночь (2), день, дни, «числа дней и лет»*. Далее по убыванию количественных параметров следуют: а) **представители фауны и их атрибуты** (*следы — 2, лапка, жемчуг*); б) **небесные тела** (*солнце (2), звезды*); в) **огонь и явления, связанные с ним** (*костры, огонь, дым*); г) **растения и их элементы** (*вишня, зерна красного перца*) и некоторые другие.

Реже всего в качестве предмета сравнения выступают **артефакты** (8% от общего числа). Наиболее полно представлены среди них явления, относящиеся к речевой сфере (54%): *слова (3), «словесный сор», строка, правда, вранье*. Таким образом, анализ предмета сравнения в творчестве М. Котовской показывает, что наиболее важным объектом художественного внимания автора является человек.

Образ сравнения в компаративной конструкции позволяет определить авторскую трактовку предмета сравнения. Самую большую группу в произведениях М. Котовской составляют компаративы, где в качестве образа сравнения выступает **натурфакт** (70 единиц — 47% от общего числа).

Первое место по численности занимают образы сравнения из денотативной сферы **фауна** (44% — 31 ед.): а) **млекопитающие** 45% (14 ед.): **грызуны** (*мышь — 3, крыса — 2*), **хищные животные** (*лес — 2, еж — 2, пантера, хорек*); б) **рептилии** 22% (*змея — 3, змей, питон, саламандра*); в) **птицы** 20% (6 ед.): *птица, птичка, голубка, чайки, стая сорок*.

Примеры показывают, что в денотативной группе **фауна** преобладают такие образы сравнения, как грызуны, хищные животные и рептилии, что служит цели негативной оценки предмета сравнения (в большинстве случаев это человек).

В 19% (13 ед.) в качестве образа сравнения выступают **реалии растительного мира**: *ковыль — 2, полынь, трава, цветок — 2* и др.

В небольших количествах представлены также лексемы, обозначающие **огонь, свет, цвет** (*тень — 4, огонь, дым, искры, гроза*) и **вещества** (*золото — 3, металл — 2, камень, песок*). Частотность обращения к природным явлениям для пояснения, раскрытия характера и особенностей предмета сравнения обусловлена спецификой художественного мировос-

приятия М. Котовской, основанного на особом отношении автора к природе.

Второе место по численности занимает группа, в которой образом сравнения является **человек** — 28 единиц (19% от общего количества).

В этой группе в 16 примерах (57%) используются наименования человека: в 7 случаях — качественная характеристика, представленная лексемами с негативной оценкой (*дурак — 3, дуручка, плейбой*) или субстантивированными прилагательными (*святые, нанятый*); в 3 случаях — характеристика по гендерному признаку (*девчонка — 2, мужик*); 2 лексемы дают социальную характеристику человека (*пьяха, служанка*). В 12 контекстах (43%) представлены части тела человека (*кость — 4, кровь*) или явления, связанные с ним (*слезы — 2, стон, улыбка*).

Образы сравнения, представленные в данной группе, создают художественную выразительность путем сопоставления одного человека с другим по значимому для автора параметру и в большей части случаев служат цели выражения положительной или отрицательной оценки предмета сравнения.

Третья по численности группа представляет собой **артефакты** и составляет 27 единиц (18% от общего числа). В эту группу входят лексемы, объединённые следующими семантическими компонентами: а) **дом и его атрибуты** (22%): *колодец — 2, дом, дверь, стена, замок*; б) **оружие** 22%: *стрела, меч, нож, плеть, гаррота, доспех*; в) **вещества** 19%: *вино — 2, сталь — 2, сода*; г) **драгоценности** 11%: *сокровище, монета, золотой венец*.

В большинстве случаев в этой группе представлены лексические единицы, обозначающие «образ дома» и оружие. Для первой подгруппы ключевым является сравнение «и к себе, словно **в дом, возвратиться**», раскрывающее важность этого концепта для лирического героя, влияние на его внутреннее мироощущение. Вторая же подгруппа, наоборот, подчеркивает враждебность окружающего мира по отношению к герою, которому приходится постоянно «воевать».

Четвертая группа включает в себя **абстрактные понятия** и составляет 23 единицы (16% от общего числа). В большинстве случаев (48%) образом сравнения являются **мифологемы** (*призрак — 4, Бог — 2, Сатана — 2, дух, эльф, вампир*). В 13% представлены **наименования эмоций** человека (*усталость, горечь, бред*). Остальные 39% составляют единичные примеры (*мысли — 2, мера длины, примета и т.д.*). Преобладание мифологем в данной группе обусловлено частым обращением автора к религии, мифологии, фэнтезийным жанрам, что свойственно не только для Майи Котовской, но и для направления фолк-рок в целом.

Анализ образа сравнения в поэзии Майи Котовской позволяет сделать вывод, что наиболее часто для характеристики объекта в её художественном

мире используются образы, ассоциативно связанные с миром природы. Второе место занимает человек. Причём данные образы сравнения служат преимущественно для негативной оценки предмета сравнения.

Основание сравнения — это признак, на основе которого осуществляется сопоставление объектов. Анализ показал, что среди оснований сравнения первое место занимает **форма и движение** сопоставляемых объектов. В данной группе можно выделить следующие виды движения: а) цикличное, движение по кругу — 28%: *день свернулся, как старый питон*; интересно, что в половине таких примеров образом сравнения являются представители флоры и фауны; б) замирание, движение в неволе — 17%: *Твоя душа в моих руках, замрет, как мышь; Сердце билось подстреленной птицей*; в) падение, нисходящее движение — 20%: *Я лежу на алтаре, будто падаю в колодезь; Мне бы стечь водою талой*; г) восходящее движение — 5%: *Ночь уходит в небо кадильным дымом*.

Второе место принадлежит сопоставлениям, ос-

нованным на определённых свойствах сравниваемых объектов, причём в 50% это сенсорные признаки: **вкус** (*Были мне мучения горьки, как сода*), **тактильные ощущения** (*...душой. Той, что тверже металла*), **температура** (*в глазах твоих, холодных, как мистраль*), а остальная часть контекстов связана с оценкой (*как дурак, поверил, что все пройдет*). Чаще всего сенсорные признаки отражают негативное восприятие предмета сравнения.

Таким образом, анализ предмета, образа и основания сравнения в поэзии Майи Котовской позволяет определить круг объектов и явлений, наиболее значимых для художественного мировосприятия автора, выявить их интерпретацию и раскрыть специфику авторского мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваганов А. В. Сравнения в художественных произведениях М. А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ваганов. — Ростов-на-Дону, 1991. — 21 с.

Воронежский государственный университет

Кислова Д. М., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета

E-mail: dashabyk@mail.ru

Чарыкова О. Н., доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики

E-mail: charykova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Kislova D. M., Postgraduate Student of the department of general linguistics and stylistics of the philological faculty

E-mail: dashabyk@mail.ru

Voronezh State University

Charykova O. N., Doctor of Philology, head of the Department of the General Linguistics and Stylistics

E-mail: charykova@phil.vsu.ru

РАССКАЗ С. Н. ДУРЫЛИНА «ДВЕ СТАТУИ»: ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е. А. Коршунова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 3 сентября 2019 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются ценностные интерпретации неисследованного рассказа С. Н. Дурылина «Две статуи» (1908). Объединяет и структурирует различные ценностные контексты прочтения текста пространство мифа: библейского, литературного и религиозно-философского мифа «серебряного века». Загадочная статуарная фигура «неведомого бога», в библейском контексте истолковываемая как образ Люцифера, в эпоху «серебряного века» она способна становиться символом языческой культуры. Находясь в пространстве духовного поиска, Дурылин изображает христианское равновесным языческому.

Ключевые слова: Дурылин, миф, языческое, христианское, статуя, ценностная интерпретация.

Abstract: this article discusses the value interpretation of the unexplored story of S. N. Durylin "Two Statues" (1908). The space of myth unites and structures various value contexts of reading the text, in particular the biblical, literary, and religious-philosophical myth of the Silver Age. The mysterious statuary figure of the "unknown god", interpreted in the biblical context as the image of Lucifer, in the era of the "Silver Age" can become a symbol of pagan culture. Finding himself in the space of spiritual search, Durylin portrays the Christian equal to the heathen.

Keywords: Durylin, myth, pagan, heathen, Christian, statue, value interpretation.

Вопрос о ценностных интерпретациях рассказа С. Н. Дурылина «Две статуи» (1908) почти не ставился в литературоведческой науке. Хотя рассказ, безусловно, небольшой и ранний, он не вошел в авторские планы издания сочинений, в нем есть что-то, благодаря чему он сохранился и дошел до наших дней, не затерявшись в архивных лабиринтах. В нем Дурылин раскрывается как яркий писатель-символист, создающий оригинальные неомифологические образы Архангела Суда и загадочного неизвестного бога античности. В акте мифотворчества писатель проходит и свой путь поиска на главные вопросы: «Где Бог? Во что верить?». Именно в этот период и год — 1908 — важный для автора в творческом отношении — вопросы веры и богоискательства были главными. Дурылин, как и другие символисты, переживал акт мифотворчества *лично*. Поэтому в это время работы над рассказом, столь важное для эстетического и духовного становления, писатель вслед за Вячеславом Ивановым может повторить: «Я <...> живу в мифе — вот в чем моя сила, вот в чем я человек нового начинающегося периода» [1, 61].

В комментариях публикатора рассказа, в попытке разгадки образа неведомой статуи, отмечалось, что «статуя неведомого бога и статуя Архангела Суда — суть два эйдоса-вида двух разных типов культуры: античной (языческой) и христианской» [2, 484]. Как

можно заметить, попытка интерпретации данного текста предпринята как определение и истолкование ценностных, прежде всего, позиций изображенных в нем персонажей: Архангела Михаила и неведомого бога как носителей определенных типов культуры. Как писал Э. Фромм, «нет ни одной культуры, которая могла бы обойтись без системы ценностных ориентаций или координат» (цит. по: [3, 161]).

В литературоведении понятие ценностной ориентации персонажа было актуализировано В. Е. Хализевым. Под ценностной же ориентацией персонажа В. Е. Хализев предложил понимать устойчивый стержень сознания и поведения людей: «Персонажи характеризуются с помощью совершаемых ими поступков (едва ли не в первую очередь), а также форм поведения и общения (ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом себя ведет), черт наружности и близкого окружения (в частности, — принадлежащих герою вещей), мыслей, чувств, намерений. И все эти проявления человека в литературном произведении (как и в реальной жизни) имеют определенную равнодействующую — своего рода центр, который М. М. Бахтин называл *ядром личности* (здесь и далее курсив автора. — Е. К.), А. А. Ухтомский — *доминантой*, определяемой отправными интуициями человека. Для обозначения устойчивого стержня сознания и поведения людей широко используется словосочетание *ценностная ориентация*. <...> Ценностные ориентации (их мож-

но также назвать жизненными позициями) весьма разнородны и многоплановы. Сознание и поведение людей могут быть направлены на ценности религиозно-нравственные, собственно моральные, познавательные, эстетические. Они связаны и со сферой инстинктов, с телесной жизнью и удовлетворением физических потребностей, со стремлением к славе, авторитету, власти» [3, 178–179].

Этот рассказ интересен именно тем, что в нем говорят и действуют, руководствуются определенными ценностями не люди, а ожившие статуи Архангела и неведомого бога, которые являются определенного рода надэпохальными и интернациональными сверхтипами или символами. Но только ли языческой и христианской культур, как об этом писала А. И. Резниченко?

Известно, что мифологические образы в символизме выполняли роль мифа-кода, «проясняющего тайный смысл происходящего», таким образом «план содержания образует соотнесение изображаемого с мифом» [4, 82]. Хотя повествование в рассказе стилизовано под средневековую новеллу и происходит во Флоренции, оно почти не связано с этой исторической реальностью. История для Дурылина — это лишь фон происходящего, «первая» сюжетно-образная художественная реальность, позволяющая актуализировать в данном случае мифологический античный образ статуи неведомого бога. В рассказе Дурылина собственно нет персонажей и традиционного событийного сюжета, единственные действующие лица — статуи, событие — духовная метаморфоза, происходящая с ними, Архангел принимает на одну ночь «ношу» неведомого бога, неведомый бог — «ношу Архангела». Характерно в данном случае и то, что в рамках одного произведения могут функционировать мифологемы, восходящие к разным мифологиям и «вечным» образам. Ведь символистский миф априори многослоен, в каждом слое или «уровне истолкования» мифа прочитывается свой вариант интерпретации исторического сегодня. Об этом, говоря о структуре мифа, писал А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа»: «Личность, история и слово — диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа» [5, 247]. Но в то же время, как отмечалось, «неомифологическая проза, отличающаяся полигенетичностью, способствовала выходу литературы за пределы индивидуальной психологии и национально-исторического континуума, ставя перед собой задачу выявления архетипических первооснов человеческого бытия, сознания и психики [6, 27–28]. Все данные особенности поэтики мифа отражены в рассказе «Две статуи», попробуем в данной статье представить эти разные «слои» представленного мифа.

Посредством обращения к античности и ее мифам, на этой эстетической основе, в рассказе созда-

ется свой оригинальный миф о тождестве христианского и антихристианского начал, характерный для исканий «серебряного века» [см. 7]. Подобным образом построена трилогия Д. С. Мережковского «Христос и антихрист» (1895–1905) и «Огненный ангел» В. Я. Брюсова (1907). Миф Дурылина, представленный в рассказе, безусловно учитывает этот контекст, более того, он строится на нем и «насыщен разного рода философскими, психологическими и религиозными ассоциациями. Он выступал у них (символистов. — Е. К.) в роли не только конкретного приема поэтики, но становился всеобъемлющим художественным принципом, призванным уловить и выразить новое мироощущение» [8, 95]. Поэтому функция мифа здесь скорее не эстетическая, а религиозно-философская.

Можно предположить, что личностное переживание Дурылиным мифа о тождестве христианского и антихристианского начал обусловило и фантастический сюжет, и специфику персонажей. Автор задумывал рассказ как попытку поиска ценностных основ бытия и выяснения онтологического статуса таких вечных понятий, как зло и добро, атеизм и вера, космос и хаос и т.д. В 1908 г. году для понимания вектора этих исканий важен и более ранний рассказ «Золотая осень», написанный незадолго до «Двух статуй».

В этом рассказе вниманию читателя представляется сознание юноши-интеллигента «серебряного века», Михаила, увлеченного духовными поисками «по Мережковскому». Увлечение историей позднего язычества и раннего христианства, личностью Юлиана Отступника у героя, конечно же, вызвано влиянием Д. С. Мережковского и его трилогии «Христос и Антихрист», в частности ее первой части «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895) и чтением Ф. Ницше, в свою очередь повлиявшего на Д. С. Мережковского, ведь название трилогии «Христос и Антихрист» появилось как следствие диалога писателя с Ницше и одной из главных его книг «Антихристианин» (о ней не зря упоминает герой Дурылина). В литературоведении уже не раз высказывался тезис о том, что для символистов творчество Д. С. Мережковского «становилось своего рода “словарем” тем и образов» [9, 784]. Теперь можно с уверенностью сказать, что это можно проиллюстрировать примерами не только из творчества Блока, Белого, Бердяева, Вяч. Иванова, М. Пришвина [9, 784], но и Дурылина. Апеллируя к образности романа «Смерть богов. Юлиан Отступник», юноша рассуждает о борьбе «торжествующего Галилеянина» и Диониса, христианства и язычества, сумерек и «золотых лучей склоняющегося к закату солнца». Как уже отмечалось, духовные искания Юлиана были во многом созвучны идеям, которыми на рубеже 1880–1890-х годов увлекся Д. С. Мережковский. Император (так, как он представлен в романе) не может принять христианской истины, которая кажется ему отрицанием чувственности. Поэтому герой

рассказа Михаил склонен отталкиваться от христианства, а не принимать его.

Это противоречие стало той мыслительной и философской основой, на которой строился сюжет о причудливой **метаморфозе**, происходящей с двумя статуями из одноименного рассказа Дурьлина. Однако здесь писатель начинает преодолевать свое восхищение язычеством, поэтому «Две статуи» — совершенно новый вариант истолкования и понимания все той же антиномии.

Возле виллы некоего римского патриция стояла на мраморном подножии статуя «неведомого бога», о которой читатель узнает вначале немного, например то, что статуя стала свидетельством совершенства «древних». «Тайная прелесть и сила юного бога» были «тем пленительнее, его улыбка тем сладо-страстнее, его отверстая нагота — тем желаннее, его воля — властней, что имени бога не ведал никто» [10, 752]. Читатель рассказа движим одним желанием — раскрыть секрет статуи, узнать, кто же изваян в виде прекрасного бога. Данная проекция, наиболее часто используемая в литературе, отображает взаимодействие статуи с людьми. Пафос восхищения, которое неизвестная статуя вызывает у проходящих, у поэтов и художников, безусловно, заставляет вспомнить и о других подобных сюжетах, связанных с поклонением статуе... Ведь ореол «тайны» побуждает к этому вдумчивого читателя. Как показала Н. М. Солнцева, платонический восторг испытывал Юлиан Д. С. Мережковского перед прелестями Афродиты. А в новелле немецкого романтика Й. К. Б. Эйхендорфа «Мраморная статуя» (1817) ожившая статуя — сюжетная мотивация пребывания героя в атмосфере страстей грота Венеры. В «Зимней сказке» (1611) У. Шекспира король Сицилии Леон влюбляется в статую и даже хочет поцеловать ее в губы. <...> Мраморная статуя богини вызывает смятение Максимилиана, героя повести Г. Гейне «Флорентийские ночи» (1833). Ночь он проводит в мечтах о ней, ее губах, ямочках и т.п. <...> Чеховский Ионыч («Ионыч», 1898) в кладбищенских статуях «видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным<...>». Всевозможные же Венеры породили ставшую популярным сюжетом монументофилию (например, история о Пигмалионе в «Метаморфозах» Овидия)» [11, 29]. Примечательно, что сюжеты о вредоносной статуе связаны с Венерой — губительницей христианских душ. В «Венере Ильской» П. Мериме Венера изображена в виде демона. Возможно, именно этот контекст связан непосредственно с рассказом Дурьлина, ведь эпиграфом к рассказу были строки из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни...» (1830): «То было двух бесов изображень» [10, 751].

Как справедливо указал Р. Якобсон, «мало есть пушкинских образов, которые бы так томили комментаторов, как образы этих двух бесов. Достаточно

вспомнить Мережковского, который без каких-либо оснований навязывает Пушкину нищеанскую антитезу Аполлона и Диониса <...>, хотя никакого противопоставления двух бесов здесь нет, а второй бес очевидным образом является изображением Венеры» [12, 158]. Дурьлин, увлекшись пушкинским сюжетом, переносит в свой текст не только «загадку» (мотив угадывания имени неведомого бога), но и потенциальную ассоциацию с обозначенными демоническими коннотациями образа Венеры.

Это становится понятным при появлении в сюжете рассказа другого изваяния, Архангела суда. С этого момента и происходит причудливая **метаморфоза**: статуя перестает быть объектом поклонения и восхищения, а становится субъектом повествования. В полночь, что само по себе символично, автор оживает своих вечных героев. Диалог Неведомого с Архангелом строится как своеобразное «искушение» благородства и силы Архангела, ведь именно Неведомый желает испытать силу и власть небесного Архангела, он шепчет, почти умоляя небожителя: «Так, сойдя с подножий наших, узнаем тяготу их, и то, что попираем, подыдем, и то, что ныне держим, попирацию дадим. Будет же все это только в ночь единую, и к первым лучам, вернувшись на наше место, решим воистину справедливым решением, равновесны ли ноши наши, и тогда вновь поднимем их на себя или, отвергнув, возьмем на себя иные: ту, что я несу, ты, и ту, что ты несешь, я. Так свершим суд древнего братства своего, потому что разумно брату от брата борьбой отъединенному, измерить тяготу братнюю, исчислить меру труда его и любви, и, исчислив, предстать на суд отцовский» [10, 754]. В этом свете упоминание о древнем братстве Неведомого и Архангела переносит происходящее в пространство мифа и прочитывается как отсылка к моменту библейской истории, повествующей об отпадении Денницы от Бога. Так, согласно Библии, образовалось царство Люцифера. Оговорка получает в тексте развитие, Неведомый почти буквально воспроизводит текст пророчеств Откровения, в котором указывается на событие низвержения сатаны Архангелом: «Когда придут сроки, положенные тем, чье имя слишком часто произносится всеми, чтобы мне произносить его, ты пронзишь меня, если так будет суждено, древний брат мой, мечом твоим, и паду, и не буду! Так и будет» [10, 753]. В таком ценностном контексте фигура Неведомого является не кем иным, как несмирившимся со своей участью Люцифером. Это прочтение, образованное прамифом, составляет первичный или глубинный «слой» современного мифа.

Однако на такое толкование накладывается и предыдущий контекст, в котором статуя выглядит как образ античного совершенства. Ответ и загадку противоречия, как нам представляется, может подсказать опять же Д. С. Мережковский, творчеством которого Дурьлин в это время был очень увлечен.

В первой части трилогии «Христос и Антихрист» автор изображает точку зрения христиан, для которых языческие боги и являются бесами. Более того, нечистые уютно чувствуют себя в языческих статуях:

«Говорят, в каждом идоле по бесу, а в богинях — так по два и по три...

— Как начнет плавиться, сделается лукавому жарко, — он и выпорхнет из поганого рта, в виде кровавого или огненного змия...

— Нет, — надо было раньше перекрестить, а то, пожалуй, и в землю ужом уползет. В позапрошлом году разбивали капище Афродиты; кто-то и брызни святой водой. И что же бы вы думали? Из-под одежды выскочили крохотные бесенята. Как же? Сам видел. Смердные, черные, в белых-то складках, мохнатые. И запищали, как мыши. А когда Афродите голову отбили, так из шеи главный выскочил, вот с какими рогами, а хвост облезлый, голый, без шерсти, как у паршивого пса...» [13, 51].

Именно эту образную игру и современный миф «серебряного века», обратившись к Мережковскому, «виртуозно» показал Дурылин, гораздо более лаконично выразив свое понимание язычества. Современный «слой» прочтения, не порывая с прамифом, все же более полифункционален и призван дать свои ответы на вопросы грядущих исторических вызовов эпохи. Дополняет смысловое поле интерпретаций и эпиграф к рассказу из стихотворения Пушкина «В начале жизни...» (1830): «То было двух бесов изображенье».

Пушкин называет статуи бесами в этом стихотворении метафорически, вскрывая оболстительный обман магии легких прошлых любовных увлечений, накануне женитьбы хороня любовное прошлое. Однако метафора Пушкина оказывается «крылатой» и в контексте рассказа Дурылина подтверждает выводы автора о разрушительной природе «языческого». Но если у Пушкина статуя чаще всего губительна («Медный всадник», «В начале жизни...»), то у Дурылина ее одухотворение имеет все же спасительный смысл. Здесь примечателен еще один статуарный сюжет Дурылина из пьесы «Дон Жуан» (1908). Вслед за А. С. Пушкиным и в споре с ним Дурылин создает новую версию трактовки героя. Автор впервые вводит образ Светлой девы в качестве действующего лица пьесы о Дон Жуане. Таким образом, он смещает смысловые акценты текста: это сюжет не о возмездии статуи, как у Пушкина, а о прощении героя статуарной Светлой Девой. Маркером этого концептуального смещения становится замена статуарных персонажей. У Дурылина в пьесе «Дон Жуан» статуарна Светлая Дева, а не Командор.

В противоборстве Неведомого и Архангела отображен поиск Дурылиным ответа на непростой вопрос, который задает опять же герой Мережковского: «Во что же верить? Где Бог?».

«Но во что же верить? Где Бог?»

— И там, и здесь. Служи Ариману, служи Ормузду, — как хочешь, но помни: оба равны; царство Диавола равно царству Бога.

— Куда идти?

— Выбери один из двух путей — и не останавливайся.

— Какой?

— Если веришь в Него — возьми крест, иди за Ним, как Он велел. Будь смиренным, будь девственным, будь агнцем безгласным в руках палачей; беги в пустыню; отдай Ему плоть и дух; терпи, верь. — Это один из двух путей: великие страсто-терпцы-галилеяне достигают такой же свободы, как Прометей и Люцифер.

— Я не хочу!

— Тогда избери другой путь: будь сильным и свободным; не жалея, не любя, не прощай; восстань и победи все; не верь и познай. И мир будет твой, и ты будешь, как Титан и Ангел Денницы.

— Не могу я забыть, что в словах Галилеянина есть тоже правда; не могу я вынести двух истин!..

— Если не можешь — будешь, как все. Лучше погибнуть. Но ты можешь. Дерзай» [13, 61].

Находясь под влиянием идей Д. С. Мережковского о возможном синтезе языческого и христианского, Дурылин-символист все же изображает две истины равновесными. После ночного пути искушений Неведомый и Архангел возвращаются на свои подножия, как это и было предложено Неведомым. Автор, находясь под обаянием свободы, предложенной Люцифером, и правды Галилеянина, сталкивается с невозможностью однозначного выбора. Но если Мережковскому для выражения своих идей нужно было написать трилогию, то Дурылин смог сформулировать и показать обозначенные проблемы во всей их многомерности на страницах одного небольшого текста, «в поисках универсальных способов обобщения обращаясь к мифу, находя в нем наивысшее выражение символа» [8, 93]. Таким образом, миф, «многослойное» пространство мифа образует спектр адекватных ценностных интерпретаций данного рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / М. С. Альтман. — СПб., 1995. С. 61.
2. Резниченко А. И. Рассказ С. Н. Дурылина «Две статуи» / А. И. Резниченко // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. — М., 2010. — С. 283–285.
3. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М.: Академия, 2009. — 432 с.
4. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Уч. зап. Тартуского ун-та: Блоковский сб. III. — Вып. 459: Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. — Тарту, 1979. — С. 76–121.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Академический Проект, 2008. — 303 с. (Философские технологии).
6. Золотухина Н. А. Поэтика новелл Н. С. Гумилева 1907–1909 годов: Монография / Н. А. Золотухина. — Харьков, 2009. — 146 с.
7. Минц З. Г. А. Блок и В. Иванов / З. Г. Минц // Уч. зап. Тартуского ун-та. — Тарту, 1982. — Вып. 604.
8. Колобаева Л. А. Полифункциональность неомифологизма в творчестве сиволистов (В. Брюсов, Вяч. Иванов, Ин. Анненский) / Л. А. Колобаева // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. — М., 2010. — С. 93–103.
9. Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. — М.: Наследие, 2001. — 877 с.
10. Дурьлин С. Н. Рассказы, повести, хроники / С. Н. Дурьлин. — СПб.: Владимир Даль, 2014. — 863 с.
11. Солнцева Н. М. Сюжет о статуе / Н. М. Солнцева // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика, 2014. — № 2. — С. 29–35.
12. Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. Якобсон // Работы по поэтике: Переводы. — М., 1987. — С. 145–181.
13. Мережковский Д. С. Христос и антихрист: Трилогия: В 2 т. / Д. С. Мережковский. — Т. 1.: Смерть богов (Юлиан Отступник): Роман; Воскресшие боги (Леонардо да Винчи): Роман: Кн.1–9. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000. — 576 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Коршунова Е. А., кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Korshunova E. A., Candidate of Philology, Doctor's Degree Student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and Modern Literary Process
E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com*

ЛЕКСЕМА КОРОВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кумба Сиссе

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Аннотация: *Корова для многих народов является олицетворением плодородия, процветания, благосостояния и терпеливости, так как корова дает человеку пищу, ничего не требуя взамен. В славянской культуре она является одним из основных домашних животных, животное-кормилица, дающее молоко. Однако во фразеологии она может иметь, как не основную, отрицательную коннотацию, ее неторопливость дала основу для развития символического значения лексики корова как символ неуклюжести, неловкости, неповоротливости: (этакая) корова — неуклюжая, толстая женщина.*

Ключевые слова: *корова, славяне, символ, обряд, фразеология, языковой образ.*

Abstract: *For many nations, a cow is the personification of fertility, prosperity, well-being and patience, since a cow gives a person food without demanding anything. In Slavic culture, it is one of the main domestic animals, the feeding animal, which gives milk. However, in phraseology, it can have a negative connotation, its slowness provided the basis for the development of the symbolic meaning of a cow as a symbol of clumsiness, awkwardness, sluggishness: cow — an awkward, fat woman.*

Keywords: *cow, Slavs, symbol, ritual, phraseology, language image.*

Корова для многих народов является олицетворением плодородия, процветания, благосостояния и терпения [1, с. 96]. В индуистской и в буддийской традиции спокойный, уравновешенный характер коровы настолько полно совпадал с представлениями о благочестивой жизни в индуистской и в буддийской традиции, что она стала наиболее почитаемым и священным животным. Она символизирует Мать-Землю, так как корова дает человеку пищу, практически ничего не требуя взамен, кроме дешевого корма. Корова также считается символом луны и неба, потому что ее рога напоминают полумесяц, а ее молоко связывают с Млечным Путем. Головы богини Луны во многих культурах украшены рогами коровы. Нут, египетская богиня неба, иногда изображалась в виде коровы, и великая Мать Хатор, богиня неба, радости и любви, кормилица всех существ на земле, также часто изображалась в виде коровы [2, с. 83].

Корова в африканской культуре символизирует знания, потому что по ее глазам и поведению пастух может определить события, которые произошли, и угадать будущее.

Как отмечает С. П. Бушкевич, «В древности славяне не забивали коров на мясо. Коров не режут, а продают даже в случае болезни или старости. И фактическая, и условная продажа заболевшей коровы воспринимается как магическое средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы ее мясо хозяева не потребляли, а продавали его соседям или всем жителям села. Корова играет важ-

ную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. По поведению коровы можно предсказать смерть в доме. Есть свидетельства того, что на Руси коров часто хоронили как людей» [3, с. 248]. Таким образом, уже в древности корова была почитаемым и священным животным.

У южных славян утром в Юрьев день хозяйка взбивала масло из молока, а дочь залезала на крышу дома. «Какая погода?» — спрашивала мать. «По всей земле — Солнце, над нашим домом — облако», — отвечала девочка. Этот обряд должен был способствовать увеличению молока у коров. С той же целью коров выгоняли пастись в Юрьев день и на Купалу очень рано, «на росу» [3, с. 249], т.е. в представлениях славянских народов корова считалась защитником от всякого зла, от нечистой силы, прежде всего ведьм, занимающихся отбиранием молока. В этнолингвистическом словаре славянских древностей (ЭССД) упоминается, что магические способы усмирения домового зависят от благополучия коров (подбор скота в масть домовому, жертвы, оставляемые в хлеву и др.) [4, с. 608–609]. Образы животных воспринимались как посредники между человеческим и потусторонним мирами, так как в сознании людей граница между миром духов и человеческим миром не очень велика, поэтому домашних животных держали больше для защиты от мистических вещей, чем ради прибыли.

М. А. Тростина подчеркивает, что в мордовских народных сказках корова «неизменно выступает как тотемное животное, связанное с миром предков, и оказывающее помощь нуждающимся в ней» [5, с. 64].

Корова в русской культуре — одно из основных домашних животных, дающее молоко, животное-кормилица. В Национальном корпусе русского языка мы находим такие устойчивые выражения: *Красна баба повоем, а корова удоем; Корова на дворе, харч на столе*; поэтому корову считали богатством семьи. Этот факт отражен в произведениях писателей XX века: *У них было одно богатство — корова, за коровой ходила чёрная старуха* (Б. А. Пильняк); *Россия — священная наша корова... буренка наша. Кормилица-попилица* (Сергей Шаргунов).

Потребительское отношение к корове зафиксировано во фразеологизме *дойная корова* — «о чем-то, что используют в качестве постоянного источника материальных благ». В то же время отношение к корове как кормилице передают уменьшительно-ласковые апеллятивы *коровка, коровушка, буренка, буренушка* [5, с. 169]. *Шаркая широкими боками о половинки ворот, мыча кротко, добро, входит Буренка, кормилица* (А. Н. Толстой). Поскольку корова является кормилицей, она символизирует материнство и женское начало: *корова является матерью человека, ведь она выкармливает его своим молоком* (Герман Садулаев); *Ходит, как корова за теленком*. Н. Г. Склярская приводит психологически реальное значение слова корова в русской культуре, в которое входят семы «ласковая», «добрая», «смирная», «умная» [6, с. 62].

Однако в русской фразеологии корова иногда имеет и отрицательную коннотацию. Неторопливость коровы дала основу для развития символического значения коровы как символа неуклюжести, неловкости, неповоротливости: (этакая) корова «неуклюжая, толстая женщина»; как корова (неуклюжая); как корова на льду «о человеке, неуверенно идущем по скользкой поверхности», «о женщине на высоких каблуках» [5, с. 138]; *Она и красавица, и умница, и стройная, и сексуальная, а ты корова, бомбовоз в юбке!* (Татьяна Устинова); *Сдери ты с меня эту шкуру. Да не стой ты, корова лопухая! Филька корявыми, замерзшими руками выцарапывался из тужурки* (Б. С. Житков. Виктор Вавич); *А, а! Буренка! она один раз пьяному казаку весь хохол на кичке съела, а животина добрая... питает»* (Н. С. Лесков). В словаре С. И. Ожегова отмечено также выражение *корова на заборе* (о неуклюжем всаднике) [7, с. 1070].

Каждое домашнее животное имело в хозяйстве свое предназначение. Это прослеживается во фразеологизмах *идет как (к) корове седло* «ничуть, нисколько, совершенно не идёт»; *как на корове седло сидит что-н. на ком-н.* (о нескладно сидящей одежде); пословице *Нищему гордость, что коровье седло*. Седло предназначено для верховой езды и надевается на лошадь.

Корову же для верховой езды не используют, и поэтому седло на неё не надевают. Ср. также выражение, зафиксированное у Даля: *Обул корову в лапти* «о том, что совершенно не подходит» [5, с. 169].

С образом коровы связано также выражение *как корова языком слизала* «нигде не видно, пропал бесследно, исчез». Во фразеологизме отражено сложившееся представление о корове как о жвачном всеядном животном, способном слизать своим широким языком любую пищу, находящуюся в пределах его досягаемости [8, URL].

И еще можно подчеркнуть, что сочетание «священная корова» имеет также переносное значение «то, что высоко ценится, почитается»: «...только в мире социализма священная корова — это сам труд, свободный от эксплуатации и потому должный производить не только общественные блага, но и личное счастье; а в языке капитализма «...» (Илья Калинин). «*Священная корова*» для демократов — это *рост пенсий вровень «...»* (Елена Котова). *Свобода слова не есть самоцель, священная корова демократии* (Сергей Гончаров). *Ох уж эта священная корова либерализма — «свобода слова»* (Федор Бармин).

Крайне интересно употребление лексемы *корова* в творчестве русского педагога К. Д. Ушинского — он наделяет корову человеческими чертами. Корова — это мать, которая переживает за своего ребенка и защищает его. В рассказе «Бодливая корова» корова героически защищает своего теленка и маленькую девочку от волка. Корову эту никто не любил в деревне из-за ее вредного характера и длинных прямых рогов, но ее поступок вызвал у всех уважение.

Таким образом, даже небольшой анализ символического значения слова *корова* позволяет представить национальную специфику восприятия ее и специфику отражения мира в русском языке через этноязыковые ассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Л. Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений / Л. Г. Бойко // Известия ВГПУ. — № 5. — 2008. — С. 94–97.
2. Тресиддер Джек. Словарь символов / Джек Тресиддер. — М.: Индрик, 1999. — 202 с.
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. — М.: Международные отношения, 2002. — 512 с.
4. ЭССД — Этнолингвистический словарь славянских древностей: в 2 т. — М.: Русский язык, 1995. — 687 с.
5. Тростина М. А. Архетип коровы-кормилицы в фольклоре русских и мордвы / М. А. Тростина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2018. — С. 62–65.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Т. 2. — М.: 1863. — 627 с.
7. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. — СПб.: Наука, 1993. — 151 с.

8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Шведова. Изд., стереотип. — М., 2009. — 3423 с.

9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический ком-

ментарий / [под ред. В. Н. Телия]. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 781 с. — [Электронный ресурс]. http://phrase_dictionary.academic.ru.

*Воронежский государственный университет
Cisse Koumba, аспирантка филологического факультета
E-mail: coumba89@outlook.com*

*Voronezh State University
Cisse Coumba, Postgraduate Student of the Faculty of
Philology
E-mail: coumba89@outlook.com*

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ «СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Р. В. Любарский

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Поступила в редакцию 3 июля 2019 г.

Аннотация: творчество Карлоса Кастанеды оказало воздействие на многих русских и зарубежных писателей. В список его поклонников входили Джон Леннон, Уильям Берроуз, Федерико Феллини и Джим Моррисон. Упоминание Кастанеды можно найти в произведениях таких российских музыкантов, как, например, Борис Гребенщиков («Аквариум»), Гарик Сукачев («Неприкасаемые»), Егор Летов («Гражданская оборона»), Армен Григорян («Крематорий»), Илья Кнабенгоф «Чёрт» (Пилот), Александр Васильев («Сплин»). Особенно заметно влияние идеологии Карлоса Кастанеды на Виктора Пелевина. Отражение концепций Карлоса Кастанеды является одной из самых актуальных проблем в современной литературе. В статье показана реализация концепции Карлоса Кастанеды «сталкинг сталкеров» в произведениях Виктора Пелевина «SNUFF», «Бэтман Аполло» и «Т». Рассмотрена сущность «сталкинга сталкеров» в книгах Карлоса Кастанеды как метод регулирования поведения субъекта с целью сокрытия от него определенных аспектов реальности. Сделан вывод о наличии «сталкинга сталкеров» в творчестве Виктора Пелевина в виде мнимого отражения объектов и субъектов окружающей среды с целью отвлечения внимания индивида от действительно существующих посредством вызова в некоторых случаях эмоций и представлений разнообразного характера. **Ключевые слова:** Бэтман Аполло, SNUFF, Т, Карлос Кастанеда, Виктор Пелевин, сталкинг сталкеров.

Abstract: the works of Carlos Castaneda, influenced many Russian and foreign writers. The list of his admirers included John Lennon, William Burroughs, Federico Fellini and Jim Morrison. References Castaneda can be found in the works of such Russian musicians, such as Boris Grebenshchikov ("Aquarium"), Garik Sukachev ("untouchables"), Yegor Letov ("Civil defense"), Armen Grigoryan ("the Crematorium"), Ilya Knabengof "Hell" (Pilot) and Alexander Vasiliev ("Spleen"). Especially noticeable influence of the ideology of Carlos Castaneda Victor Pelevin. The reflection of the concepts of Carlos Castaneda is one of the most pressing problems in contemporary literature. The article shows the implementation of the concept of Carlos Castaneda's "stalking the stalkers" in the works of Viktor Pelevin "SNUFF", "Batman Apollo", and "T". The essence of "stalking the stalkers" in the books of Carlos Castaneda as a method of regulation of the subject's behavior with the purpose of concealing from him certain aspects of reality. The conclusion about the presence of "stalking the stalkers" in the works of Viktor Pelevin in the form of an imaginary reflection of objects and subjects of the environment with the aim of diverting the attention of the individual from the really available by a call in some cases, emotions and ideas of different nature.

Keywords: Batman Apollo, SNUFF, T, Carlos Castaneda, Victor Pelevin, stalking conception.

Одна из ведущих ролей в произведениях Карлоса Кастанеды отводится концепции «сталкинг сталкеров», или «искусство сталкинга». «Сталкинг сталкеров» — метод регулирования поведения видящих (людей знания, воинов), применяемый по отношению к кому-либо с целью сокрытия определенных явлений. Карлос Кастанеда пишет: «Это наблюдение заставило *новых видящих* взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали ее *искусством сталкинга*. Дон Хуан отметил, что, при всей своей спорности, это название все же весьма адекватно, поскольку *сталкинг* заключается в особом рода поведении по отношению к людям. Можно сказать, что *сталкинг* — это практика внутренней,

никак не проявляющейся в поведении скрытности» [1, с. 170]. «Искусство сталкинга» достигается благодаря перемещению точки сборки в разнообразные позиции. С помощью движения точки сборки достигается путешествие видящего во сне в одну из множества реальностей. По мнению Карлоса Кастанеды, это осуществляется при наличии «тела сновидения»: «Фактически, копирование тела их не интересует вообще. Однако название **«тело сновидения»** они сохранили. Так они называют чувство, сгусток энергии, который сдвигом **точки сборки** может быть направлен в любое место этого мира или в любое место какого угодно из семи миров, доступных человеку» [1, с. 180]. «Искусство сталкинга», в свою очередь, является идентичным путешествию в иные миры процессом: «А затем, после несколько напряженной

паузы, [дон Хуан] повел речь о *сталкинге*. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и чуть ли не случайным. Просто *новые видящие заметили*, что, когда воин ведет себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться не задействованные до этого эманации. А *точка сборки* при этом смещается — мягко, гармонично, почти незаметно» [1, с. 170]. Исходя из этого, «сталкинг сталкеров» представляет собой не только сокрытие конкретных черт поведенческого аспекта индивида, но и переход в действительность, призванную скрыть что-либо от человека знания. Более того, «сталкинг сталкеров» рекомендуется осуществлять в условиях сновидения. Сновидение подразумевает существенный сдвиг точки сборки, необходимый для наилучшей практики «сталкинга» в новой реальности при условии пребывания видящего в состоянии сна. Карлос Кастанеда поясняет: «...*видящие* обнаружили, что в большинстве жизненных ситуаций *сдвиг точки сборки*, обусловленный практикой *сталкинга*, весьма незначителен. Для достижения максимального эффекта *сталкинг* необходимо практиковать в условиях, близких к идеальным <...> Тогда *новые видящие* решили, что необходимо искать другие способы сдвига *точки сборки* <...>. Оказалось, что *увидеть* эманации Орла, не подвергаясь смертельному риску, нет никакой возможности <...>. И тогда для защиты от смертельных ударов эманаций Орла они использовали в качестве щита такой прием древних Толтеков, как *сновидение*. А сделав это, обнаружили, что *сновидение* само по себе является эффективнейшим способом сдвига *точки сборки*» [1, с. 173]. «Сталкинг сталкеров» — сосредоточение внимания индивида на иллюзорных аспектах той или иной реальности. Данный процесс способствует потере концентрации воина на действительно значимых и подлинных явлениях окружающей среды. Это достигается путем вызова у человека знания эмоциональных состояний, чаще всего негативных, благодаря которым происходит отвлечение его внимания от реально значимых дел. Индивид, погруженный в собственные эмоции, не может трезво оценивать сложившуюся ситуацию и вовлекается в созданное для него по воле другого лица обманное представление о чем-либо. Таким образом, «сталкинг сталкеров» — это искусство обмана видящих или обыкновенных людей, необходимое для потери фокусирования их внимания на истинном ходе вещей и достигаемое вызовом эмоций разнообразного характера. В книге «Огонь изнутри» Карлос Кастанеда показывает одного из мастеров сталкинга, бенефактора дона Хуана — нагваль Хулиана. Хулиан использовал сталкинг сталкеров, чтобы обмануть восприятие учителя Кастанеды дона Хуана и вызвать у него страх: «...бенефактор [Хулиан] самым жутким образом продемонстрировал ему свои способности *сталкера*. Без какой-либо подготовки или предупреждения он столкнул дона Хуана нос

к носу с неорганическим существом <...> Почувствовав, что дон Хуан собирается бежать, он воспользовался возможностью напугать его своим *союзником*, который мог становиться похожим на чудовищной наружности человека. Увидев этого *союзника*, я едва не сошел с ума, — продолжал дон Хуан. — Я не мог поверить своим глазам, но чудовище стояло передо мной. А немощный старик стоял рядом и хныкал, моля чудовище о пощаде» [1, с. 191]. Союзник или неорганическое существо в понимании Кастанеды является сгустком энергии, питаемым эмоциями людей знания. Нагваль Хулиан изображал старика, молящего о пощаде, чтобы отвлечь дона Хуана от реального положения дел. Оно заключалось в осознанной подпитке союзника собственным страхом, исходящим от нагваля Хулиана, что позволило ему осуществить контроль над неорганическим существом. Неслучайно автор словами дона Хуана поясняет: «Видишь ли, мой бенефактор был похож на *древних видящих* — он умел выдавать свой страх порциями, а *союзник* на это соответственно реагировал. Но я-то этого не знал. Я только видел собственными глазами, что к нам приближается совершенно ужасающее создание, готовое нас растерзать» [1, с. 191]. Не зная о духовном взаимодействии союзника и сталкера, дон Хуан вследствие испытанного им страха потерял концентрацию на подлинных объектах окружающего мира и сосредоточил собственное внимание по желанию Хулиана на неорганическом существе, представляющем мнимую угрозу. Столкнув дона Хуана с союзником, нагваль Хулиан преобразовал текущую реальность, сделав ее зависимой в восприятии учителя Кастанеды от воли неорганика. В понимании дона Хуана союзник стал частью мира, от которого зависит жизнь находящихся в нем субъектов. В состоянии страха дон Хуан был лишен возможности трезво оценивать обстановку, исходя из чего, Хулиан выполнил свою цель по привлечению его в качестве своего ученика, навязав собственную трактовку сложившейся ситуации. Тем самым нагваль продолжил процесс обмана: «Он объяснил, что чудовищный человек согласился оставить их обоих в живых при условии, что дон Хуан станем ему служить. Предчувствуя недоброе, дон Хуан спросил, в чем будет заключаться служба. Старик ответил, что это будет практически рабство, он напомнил, что жизнь дон Хуана почти закончилась несколько дней назад, когда в него стреляли» [1, с. 191].

В романе Виктора Пелевина «Т» концепция «сталкинг сталкеров» реализуется на примере создания отдельной реальности графом Т. Пелевин показывает эпизод, в котором граф с помощью пера и бумаги конструирует действительность. Это достигается мысленным проецированием Т. природных явлений, выражающимся в написании на листе текста, с последующим включением их в качестве составного элемента окружающей среды графа. Виктор Пеле-

вин пишет: «Перчатка приблизилась к листу и быстро застрочила: Река, скованная льдом, несомненно, была Стиксом, отделявшим мир живых от того, для чего в человеческом языке нет слов <...> Было непонятно, откуда возник целый мир, реальный и ослепительно-яркий: Т. никогда в жизни не видел ничего подобного» [2, с. 164]. Перед этим Т. оказывается в пустоте, где появляется желаемое им помещение, отличающееся от ожидаемого: «Т. пришел в себя. И сразу же понял, что напрасно это сделал — вокруг ничего не было <...> Вот стол, — подумал Т., усилием воли возвращая стол на место. — Где он стоит? Стол должен стоять в комнате...» Однако вместо комнаты вокруг возникла совершенно отчетливая брезентовая палатка вроде армейской» [2, с. 161]. Однако из письма Победоносцеву граф узнает, что данное действие носило иллюзорный характер, так как оно было подстроено создателем окружающей главного героя среды Ариэлем и происходило по его разумению. Автор приводит средства, необходимые для появления ослепительно яркого мира, в котором оказался Т.: «По протоколу Тайной Процедуры веки реципиента были принудительно отверсты, а глаза обращены к брезентовой крыше, выполнявшей роль экрана для фонарей. Правый проекционный фонарь устрашал спящее сознание образами «Великой Пропasti», «Безжалостного Ветра», «Немыслимой Тяжести», «Неукротимого Пламени...» [2, с. 239]. Ариэль воссоздал для графа иллюзорное появление объектов действительности для того, чтобы Т. считал себя конструктором мира, материализующим в определенную плоскость написанное им на бумаге. Неслучайно один из персонажей романа Достоевский произносит: «— А знаете, граф... похоже, что вас до сих пор Ариэль создает. Со всеми вашими белыми перчатками. Просто он вас для своего шутера приспособил-с...» [2, с. 240]. Ариэль скрыл от графа истинное положение вещей, внушив ему ложное представление о сооружении реальности. Для создания иллюзии Ариэль прибег к конструированию мыслей самого графа Т. Переправа через Стикс, о которой размышлял граф и которую он считал собственным творением, оказалась мыслью, вложенной ему в голову каббалистом Ариэлем. Виктор Пелевин передает слова Ариэля: «— А как вам вообще такой сюжетный поворот? Помоему, сделано с большим размахом — и. не побоюсь сказать, тонко. Да что там, просто шикарно сделано. Особенно эта переправа через Стикс. Подтырил, конечно, у других — но ведь сейчас все тырят. Зато как гладко получилось, а? Сам граф Т. не догадался!» [2, с. 248]. Тем самым в романе «Т» происходит отвлечение внимания графа Т. от сооружения составных элементов мира Ариэлем. Это достигается благодаря мнимому внушению в сознание графа возможности создания реальности им самим. Виктор Пелевин лишает придуманный Карлосом Кастанедой «сталкинг сталкеров» эмоциональной составляющей и сосредото-

чивает данную концепцию на обмане, связанном с появлениями объектов реальности.

В романе «Бетман Аполло» сталкинг сталкеров находит отражение через воздействия вампира (сверхчеловека) либо на себе подобных, либо на людей. Процесс воздействия «искусства сталкинга» на вампиров и людей в большинстве случаев ознаменован достижением в качестве результата эмоции негативного характера. В главе «Неизбежное» Великая мышь, глава одного из сообществ вампиров, Гера создает лимбо (мир), в котором происходит обман восприятия ключевого персонажа книги Рамы. Гера превращается в возлюбленную Рамы Софи, после чего внезапными манипуляциями вызывает у него страх: «Меня охватил страх. Происходило нечто странное. Какая-то моя часть понимала, что именно — и очень не хотела в этом участвовать. Но понимание было спрятано слишком глубоко... Ее удары становились все сильнее — как и мой ужас. Творилось что-то невероятное — по физическим законам она должна была разбить себе руки в кровь, но вместо этого затрещали и покосились, а потом и совсем сломались стенки гроба... — Софи! Пожалуйста! Она мстительно засмеялась. И тогда я понял — или, скорее, вспомнил, — что это не Софи. Это была Гера» [3, с. 163]. Выполняя приводящие в ужас Раму действия, Гера сосредоточила его внимание на нужных ей событиях, чтобы вызвать чувства негативного содержания. Великая мышь создала собственную действительность, где она присутствует в облике Софи, тем самым приспособила подконтрольное ей лимбо для обмана Рамы. Главную роль в данном процессе играли внезапные манипуляции, не свойственные Софи. Однако благодаря Великой мыши, Рама принял эту иллюзию в качестве реально происходящего события и эмоционально на него отреагировал. Суть данного процесса заключалась в фокусировании внимания Рамы на ложном облике и представлении Софи. Цель, преследуемая Герой, состояла в отвлечении внимания главного героя от настоящей Софи, что подтолкнуло его к всплеску негативных эмоций.

Воздействие «сталкинга» на людей обусловлено продиктованными вампирами реалиями, воспринимаемыми сознанием каждого человека в качестве единственно правильных. Сверхчеловек способен управлять восприятием человека, преобразуя для него реальность как посредством изменения многообразия объектов, так и укоренения в его разуме нужных вампиру мыслей. Человек погружается в созданные вампиром явления, не осознавая своего подчиненного положения по отношению к сверхчеловеку. Один из вампиров Энлил Муратович навязывает людям протест и определяет его как стремление к мнимому блаженству: «— Протест и есть попытка прорваться от ежедневного мучения к блаженству, обещанному всей суммой человеческой культуры. Удивительно подлой культуры, между нами гово-

ря — потому что она гипнотизирует и лжет даже тогда, когда делает вид, что обличает и срывает маски <...> Протест всегда направлен против свойственного жизни страдания, Рама. А повернуть его можно на любого, кого мы назначим это страдание олицетворять. В России удобно переводить все стрелки на власть, потому что она отвечает за все. Даже за смену времен года» [3, с. 314]. Протест направлен на стимулирование проявления у человека чувства надежды с последующим внезапным переходом на разочарование и страдание, связанное с недостижимостью конечного результата. В диалоге между Энлилем Муратовичем и Рамой говорится: «— А какая тут связь с протестом? — Самая прямая. В повседневной действительности человек испытывает вовсе не тот перманентный оргазм, образы которого окружают его со всех сторон. Он испытывает постоянно нарастающие с возрастом муки, кончающиеся смертью. Такова естественная природа вещей. Но из-за бомбардировки образами счастья и удачи человек приходит к убеждению, что его кто-то обманул и ограбил». [3, с. 313]. Обманчивая установка сознания человека также проявляется при сокрытии вампирского образа жизни от его обозрения. Виктор Пелевин именуется данный феномен покрывающим восприятием. В предисловии сказано: «У нашей маскировки есть еще один аспект, понять который бывает намного сложнее. Он называется «Покрывающее Восприятие». Его суть в том, что элементы вампирической реальности просто не воспринимаются людьми — примерно так же, как «слепое пятно», пустое место в самом центре их поля зрения, где поток попадающего в глаз света проецируется на выход зрительного нерва» [3, с. 17]. Скрывание вампирской реальности от людей осуществляется с помощью черного занавеса, определяемого в качестве приспособления реалий вампирской жизни как стереотипного образа в людском сознании с помощью информационного потока. Виктор Пелевин пишет: ««Черный Занавес» — это аспект Черного Шума: информационная технология, позволяющая вампирам скрывать свой мир от людей. Она заключается в том, что различные явления вампирического быта принято прятать под информационными омонимами — то есть смысловыми масками, пустышками-симулякрами, карнально дублирующими подлинными сущности нашего мира. Все книжные и кинематографические франшизы про вампиров, навязчиво переснимаемые и переписываемые каждый год — это элементы Черного Занавеса» [3, с. 16]. Отличие данного вида сталкинга от кастанедовского заключается в отсутствии вызова у человека каких-либо эмоциональных состояний. При этом, происходит осуществление фокусирования внимания людей на ложных реалиях окружающей среды.

В книге «SNUFF» «искусство сталкинга» выразилось в стремлении обмануть зрителя, выдавая мни-

мое в качестве действительного, в эпизоде с чтением стихотворения орком Грымом на экране монитора. Съёмка чтения стихотворения прошла без самого Грыма, что говорит о возможности создателя менять и приукрашивать действительность по своему усмотрению каким угодно образом. Пелевин передает диалог Грыма и Дамилолы Карпова, в ходе которого видеохудожник раскрывает основные механизмы видеосъемки:

«— Я? Стихотворение? Но я не снимался для вашего развлекательного блока!

— Грым, — сказал он, — ты такой смешной. Это ведь не снаф и не новости». В развлекательном блоке показывать можно что угодно. Ну зачем ты им нужен для съемки? Ты, извини, можешь только помешать!» [4, с. 314]. На экране монитора происходит визуальная замена настоящего Грыма на проекцию его облика с целью создания видимости чтения стихов орком. При этом зрители уверены, что перед ними выступает реальный чтец, и получают от данного процесса акустическое и визуальное удовольствие. Главным атрибутом обмана зрителя является наделение Грыма биографией, имеющей расхожие аспекты с реальной жизнью. Сура Дамилолы Кая прочитала по губам слова диктора в отношении орка: «...Теперь говорит, что ты с малых лет был подвальщиком и нетерпилой. Работал в правозащитной журналистике... Грыминн 1 350500148410 — не только нетерпила, но и талантливый оркский поэт...» [4, с. 315]. О лживости этих слов свидетельствует реакция Грыма: «— Правозащитная журналистика, — сказал он. — Надо же, вот придумали... — Поэт? — смутился Грым. — Но я не писал... Вернее, только пробовал...» [4, с. 315]. Обман зрительского восприятия в виде преподнесения несуществующих сведений о персонаже необходим для создания о нем благоприятного впечатления. Чтобы вызвать у зрителя положительные эмоции в связи с созданием образа оркского чтеца, стихотворение Грыма было написано за него: «...он никогда не писал этого стихотворения — во всяком случае, в таком виде. Оно было скроено из черновых набросков в его блокноте — и скроено чрезвычайно умело, просто мастерски. Хотя иные из его мыслей очень сильно извратили. А некоторые и вообще добавили» [4, с. 317]. Манера подачи произведения Грымом также была приукрашена: «Читал экранный двойник превосходно — и при этом почти танцевал, с каждым четверостишием принимая все более устрашающие позы. В конце, перейдя на крик, он принялся яростно махать мечом, словно отбиваясь от толпы фантомов. Дочитав, он вдруг успокоился — бросил меч вслед за шлемом и склонился перед камерой» [4, с. 317]. Устрашающие позы и яростные крики призваны поддерживать негативное представление людей об орках как низшей по отношению к ним расе. Стихотворение, декламируемое двойником Грыма, свидетельствует о пренебрежительном отношении

людей к оркам и о внушении данной позиции зрителям через экран монитора. Виктор Пелевин передает нам четверостишие, в котором говорится о месте орков в людской среде:

*Но разве я лучше? Я тоже послушный,
Я тоже смотрю мировое кино,
И наши услужливо-робкие души
разнятся лишь тем, что мычат перед «но»* [4, с. 316].

Стихи носят название «Песнь орка перед битвой» и повествуют о жизни орков и о мнении автора о собственном положении в обществе. Словосочетание «услужливо-робкие души» и глагол «мычат» добавлены в катрен с целью создать у зрителя представление об орках в качестве находящегося на низшей ступени развития народа по сравнению с остальным населением мира романа «SNUFF».

Анализ концепции Карлоса Кастанеды «сталкинг сталкеров» в романах Виктора Пелевина позволяет сделать следующие выводы:

1. «Сталкинг сталкеров» в произведениях Карлоса Кастанеды представляет собой метод регулирования поведения субъекта с целью сокрытия от него

определенных аспектов реальности. Данный метод необходим для того, чтобы вызвать у индивида эмоции определенного характера. При этом «сталкинг сталкеров» предусматривает создание предназначенной для этого иллюзорной действительности.

2. В романе Виктора Пелевина «Т» «искусство сталкинга» реализуется в виде создания мнимой для главного героя реальности, не несущей цель вызвать у него эмоциональную реакцию.

3. В романах Виктора Пелевина «Бэтман Аполло» и «SNUFF» «сталкинг сталкеров» находит отражение в изображении иллюзорного мира, назначение которого заключается в пробуждении у индивида нужной определенному субъекту эмоциональной реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастанеда К. Огонь Изнутри / К. Кастанеда; перев. с англ.— М.: София, 2014.— 288 с.
2. Пелевин В. Т / В. Пелевин.— М.: Эксмо, 2009.— 384 с.
3. Пелевин В. Бэтман Аполло / В. Пелевин.— М.: Эксмо, 2013.— 512 с.
4. Пелевин В. SNUFF / В. Пелевин.— М.: Эксмо, 2012.— 480 с

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
Любарский Р. В., аспирант БГУ имени И. Г. Петровского
E-mail: ludmila12a@rambler.ru*

*Bryansk State University named after I. G. Petrovsky
Lubarsky R. V., postgraduate student of the BSU named after
I. G. Petrovsky
E-mail: ludmila12a@rambler.ru*

КОЛОРАТИВНЫЕ ЭПИТЕТЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А. А. АХМАТОВОЙ

Г. О. Папшева, О. В. Глушкова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 3 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье анализируется интерпретация цветowych эпитетов в раннем творчестве А. Ахматовой, выявляются основные смысловые группы, интерпретируются индивидуально-авторские значения колоративов в лирике поэта. Выдвигаются теории о существовании трехступенчатой системы употребления цветowych обозначений, выявляются наиболее частотные эпитеты и их символическое значение: красный как символ жизни, черный как символ конкретно-вещного мира, золотой как образ минувшего благополучия и утраченных надежд.

Ключевые слова: символика цвета, эпитет, А. Ахматова.

Abstract: in this article the interpretation of color epithet in early creation of A. Ahmatova is analyzed, the main semantic groups and individual author's meanings of color are represented. There are the theory of three-steps system of epithets and the most commonly used colors in the poems, such as red, symbol of life, black as realistic world's thing and golden as past well-being and broken hopes.

Keywords: symbol of color, epithet, A. Ahmatova.

В любом поэтическом тексте может быть выделен особый уровень «грамматической образности», интерпретируемый как глубинная семантическая организация поэтического текста и устанавливающий взаимосвязь между формально-грамматическим и содержательным уровнем.

Символика цвета уходит корнями в доисторическое существование человека, закономерно, что именно колоративным эпитетам, сочетающим конкретно-бытовое значение и знаково-символическое наполнение, присущ особый символизм, интертекстуальное значение, идущее из мифологических, христианских или иных культурных традиций. «Качество символа — способность выразить противоположные аспекты представляемой идеи (тезис и антитезис)» [9, с. 20].

Принадлежность представительницы Серебряного века, поэта Анны Ахматовой к художественному течению акмеизма, провозглашавшему «прекрасную ясность», в общих чертах предполагает отказ от многозначной атрибутики символизма, точность в выражении мысли, прямое отображение предметов и явлений окружающего мира. С другой стороны, акмеизм как художественное течение отличался повышенной склонностью к культурным ассоциациям, вступал в переключку с минувшими литературными эпохами и образами. «Тоска по мировой культуре» — так определил впоследствии акмеизм Мандельштам [3, с. 43]. Исходя из данного определения, интерес к эстетике символа неизбежно приводил к усложненности первоначального смысла и эволюции в сторону метафорической образности [4, с. 10].

Проанализировав ряд произведений Анны Ахматовой, созданных в период с 1911 по 1917 год, можно воссоздать трехуровневую систему колоративных эпитетов в лирике поэта. В первую группу следует выделить конкретно-вещные эпитеты, воспроизводящие зримую картину мира: «черный кофе», «синее небо», «белая вьюга», воссоздающие выразительность антуража. Ко второй относятся цветообозначения, обладающие подчеркнуто метафорическим значением: «черный стыд», «белый таинственный дом», «Богородицы белый плат». Наконец, к третьей группе следует отнести колоративы со скрытым символическим значением, возникающим в контексте поэтического мира и индивидуально-авторской образности Анны Ахматовой. В этом аспекте золотой является символом обманутых или утраченных надежд («золотое кольцо», «постояла в золотой пыли»), серый — тоски и печали («серое, будничное платье», «по высохшим серым болотам») [6, с. 193, 204, 206]. Границы между упомянутыми тремя группами не являются постоянными и способны смещаться, включая в концептуальное поле реализуемые в разном дискурсе идентичные словоформы, например красный (зонтик) как символ полноты жизни или красный («гроздь рябины красной») как детализированный ландшафт.

Также следует отметить, что сложные цветowych эпитеты (равнодушно-желтый), а также эпитеты, производные от предметов (золотой, кровавый), привносят расширение семантического цветового пространства сравнительно с простыми наименованиями, так как обладают более разветвленной и сложной системой культурных ассоциаций [1, с. 8].

Закономерна также неравномерность распределения цветowych эпитетов в анализируемом материале.

ле и дифференциация употребления цветоименований. Наиболее частотным является красный цвет (21% от общего количества колоративов), черный (18%) и золотой (15%). Белый, серый и синий оказались менее употребительными (10%), еще реже встречается желтый (7%), самыми редкими оказались розовый, оранжевый (рыжий), зеленый и лиловый (3%).

Трактовка красного цвета в мировой культуре неоднозначна. Основными концептами являются «жизнь, кровь, огонь». Это дуалистический цвет, так как может воплощать как любовь, так и смертельную борьбу [10, с. 257].

В раннем творчестве Ахматовой в полной мере реализовалась двойственность красного цвета. Закономерно, что среди упоминаний данного цвета практически нет прилагательных первой группы, включающей определения с конкретно-вещным содержанием. В пример можно привести только «камина красного тяжелый зимний жар» [6, с. 198], но взаимное расположение образов косвенно намекает на борьбу тепла и холода, отображающую внутреннее смятение лирической героини.

Значительно чаще красный становится частью более сложных символических образов: 1) полноты и счастья жизни («мой китайский зонтик красен»; 2) осени и увядания, неизменно связанных с образом рябины («никнет гроздь рябины красной», «окровавлены кусты неспешно зреющей рябины»); 3) военных действий и смерти, которые воспроизведены в произведениях, появившихся после 1914 г. В таких случаях красный нередко соседствует с эпитетом «кровавый» («красной влагой тепло окропились затоптанные поля») [6, с. 198, 201, 207]. Приведенный ряд примеров позволяет заключить, что в индивидуально-авторской символической системе красный цвет по большей части существует в призме негативных коннотаций.

Вторым по частотности употребления выступает черный цвет, традиционно обладающий амбивалентностью семантики. В культурной европейской традиции черный цвет имеет негативное значение, это воплощение депрессии и подавленного состояния, цвет ужаса и смерти. С другой стороны, черный символизирует абсолюта, тайну, отрицание земного тщеславия и великолепия, покаяние [5, с. 417].

В лирике Ахматовой черный или темный цвет выступает, прежде всего, как цвет земного, материального существования. Он присутствует в пейзажных зарисовках, воспроизводит реалии окружающей обстановки, часто связан с дымом, горением, запахом: «ты куришь черную трубку», «над черным кофеом пахучий тонкий пар» [6, с. 201–203]. Для творчества поэта характерны контрастные сочетания белого и черного. И если картина зимнего пейзажа не имеет явной символической окраски: «в белом инее черные елки», «в снежных ветках черных галок», то душев-

ные муки, воплощенные в образе ранней старости — серебряных прядей в темных волосах — допускает более сложные трактовки черного, как символа утраты, психологической травмы: «из сердца выну черный стыд» [6, с. 200–203]. В целом черный цвет не имеет негативной окраски, он скорее нейтрален.

Значения золотого и желтого в творчестве Анны Ахматовой схожи, но различаются в нюансах. Желтый выступает, прежде всего, как цвет предательства или скрытого намека, ясного из контекста. Свечи в окне чужого дома, горящие «равнодушно-желтым огнем»; желтый вечер, встречающий опоздавшего героя, неискреннего в своих оправданиях — все эти образы дают право отнести приведенные примеры к третьей группе, где описание конкретных, зримых вещей дополняется символизмом значений.

Эпитет «золотой» в этом плане продолжает коннотативный ряд, вводя образ мнимой мечты, «золотого обмана», в целом соответствующий общепринятому значению «царя металлов» в мировой культуре. Золотой, цвет солнца, солнечной мощи, зрелой мудрости и в то же время цвет богатства, алчности и коварства, «позолоченного ничтожества» [8, с. 4]. Именно в таком контексте вводится данный колоратив в поэтический текст. Золотое кольцо — символ призрачного счастья, отнятого судьбой. Стихотворение со знаковым названием «Брошена...» содержит строки: «проводила друга — постояла в золотой пыли», где пыль — явный намек на непрочность, бренность сложившихся отношений.

Можно выявить интересную взаимосвязь между золотом и мужским началом: в описаниях внешности, традиционно относимых к группе конкретно-вещных эпитетов, в облике возлюбленного присутствуют черты солнечного, маскулинного начала: «смех под легким золотом ресниц», «едет гость вдоль нивы золотой», в то время как женщина связана с луной, таинственной, сокрытой сущностью: «жемчужные пряди», «я любила те сборища ночные» [6, с. 204]. Впрочем, встречающийся в ранней лирике образ луны зачастую обладает символикой и колористикой солнца, поскольку наделен эпитетом «рыжий», столько редко соотносимым с ночным светилом. Завуалированное противостояние солнца и луны, женского и мужского воплощается в смутной тоске лирической героини по солнцу и теплу: «...прости, что я жила скорбью и солнцу радовалась мало», «я на солнечном восходе про любовь пою» [6, с. 194, 204]. Это приводит к смешению внешних атрибутов солнца и луны, что, впрочем, выводит за рамки данного исследования.

Среди наиболее употребительных цветов в творчестве Ахматовой следует назвать и белый цвет, при этом трактовка его значений ближе к восточной традиции. В поэтическом мире художественных символов белый воплощает смерть и чистоту скорби. Подобная семантика вполне соотносима с допу-

стимыми трактовками данного цвета, поскольку белый включает все цвета спектра, объединяя их под знаком абсолюта. Это делает его символом чистоты, истины, невинности и жертвенности, а в некоторых трактовках — божественности. Однако в Китае и некоторых восточных странах для траурных одежд использовали именно белый — цвет зимы, холода, капитуляции перед неизбежным. Особое значение имеет явный контраст между ослепительной священной белизной и мертвенной белизной-бледностью, кроме того, призраки во многих культурах представляются в виде белых фигур, являя собой нечто обратное тени [2, с. 27].

В творчестве Ахматовой смысловый ряд «белый-зима-смерть» достаточно значим: «пускай умру с последней белой вьюгой», «по твердому сугробу снега в твой белый таинственный дом». Белый становится цветом холода, несбывшихся надежд, ненаписанных строк, что для поэта и творца вдвойне болезненно [7, с. 281]. «Непоправимо белая страница» остается на письменном столе, и как напоминание о быстротечности времени — мерно тикающие часы над деревянной столешницей. Встречается и сугубо религиозная символика, связанная с образом Богородицы, чьи цветком в христианской традиции является белая лилия. Однако и здесь в образ вплетаются нотки печали, белый платок, расстилаемый над «скорбями великими», приобретает трактовку погребального савана. Таким образом, помимо высокохудожественных описаний белой зимы и искрящегося снега, в поэтическом тексте белый цвет используется в качестве отрицательно маркированных чувств и эмоций: потери, разлуки, несбывшегося.

Закрывает ряд наиболее употребительных колоративных эпитетов серый цвет. Несмотря на утонченную красоту и разнообразие оттенков, серый цвет, в особенности в современной цветовой символике, наиболее часто связан с бесцветностью. В современной психологии и философии этот цвет считается синонимом скучной рассудительности, обыденности, неприметности, что совпадает с общекультурными традициями, где серый воплощает смирение, незаметность, безразличие и отречение от мира. Это цвет пепла, цвет седых волос [2, с. 58].

В ранней лирике Ахматовой серый трактуется в рамках традиционного смыслового ряда. Символизм здесь выражен неявно, чувства и эмоции передаются полунамеками, что позволяет отнести большинство примеров к третьей группе, где внутренний смысл выражений становится ясен из контекста. Серый воплощает скуку, тоску, безразличие повседневности, в нем не ощущается явной меланхолии черного или скорби по утраченному, воплощенной в белом. Серый, возникающий из смешения двух цветов — черного и белого — стирает яркость эмоций. Серое одинокое облако высоко в небе, высохшие серые болота, серое будничное платье не дают картины без-

граничной скорби, это умело скрываемое от чужих горе, смутная тоска, ожидание перемен.

Кратко характеризуя иные случаи употребления цветочных эпитетов, отметим, что синий в анализируемом материале Ахматовой употребим преимущественно в пейзажных зарисовках воздушного свода и не имеет дополнительной символики свободы, парения, счастья. Характерно, что при упоминании воды, рек, озер синий практически не используется, поскольку в ранней лирике вода воплощает смерть и тоску. Поверхность озера или пруда темна и неподвижна, манят черные проруби, опасно качается ива — «дерево русалок». Картина дополняется тяжелым запахом застоявшейся воды, ощущением статичности, что делает неуместным употребление синих и лазурных оттенков.

Особым случаем представляется синяя тетрадь с «моими детскими стихами» [6, с. 208], упоминание которой может трактоваться одновременно и как воплощение творческого начала, и как символ счастливого детства, мечты, поскольку сюжетное обрамление данных строк исключительно позитивно.

Розовый, рыжий и зеленый в ранней лирике встречаются крайне редко и задействованы исключительно в описаниях природы: «бессмертник сух и розов», «месяц рыжий», «зеленая волна». Отдельно выделим редкое использование причастия в роли колоратива. Поэтические строки создают характерную для стиля Ахматовой контрастную композицию: «и кажется лицо бледней от лилового шелка», яркость одежды диссонирует со смятением, сложной гаммой чувств, овладевших душой героини после «небывшего свиданья» [6, с. 206].

Подводя итоги, напомним, что акмеизм, как художественное течение, требовал умелой интерпретации предшествующего культурного опыта. Переключки творческих индивидуальностей, литератур, культурных эпох, неслышный рост древа мировой литературы от корней до вершины всегда находились в поле зрения представителей акмеизма. Поэтому вполне закономерно утверждать факт преемственности в лирике А. Ахматовой, переосмысление минувших литературных эпох и образов в ее творчестве [8, с. 6].

Таким образом, подвергнув анализу более 40 поэтических произведений, созданных Ахматовой в период с 1911 по 1917 год, следует сформулировать следующие выводы.

Во-первых, количественные характеристики тех или иных цветочных эпитетов в ранней лирике Ахматовой различны. В зависимости от частоты упоминаний наиболее востребованными оказались красный, золотой и черный, другие оттенки: белый, серый и синий — показали более низкие результаты. Отметим, что в анализируемом материале преобладают простые колоративы, в то время как составные или образованные от слов-действий практически отсутствуют.

Во-вторых, следует упомянуть о сопряжении конкретно-бытовых и символически-знаковых образов в творчестве А. Ахматовой, вследствие чего материальные предметы приобретают форму и значение символа, однако, в отличие от еще одного течения Серебряного века — символизма, вторичное метафорическое значение неявно и становится ясным из контекста. Например, «серые облака» только намекают на меланхолию, «золотое кольцо» видится образом утраченной надежды, «белая вьюга» — смерти.

В-третьих, можно дифференцировать колоративы, всецело опирающиеся на традиции, существующую в западноевропейской или азиатской культуре, и индивидуальную авторские, понятные в системе художественной образности поэта.

В целом лирика Ахматовой успешно презентует существующие в культуре коннотации, связанные с тем или иным цветом.

Следуя установившейся традиции, красный трактуется как страсть, полнота жизни, любви и счастья («красный камин»); белый — как образ зимы, вьюги («в белом инее») и святости (образ Богородицы); желтый цвет воспринимается как обман и предательство («равнодушно-желтым огнем»); черный связан с тоской и разочарованием, серый — со скукой. Синий цвет рисует высоту неба и безоблачность детства, в то же время оранжевый (рыжий) существует в рамках традиционных концептов жизнерадостности и оптимизма («рыжий месяц, луг так сладостно покат») [6, с. 201–205].

Значительно более интересны оригинальные авторские значения, творчески переосмысляющие традицию восприятия золотого оттенка желтого, белого или красного цветов. Душевное состояние лирического героя проецируется с помощью цветописи, акцентируя дополнительные семантические оттенки.

В таком ракурсе воспринимается белый, где смысловой ряд «зима-холод-снег» завершается понятием «смерть»; золотой, задающий антитезу «золотая мечта-обманутые надежды»; красный, воспринимаемый как цвет осенней листвы и в таком контексте вводящий понятия «скоротечность, умирание, тление» («никнет гроздь рябины красной») [6, с. 199].

В иных случаях альтернативное значение может быть основано на исторических реалиях начала XX века, Первой мировой войны, когда красный цвет

воспринимается как цвет войны, цвет крови, или же, исходя из поэтизированного личного опыта, в рамках которого белый связан с образом пустого листа бумаги, ненаписанных строк, нерожденных стихов. Некоторые колоративы не несут на себе печати авторского стиля, их основной функцией является создание выпуклых и ярких пейзажных зарисовок («зеленая волна», «синее небо», «бессмертник розов»).

Таким образом, колоративные эпитеты, возникающие в ранней лирике А. Ахматовой, воспроизводят сложную систему культурных ассоциаций, вбирая в себя личностные характеристики авторской системы и иллюстрируя этапы развития символического мышления человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Измайлов Ч. А. Семантическое пространство искусственных цветовых названий / Ч. А. Измайлов, Е. Н. Соколов и др. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 1992. — № 1. — С. 5–14.
2. Кулагина Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. / Н. В. Кулагина. — М.: Московский психолого-социологический институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. — 80 с.
3. Мандельштам О. Э. Страницы об Анне Ахматовой / О. Э. Мандельштам // Семья и школа. — 1989. — № 6. — С. 42–46.
4. Павловский А. И. Анна Ахматова, жизнь и творчество / А. И. Павловский. — М.: Просвещение, 1991. — 345 с.
5. Полная энциклопедия символов / Сост. В. М. Рощаль. — М.: Эксмо; СПб.: Сова, 2003. — 528 с.
6. Серебряный век русской поэзии / Сост. Н. В. Банникова. — М.: Просвещение, 1993. — 432 с.
7. Смирнов И. П. К изучению символики Анны Ахматовой (раннее творчество) / И. П. Смирнов // Поэтика и стилистика русской литературы. — Л.: Наука, 1971. — С. 279–287.
8. Соловьева Л. Ф. Поэтика цветописи в сборниках Анны Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Anno Domini», «Подорожник»: Психологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Соловьева. — Ижевск, 1999. — 22 с.
9. Тодоров Ц. Теории символа / Ц. Тодоров. — М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. — 408 с.
10. Турскова Т. А. Новый справочник символов и знаков / Т. А. Турскова. — М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. — 800 с.

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Папшева Г. О., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка

Глушкова О. В., преподаватель кафедры русского языка

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Papshova G. O., Candidate of Philology, Teacher of the Chair of Russian language

Glushkova O. V., Teacher of the Chair of Russian language

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРЯ УШЕДШИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

С. А. Попов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 августа 2019 г.

Аннотация: в статье поднимаются проблемы составления словаря ушедших географических названий Воронежской области, образованной в 1934 году, рассматриваются его структура и состав, выявляются основные причины исчезновения топонимов, приводятся источники по формированию картотеки словаря, приводится пробная словарная статья.

Ключевые слова: ономастика, топонимия, ойконимия, катойконимия, топонимическое законодательство, лингвокраеведение, Воронежская область, ушедшие географические названия, микропонимия, этимология.

Abstract: in the article problems of drawing up the dictionary of the departed place names of the Voronezh region formed in 1934. Its structure is considered, the main reasons for disappearance of toponyms are established, sources on formation of the card file of the dictionary are given, a trial dictionary entry is provided.

Keywords: onomastics, toponymy, oykonimiya, katoykonimiya, toponymic legislation, lingvokrayevedeniye, the Voronezh region, the left place names, microtoponymy, etymology.

Современная Воронежская область за 85 лет с момента своего официального образования претерпела ряд административно-территориальных преобразований, что не могло не отразиться на процессах топонимической номинации в регионе.

Воронежская область была образована в 1934 году в результате деления Центрально-Черноземной области на Воронежскую и Курскую области в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК от 13 июня 1934 г.¹ Первоначально в её состав входили 84 района. Затем в течение нескольких десятков лет административно-территориальное устройство Воронежской области неоднократно менялось: в состав вновь созданных областей отходили районы, затем часть из них снова возвращалась, образовывались новые районы. Границы Воронежской области также были изменены в 1954 году в связи с образованием Каменской, Балашовской, Липецкой и Белгородской областей. В 1957 году в связи с ликвидацией Каменской и Балашовской областей в состав Воронежской области были частично возвращены районы, отходившие к этим областям в момент их образования. Таким образом, с 1957 года границы Воронежской области остаются неизменными, хотя до 1977 года проводились изменения районного деления.

В 1959 году был издан первый справочник административно-территориального деления Воронеж-

ской области в её современных границах [1]. По состоянию на 1 апреля 1959 года в Воронежской области насчитывалось 49 районов, 514 сельских советов, 13 городов (в т.ч. 2 — областного подчинения), 16 рабочих поселков, 1119 поселков, 738 сёл, 154 деревни, 44 слободы, 918 хуторов, 8 выселок (всего — 3010 населённых пунктов). Следующие аналогичные справочники были изданы в 1972 году [2], в 1982 году [3]. В настоящее время актуальным является издание 2018 года [4], согласно которому по состоянию на 1 декабря 2018 года число административно-территориальных единиц (муниципальных образований) Воронежской области — 479, в том числе: 31 муниципальный район, 3 городских округа, 28 городских поселений, 417 сельских поселений, всего населённых пунктов — 1731, в том числе городских населённых пунктов — 32 (15 городов, 4 посёлка городского типа, 13 рабочих посёлков), число сельских населённых пунктов — 1699 (516 посёлков, 705 сёл, 13 слобод, 69 деревень, 393 хутора, 3 станции) [4, 3].

Как видно из приведенных статистических данных, с 1959 года по 2018 год в Воронежской области официально исчезло 1279 населённых пунктов. Вместе с населёнными пунктами ушли и их названия — ойконимы, являвшиеся частью языкового и культурно-исторического наследия региона. За рядом ушедших топонимов стоит многовековая история, восходящая к периоду заселения и хозяйственного освоения Воронежского края. Более молодые по возрасту исчезнувшие ойконимы также обладали большим этнокультурным потенциалом, в них отразились ландшафтные и природные особенности, карти-

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1934. № 26. Ст. 153.

на мира, уклад жизни, особенности хозяйственной и социальной деятельности воронежцев. Как писал поэт О. Э. Мандельштам, «Нам остается только имя, / Чудесный звук на долгий срок...». Впрочем, и имя не всегда остается.

Сложилась ситуация, описанная профессором ВГУ Г. Ф. Ковалёвым: «Да, у многих жителей нашей области место рождения осталось лишь соответственной строчкой в паспорте, то есть место, где родился человек, в паспорте прописано, а в реальности его уже нет. Поэтому и традиция появилась: празднование *былого поселения*» [5, т. I, 6].

Со временем последующие поколения жителей Воронежской области могут совсем ничего не знать об ушедших населенных пунктах и их названиях, исчезнувшие топонимы катастрофически уходят и из живого употребления в русском языке. Во второй половине XX — начале XXI века опубликован ряд словарей по воронежской топонимии [5; 6; 7; 8; 9], в которых зафиксированы и объяснены некоторые из исчезнувших к настоящему времени топонимов. Однако этого явно недостаточно. Сегодня уже назрела острая необходимость в создании специализированного «Словаря ушедших географических названий Воронежской области».

В картотеку словаря, исходя из традиций воронежских топонимистов, входят топонимы, исчезнувшие по следующим причинам:

1. Реорганизация административно-территориальных (территориальных) единиц Воронежской области:

1.1. *В форме слияния*: в 1998 г. с учётом фактического слияния сл. Калач и посёлка первого отделения совхоза «Заброденский» образовавшийся населённый пункт Калачевского района назван селом *Заброды*;

1.2. *В форме присоединения*: в 2004 г. хут. Забочевка и хут. Ясиновка Марьевского сельсовета Ольховатского района объединены в один населённый пункт, за укрупнённым населённым пунктом сохранилось наименование «хутор Ясиновка»;

1.3. *В форме выделения*: с 1999 г. в Петропавловском районе улицы Советская и А. Шестакова села Глубокое считаются селом Дедовка, улица Приозёрная села Глубокое — селом Дедовочка, улица Радченко села Новый Лиман — хутором Котовка Новолиманского сельсовета;

1.4. *В форме разделения*: в 2000 г.с. Никольское, расположенное на территории сельсоветов Никольский 1-й и Никольский 2-й Воробьёвского района, разделено на два населённых пункта, каждому из них определена территория — село; сёлам присвоены наименования Никольское 1-е и Никольское 2-е; населённый пункт село Никольское исключён из учётных данных Воробьёвского района Воронежской области.

2. **Упразднение административно-территориальных или территориальных единиц Воронежской области**: в 1995 г. были упразднены пос.

Новомихайловка Верхнемазовского сельсовета, пос. Успеновка Сухогоаевского сельсовета, посёлки *Нововведенка* и *Новотроицкое* Верхнехавского сельсовета Верхнехавского района, в 1997 г. — посёлки Таловый и Утиновка Алешковского, посёлок Бочарников Терновского сельсоветов Терновского района.

3. Присвоение наименования административно-территориальным и территориальным единицам и переименование административно-территориальных и территориальных единиц Воронежской области: в 2014 г.с. Старомеловая Старомеловатского сельского поселения Петропавловского района переименовано в с. Старая Меловая.

Согласно Закону Воронежской области от 27 октября 2006 года № 87-03 «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения» *административно-территориальная единица Воронежской области* — часть территории Воронежской области в фиксированных границах, совпадающих с границами муниципального образования (муниципальный район, городской округ, городское поселение, сельское поселение); *территориальная единица Воронежской области* — городской или сельский населённый пункт, имеющий сосредоточенную застройку и служащий постоянным или временным местом проживания людей.

Источниками для картотеки «Словаря ушедших географических названий Воронежской области» служат нормативные правовые акты федерального, регионального и местного уровней, справочники по административно-территориальному делению Воронежской области 1959, 1972, 1982 и 2018 годов, документы Государственного архива Воронежской области, картотека Словаря воронежских говоров кафедры славянской филологии ВГУ, публикации в научной, краеведческой литературе, районных и областных газетах, сайты муниципальных образований Воронежской области.

Словарная статья включает исчезнувшее географическое название (с желательной постановкой ударения, произношения), его род, форму родительного падежа единственного числа, статус населённого пункта, его административно-территориальную принадлежность на момент исчезновения, все варианты названий данного объекта, в том числе и народно-разговорные, дату основания населённого пункта, дату и причину исчезновения названия (со ссылкой на нормативные правовые акты), этимологию названия, а также производные от ойконимов: оттопонимические прилагательные и названия жителей (катоиконимы):

БОЧАРОВ [Бачирóф], -а, м., исчезнувший хутор Нижнедевицкого района, входил в состав Синелипяговского сельсовета. Основан в 1920-е гг. Упразднён в 2004 г. в соответствии с постановлением Воронежской областной Думы от 30.09.2004 г. № 945-III-ОД

«Об упразднении административно-территориальных единиц Воронежской области». Был назван по фамилии первооселенца. || *бочарбвский* (оттопонимическое прилагательное); *бочарбвцы, бочарбвец* (катойконимы).

Создание «Словаря ушедших географических названий Воронежской области» станет итогом общего дела историков, лингвистов, журналистов, краеведов, школьных учителей, представителей органов государственной власти и местного самоуправления. При этом историко-культурологические сведения об исчезнувших топонимах гармонично дополняют информацию о современных названиях, что будет способствовать сохранению исторической памяти народа, популяризации краеведческих сведений среди жителей региона, туристов и содействовать патриотическому воспитанию молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронежская область: административно-территориальное деление по сост. на 1 апреля 1959 года / сост. — А. К. Лемаринье; под общ. ред. М. М. Малютина. — Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1959. — 252 с.
2. Воронежская область. Административно-территориальное деление. — Воронеж: [б.и.], 1972. — 151 с.

Воронежский государственный университет

Попов С. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: spo@bk.ru

3. Воронежская область: административно-территориальное деление: По состоянию на 1 января 1982 года / Исполком Воронежского обл. Совета нар. депутатов. — Воронеж: [б.и.], 1982. — 146 с.

4. Реестр (справочник) «Административно-территориальное устройство Воронежской области» (по состоянию на 01 декабря 2018 года). — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2018. — 192 с.

5. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. I: А-Л. — 410 с.; Т. II: М-Я. — 420 с.

6. Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. — 136 с.

7. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля: историко-топонимический словарь / В. А. Прохоров. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. — 368 с.

8. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин / С. А. Попов; науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Издательский Дом Алейниковых, 2003. — 285 с.

9. Попов С. А. Словарь названий населенных пунктов Воронежской области // Топонимия Воронежского края / С. А. Попов, Т. Ф. Пухова, Е. А. Грибоедова; научн. ред. доктор филол. наук Г. Ф. Ковалёв. — Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. — 336 с.

Voronezh State University

Popov S. A., Candidate of Philology, lecturer of the Department of public relations, advertising and design

E-mail: spo@bk.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ РЕБЕНОК)

Т. В. Растегаева

Колледж физической культуры «ВГИФК»

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются возрастные особенности семантики слова на примере лексемы ребенок. Показано, как экспериментальное исследование позволяет установить возрастную дифференциацию семантики слова в языковом сознании носителей языка.

Ключевые слова: значение, возраст, дифференциация семантики.

Abstract: the article discusses the age characteristics of the semantics of the word on the example of the word child. It is shown how experimental research allows us to establish the age differentiation of the semantics of a word in the linguistic consciousness of native speakers.

Keywords: meaning, age, differentiation of semantics.

На настоящем этапе для исследования возрастных особенностей семантики нами отобраны 50 слов, входящих в частотное ядро русского языка. Исследование возрастной специфики семантики слов осуществляется по методике, изложенной в [1].

Настоящая статья посвящена описанию семантики возрастной семантики слова *ребенок*.

По результатам свободного ассоциативного эксперимента со стимулом *ребенок* (молодежь — 100 чел./ от 18 до 30 лет и взрослые — 100 чел. от 31 г. и старше) были построены ассоциативные поля данных стимулов:

Ассоциативные поля

Молодежь

100ии

Ребенок 100: маленький — 11; взрослый, детство, малыш, радость, семья, счастье — 4; вредный, проблема, родители — 3; беспомощный, веселый, дети, игрушка, любимый, мать, плачет, школьник — 2, активный, бесенок, воспитание, вырос, государь, дитя, дятла, инфант, киндер, кошмар, любовь, ляля, мало, милый, младенец, мой, наивность, наследник, неуклюжий, плач, подгузник, подросток, родной, Розмари, самостоятельность, свободен, слабый, слона, смех, солнца, сын, тепло, трудный, туалет, улыбка, умный, хороший, человек, чудо, шум — 1.

Взрослые

100ии

Ребенок 100: малыш — 10; маленький — 8; дитя — 6; взрослый, любимый — 4; дети, непослушный, радость, семья, умный, школа — 3; вырос, дитя, киндер, любовь, мой, сын, чадо — 2; беззащитный, бессмертие, внучка, глупость, девочка, детский, дошкольник, жеребенок, забота, иметь, кровиночка, кроха, личность, любви, любовью, малыш-кара-

пуз, милый, наследник, наш, непоседа, одаренный, орет, отрок, подросток, потомок, прелесть, радости, родной, сволочь, солнышко, счастье, сын, трудный, чудо, шалун, яйцо — 1.

Ассоциативные поля были интерпретированы как объективация значений слов-стимулов методом семантической интерпретации [2]. Далее были сформулированы дефиниции возрастных психолингвистических значений исследуемого слова, которые приводятся в таблице (семантические компоненты приводятся с указанием индекса яркости каждого, вычисляемого как отношение количества ии, актуализировавших данную сему в эксперименте, к общему числу испытуемых, и совокупного индекса яркости значения, вычисляемого как сумма индексов яркости всех сем значения):

Сопоставительное описание возрастных значений слова РЕБЕНОК (см. табл. 1).

Комментарии

Лексема РЕБЕНОК в молодежном и взрослом языковом сознании совпадает по значениям:

1. Маленький человек в детском возрасте, это счастье / Маленький непослушный человек, это радость.

2. Любимый взрослый член семьи, это радость, счастье / Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода.

В молодежном языковом сознании у лексемы РЕБЕНОК выявлено значение *Детеныш, например, дятла или слона*, которое не представлено во взрослом языковом сознании.

Значение

Маленький человек в детском возрасте, это счастье / Маленький непослушный человек, это радость

Интегральными семантическими компонентами молодежного и взрослого значений являются: *маленький 0,12–0,08, счастье 0,04–0,01, радость 0,04–*

0,04, плачет 0,04–0,01, умный 0,01–0,03, это чудо 0,01–0,01; то же, что — малыш 0,04–0,10, дитя 0,01–0,08, дети 0,02–0,03, киндер 0,01–0,02, противоположно — взрослый 0,04–0,04

Наблюдаются существенные различия некоторых интегральных сем по яркости:

	Молодежь	Взрослые
малыш	0,04	0,10
дитя	0,01	0,08

Дифференциальные семантические компоненты, актуализирующиеся у молодых людей: человек 0,01, в детском (возрасте) 0,04, проблемы 0,04, (нуждается) в помощи 0,04, веселый 0,03, вредный 0,03, активный 0,02, игрушки 0,02, в подгузнике 0,02, улыбается 0,01, наивный 0,01, главный 0,01, хороший 0,01, родной 0,01, кошмар 0,01; то же, что: ляля 0,01, младенец 0,01, инфант 0,01

Дифференциальные семантические компоненты, актуализирующиеся у взрослых людей: непослушный 0,05, глупый 0,01, (требуется) заботы 0,02, милый 0,01, беззащитный 0,01, дошкольник 0,01, подросток 0,01, прелесть 0,01, солнышко 0,01; то же, что: кроха 0,01, малыш-карпуз 0,01

Всего у данной пары совпадающих значений 22 интегральные семы и 29 дифференциальных сем.

Интегральные семы это радость, это счастье, плачет ярче в сознании взрослых, а сема маленький значительно ярче у молодежи. У взрослых при этом значительно ярче отождествление данного слова со словами-синонимами МАЛЫШ и ДИТЯ — почти в три раза.

Наиболее яркими дифференциальными семами в молодежном языковом сознании являются семы создает проблемы, вредный, нуждается в помощи, веселый, во взрослом языковом сознании — непослушный, требует заботы.

Значение

Любимый член семьи, это радость, счастье / Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода

Интегральными семантическими компонентами молодежного и взрослого значений являются:

(Член) семьи 0,04–0,03, любимый 0,03–0,08, родной 0,01–0,05, взрослый 0,05–0,06, сын 0,01–0,03, радость 0,04–0,04, счастье 0,04–0,01, наследник / продолжатель рода 0,01–0,04, школьник 0,02–0,03

Наблюдаются существенные различия интегральной семы по яркости:

	Молодежь	Взрослые
любимый	0,03	0,08

Дифференциальные семантические компоненты, актуализирующиеся у молодых людей: тепло 0,01, его воспитывают 0,01, самостоятельный 0,01; свободный 0,01; противоположно — родители 0,03, мать 0,02

Дифференциальные семантические компоненты, актуализирующиеся у взрослых людей: родной 0,01, девочка 0,01, внучка 0,01, подросток 0,01, одаренный

0,01, личность 0,01, непослушный 0,01, трудный 0,01, сволочь 0,01; то же, что: чадо 0,02, отрок 0,01

В возрастных значениях Любимый взрослый член семьи, это радость, счастье / Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода интегральные семантические компоненты родной, любимый, продолжатель рода ярче у взрослых, сема счастье — ярче у молодежи. Ярких дифференциальных возрастных компонентов нет.

У взрослых в данном значении нет противоположных по значению лексем, у молодых нет синонимов.

Совокупная яркость первого совпадающего значения (Маленький человек в детском возрасте, это счастье / Маленький непослушный человек, это радость) выше у взрослых (0,75 против 0,61). Второе совпадающее значение (Любимый взрослый член семьи, это радость, счастье / Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода) в сознании взрослых тоже ярче соответствующего значения в сознании молодежи (0,43 против 0,31).

Таким образом, значения Маленький человек в детском возрасте, это счастье / Маленький непослушный человек, это радость; Любимый взрослый член семьи, это радость, счастье / Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода ярче представлены во взрослом языковом сознании.

Эндемичное молодежное значение Детеныш, например, дятла или слона имеет незначительную яркость в смысловой структуре слова.

Проведенное исследование 50 слов из частотного ядра русского языка (большой, великий, военный, война, вопрос, высокий, главный, глаз, год, государственный, день, деньги, дом, друг, думать, жизнь, знать, книга, лицо, любить, маленький, место, молодой, настоящий, новый, общий, особый, политический, полный, получить, помнить, последний, право, проблема, работа, ребёнок, российский, рука, русский, сила, сильный, система, слово, советский, современный, социальный, хороший, хотеть, человек, экономический) показало, что возрастную семную дифференциацию демонстрирует 91% исследованных лексем.

Эндемичные значения (одно или два) имеют лексемы получить, ребенок, рука, помнить, право, любить, слово, дом, лицо, место, российский, настоящий, то есть 24% исследованных слов.

Эндемичные семы: чисто молодежные встречаются в 30% исследованных слов, чисто взрослые — в 34% исследованных слов.

Самый высокий уровень возрастных различий на семном и семном уровнях выявляется у лексем политический, современный, получить, ребенок, система, социальный.

Не выявлено возрастных различий у лексем главный.

В целом возрастная специфика семантики единиц частотного ядра русского языка достаточно ярко выражена.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что описания психолингвистических значений слов необходимы, поскольку они позволяют представить семантику слова в реальном языковом сознании людей.

Психолингвистические особенности значений, которые будут отражены в возрастном психолингвистическом толковом словаре, могут быть полезными для работы педагогов и психологов, для лингвистической экспертизы текста, для социологов и когнитологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психолингвистическое исследование возрастной специфики семантики слова / Язык и национальное сознание / Научный ред. И. А. Стернин. — Вып. 22. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 147–150.
2. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. — 192 с.

Таблица 1

Сопоставительное описание возрастных значений слова РЕБЕНОК

Молодежь	Взрослые
<p>1. Маленький человек в детском возрасте, это счастье Человек 0,01 в детском (возрасте) 0,04, маленький 0,12, плачет 0,04, создает проблемы 0,04, нуждается в помощи 0,04, это счастье 0,04, радость 0,04, веселый 0,03, вредный 0,03, активный 0,02, милый 0,01, умный 0,01, играет в игрушки 0,02, в подгузнике 0,02, улыбается 0,01, наивный 0,01, главный 0,01, хороший 0,01, родной 0,01, это чудо 0,01, это кошмар 0,01 То же, что: малыш 0,04, дети 0,02, дитя 0,01, киндер 0,01, ляля 0,01, младенец 0,01, инфант 0,01</p> <p><i>Противоположно:</i> взрослый 0,04 СИА 0,75 Они мало уделяли внимания воспитанию своего ребенка.</p> <p>2. Любимый член семьи, это радость, счастье (Член) семьи 0,04, взрослый 0,05, это счастье 0,04, радость 0,04, любимый 0,03, например, сын 0,01, школьник 0,02, тепло 0,01, его воспитывают 0,01, наследник 0,01, самостоятельный 0,01; свободный 0,01</p> <p><i>Противоположно:</i> родители 0,03, мать 0,02</p> <p>СИА 0,31 Он третий ребенок в семье.</p> <p>3. Детеныш, например, дятла или слона (Детеныш), например, дятла 0,01, слона 0,01</p> <p>СИА 0,02 Ребенок тигра нуждается в постоянной заботе матери. Фразы: солнца 0,01, мой 0,01, трудный 0,01, иметь 0,01 Не интерпретируются: Розмари 0,01, мало 0,01 Не актуально — 0</p>	<p>1. Маленький непослушный человек, это радость Маленький (человек) 0,08, это радость 0,04, непослушный 0,05, умный 0,03, глупый 0,01, требует заботы 0,02, милый 0,01, плачет 0,01; беззащитный 0,01, это чудо 0,01, это счастье 0,01, например, дошкольник 0,01, подросток 0,01, прелесть 0,01, солнышко 0,01</p> <p><i>То же, что:</i> малыш 0,10, дитя 0,08 (дитя 0,06, дитё 0,02), дети 0,03, киндер 0,02, кроха 0,01, малыш-карпуз 0,01, <i>Противоположно:</i> взрослый 0,04 СИА 0,61 Они мало уделяли внимания воспитанию своего ребенка.</p> <p>2. Любимый взрослый член семьи, продолжатель рода (Член) семьи 0,03, любимый 0,08, родной 0,01, взрослый 0,06, это радость 0,04, продолжатель рода 0,04; школьник 0,03, например, сын 0,03, девочка 0,01, внучка 0,01, подросток 0,01, счастье 0,01, одаренный 0,01, личность 0,01, непослушный 0,01, трудный 0,01, сволочь 0,01.</p> <p><i>То же, что:</i> чадо 0,02, отрок 0,01</p> <p>СИА 0,43 Он третий ребенок в семье.</p> <p>Фразы: мой 0,02, иметь 0,01, трудный 0,01, наш 0,01 Не интерпретируются: яйцо 0,01, детский 0,01, жеребенок 0,01, Не актуально — 0</p>

Колледж физической культуры ВГИФК
 Растегаева Т. В., магистр филологии, преподаватель
 E-mail: tanya0295@gmail.com

Voronezh College of the Physical Culture of the Voronezh
 State Institute of Physical Culture
 Rastegaeva T. V., Master of Philology, teacher
 E-mail: 08tanya0295@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КАЛЬКИРОВАНИЯ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

А. А. Скомаровская, В. М. Шаклеин

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 19 августа 2019 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию лингвистических калек в текстах переводной древнерусской литературы, образовавшихся по модели греческого языка. Методом структурно-семантического анализа исследуются примеры из древнерусских текстов с соответствующими им отрывками из греческих текстов. Отмечается, что в ряде случаев происходит расширение сочетаемости исконно-русского слова по образцу того, как данное слово функционирует в греческом языке. Калькирование рассматривается авторами с точки зрения языковых контактов и трансляции инокультурных понятий.

Ключевые слова: опосредованное заимствование, калькирование, русский язык, семантическая калька, фразеологическая калька, фразеологические кальки-гнезда, индивидуальная калька, древнерусская литература, греческое влияние.

Abstract: the article studies linguistic calques in Ancient Russian literary texts on the model of the Greek language. With the help of structural and semantic analysis the authors investigate the examples from Ancient Russian texts and relevant fragments of Greek texts. It is concluded that the combinability of a native Russian word is sometimes widened on the example of how this word functions in the Greek language. Calquing is understood by the authors from the point of view of language contacts and translating alien culture notions.

Keywords: mediated borrowing, loan translation, the Russian language, semantic calque, phraseological calque, phraseological calque-nests, individual calque, Old Russian literature, Greek influence.

Проблема заимствованной лексики всегда вызывала интерес языковедов, поскольку лексический уровень, как самый подвижный в языке, в наибольшей степени отражает изменения, связанные с взаимодействием языков в условиях интеграционных процессов в обществе. Контактная друг с другом, языковые общности обогащаются на уровне культуры и языка. При этом любое иноязычное влияние в лексике и семантике того или иного языка приводит или к появлению в нем иноязычной лексики (непосредственных заимствований), или к калькированию (опосредованным заимствованиям). Иноязычные элементы в русском языке всесторонне изучены и описаны в трудах Н. С. Араповой [1], Л. П. Крысина [2], В. В. Виноградова [3], В. Г. Богословской [4], Л. Гальди [5] и др. В данной статье анализируется процесс заимствования из греческого языка в русском языке раннего периода.

Лексические заимствования из греческого языка исследованы в трудах А. И. Соболевского [6], М. Р. Фасмера [7], А. М. Бульки [8], Ю. А. Романеева [9], Н. А. Мещерского [10]. В указанных работах охарактеризованы причины и основные периоды заимствования, тематическое многообразие грецизмов, их ассимиляция в русском языке. В статье основное внимание

сосредоточено на особенностях опосредованного заимствования, т.е. на греческих кальках. Для этого авторы обратились к древнерусскому языку, когда заимствование из греческого шло наиболее интенсивно ввиду христианизации Руси и последующего влияния греческой культуры в ее византийском варианте на русскую.

Калькирование — это способ заимствования, выражающийся в переводе иноязычных морфем или значения иноязычного слова средствами заимствующего языка. Согласно определению, которое дается в Большом энциклопедическом словаре, кальки служат для обозначения образования нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иностранной языковой единицы [11].

М. М. Копыленко [12] выделяет следующие типы калькирования:

- 1) словообразовательные кальки (в процессе калькирования перенимается словообразовательная структура лексем);
- 2) семантические кальки (в процессе калькирования перенимается широкая сочетаемость лексем);
- 3) фразеологические кальки (перевод фразеологического сочетания пословно).

Фразеологические кальки, в свою очередь, делятся на кальки-гнезда, когда в процессе кальки-

рования перенимается ограниченная сочетаемость лексем, и индивидуальные кальки, когда перенимается индивидуальная сочетаемость лексем [8, 73].

Большинство работ, исследующих особенности иноязычной лексики в русском языке, посвящено непосредственным заимствованиям, из опосредованных заимствований — словообразовательным калькам (см., например, исследования В. М. Истрина [13]). В свою очередь, семантические и фразеологические кальки продолжают оставаться малоизученными до сих пор, что и определило объект настоящего исследования.

При описании языковых единиц и установлении типа калек был использован метод структурно-семантического анализа. Материалом исследования послужили тексты памятников древнерусской письменности.

Кальки с греческого языка на Руси сначала появляются в переводах текстов, обслуживающих богослужбную сферу, позднее и в оригинальных древнерусских произведениях. Главным образом, они характерны для летописной и художественной литературы, в особенности, для произведений, идейно и тематически связанных со сферой богослужения. Это такие жанры, как поучение, житие, слово. Древнерусские тексты многократно переписывались и оказали большое влияние на дальнейшее развитие русского литературного языка.

Во время калькирования нового слова может происходить расширение сочетаемости исконного слова по образцу того, как данное слово функционирует в иностранном языке. Такие кальки называют семантическими. Рассмотрим на примерах некоторые из семантических калек с греческого языка.

Слово «рука» под влиянием греческого языка приобрело значение «господство». Особенно распространены сочетания слова «рука» с предлогом «под»: сочетания «под руку» и «под рукою» (руками) в соответствии с греческим *ὑπο τας χείρας*. Так, в Ефремовской кормчей «*под законными руками быть*» (*ὑπο τας των νομων χείρας γυνεσθαι*) [14, 110]. Слово «рука» в указанном значении затем появляется и в собственно русских словесных произведениях, к тому же не только богослужбного толка, но и светских жанров. В Ипатьевской летописи читаем: «*Был тогда в руках его*» [14, 124]. Еще одним доводом в пользу того, что значение «власть», «господство» развилось под влиянием греческого, является тот факт, что в древнерусских текстах не встречаем значения «сила», «насилие». В греческом языке такое значение есть.

Проиллюстрируем изменение значения слова «свойство». Оно принадлежит к общеславянской лексике, выступая в значении «близость». По словарю Т. Ф. Ефремовой, одним из значений данного слова является «отношение близости между лицами, возникающее, в противоположность родству,

не из происхождения, а из брачного союза, соединяющего два рода» [15, 534] («свояк» — муж женой сестры). Но уже в древнерусских текстах это слово употребляется в значении «особое качество», «отличительный признак». В Изборнике 1073 года встречаем «*...каждое со свойством*» в значении «отличается от других» [14, 147]. В этом случае свойство соответствует греческому *ἰδιων, ἰδιωμα*. Дело в том, что прилагательное *ἰδιος* обладает двумя значениями. Во-первых, оно значит то же, что и русское слово «свой», с другой стороны, означает «отличный», «своеобразный». Подобная полисемия греческого слова и привела к расширению значения общеславянского слова.

Но бывает и так, что заимствуется сочетаемость лишь с определенной группой слов, близких по смыслу. Так, под влиянием греческого *προαχειν* русский глагол «*привести*» (*приводить*) стал употребляться не только с наименованиями лиц, но и с неодушевленными существительными «*прошение*», «*правда*», «*смысл*», «*разум*», «*притча*». Здесь уместнее говорить не о расширении семантики глагола «*приводить*». Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, одним из значений данного слова является «сообщать что-либо для подкрепления своего мнения; цитировать» [15, 430]. Например, в тексте «Хроники» Георгия Амартола встречаем «*И да привести правду вечную и запечатлеть виденное*» [13, 324]. В приведенном примере ощущается влияние сочетаемости глагола, измененное значение не воспринимается без определенного контекста. В данном случае мы имеем дело с фразеологическим калькированием. Возникает так называемое «гнездо сочетаемости», которое образовано различными вариантами-ответвлениями: «*привести мысль*», «*привести цитату*», «*привести притчу*». Во всех возможных вариантах сочетаемости слово «*приводить*» имеет одну общую сему — «подкрепить словом или мыслью суждение».

Рассмотрим явление фразеологического калькирования на примере древнерусского глагола «*навести*». Согласно словарю древнерусского языка, одним из его значений является «наслать, навлечь» [16]. В «Хронике» Георгия Амартола читаем: «*навести неправду*» («*επαχειν την αδικιαν*»), «*...злomu благовествию наводитъ*» («*...το κακόν ευαγγελιζομενος επαχειν*») [13, 330].

Глагол «разрушать» в русском языке имеет одним из своих значений (переносным) «препятствовать осуществлению чего-либо; расстраивать». В древнерусском тексте встречаем: «*...разрушати злодеяние, жестосердие*» («*...καταλυειν κακουργιαν, σκληροκαρδιαν*») [13, 312].

Другое значение данного глагола «*нарушить обычай, установление*» видно в следующем примере: «*разрушити обычай*» (*καταλυειν το ηθος*) [13, 89].

Рассмотрим пример индивидуальной фразеологической кальки. В данном случае заимствование со-

четаемости распространяется лишь на одно слово. К такого рода калькам в русском языке относится сочетание «хранить тайну». В греческом языке эквивалентом является $\mu\sigma\tau\epsilon\rho\iota\omega\nu$ круптеи, $\phi\upsilon\lambda\alpha\tau\tau\epsilon\iota\nu$ $\mu\sigma\tau\epsilon\rho\iota\alpha$. В греческом же языке глагол $\phi\upsilon\lambda\alpha\tau\tau\epsilon\iota\nu$ («караулить», «охранять», «сторожить») в сочетании с существительным $\mu\sigma\tau\epsilon\rho\iota\alpha$ актуализирует новую сему, совпадая в данном значении с глаголом $\kappa\rho\upsilon\pi\tau\epsilon\iota\nu$ («скрывать»). Это изменение значения $\phi\upsilon\lambda\alpha\tau\tau\epsilon\iota\nu$ было передано при калькировании на русский язык.

Итак, в текстах древнерусской литературы встречаются опосредованные заимствования из греческого языка: семантические и фразеологические кальки. Проведенный анализ языковых форм показал большую значимость влияния греческого языка на русский как в области семантики, так и в структурном отношении. При этом необходимо помнить, что любая лингвистическая калька является результатом не только пересечения разных языков, но и продуктом культурного обогащения, поскольку представляет собой способ трансляции понятия, являющегося частью иной культуры. В этой связи изучение особенностей калькирования в том или ином языке имеет большую ценность в аспекте лингвокультурологического исследования текста и является перспективным направлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. / Н. С. Арапова. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 319 с.
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2004–888 с.
3. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка. — М., 1987.
4. Богословская В. Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Р. Богословская. — Волгоград, 2003. — 32 с.
5. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке / Л. Гальди. — М., 1958.
6. Соболевский А. И. Из истории заимствованных слов и переводных повестей / А. И. Соболевский. — Киев, 1904.
7. Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды / М. Р. Фасмер. — СПб., 1906, 1907, 1909.
8. Булыка А. М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV — XVIII стст. / А. М. Булыка. — Мінск, 1980.
9. Романеев Ю. А. Структура слов греческого происхождения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Романеев. — Москва, 1965.
10. Мещерский Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка / Н. А. Мещерский // Византийский временник. 1958. — Т. 13. — С. 246–261.
11. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во «Пилигрим». Главный редактор Т. В. Жеребило. — 2010. (https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1385, дата обращения 19.08.2019 г.).
12. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. — Изд. 2-е. — Москва: URSS, 2010. — 190 с. ISBN 978-5-397-01290-4.
13. Истрин В. М. Книги временья и образья Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. — Т. I. — Пг., 1920.
14. Федорова М. Е. Хрестоматия по древнерусской литературе. Уч. пособие для вузов / М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. — М.: Высшая школа, 1994. — 256 с.
15. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный / Т. Ф. Ефремова. — М.: АСТ, 2010. — 699 с.
16. https://old_russian.academic.ru/ (дата обращения 19.08.2019 г.).

*Российский университет дружбы народов
Скомаровская А. А., аспирант кафедры русского языка
и методики его преподавания
E-mail: rakhmitska@mail.ru*

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Scomarovskaia A. A., Postgraduate student of the Department
of the Russian Language and Methods of Teaching
E-mail: rakhmitska@mail.ru*

*Шаклеин В. М., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и методики его
преподавания
E-mail: shaklein_vm@pfur.ru*

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Shaklein V. M., Doctor of Philology, professor, Head of the
Department of the Russian Language and Methods of Teaching
E-mail: shaklein_vm@pfur.ru*

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ — ЧУЖОЕ» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

И. А. Спиридонова

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2019 г.

Аннотация: исследование посвящено прозе А. Платонова, написанной в годы Великой Отечественной войны. В литературе 1941–1945 гг. доминирует оппозиция «свое – чужое», предельно поляризованная в патриотическом пафосе борьбы с фашистской агрессией. В военных рассказах писателя эта оппозиция реализуется по принципу возвратности. Важную роль в поэтике Платонова играет символическая избыточность образов и мотивов, которая формирует сюжеты «второго смысла» и актуализирует онтологическую проблематику.

Ключевые слова: А. Платонов, оппозиция «свое–чужое», поэтика, литература Великой Отечественной войны.

Abstract: The research is devoted to A. Platonov's prose written during the Great Patriotic War. Literature of 1941–1945 is dominated by the opposition Own vs. Alien, which is extremely polarized in the patriotic pathos of opposing fascist aggression. This opposition is implemented on the principle of return in the writer's war stories. An important role in the poetics of Platonov is played by the symbolic redundancy of images and motifs, which forms plots of the second meaning and actualizes ontological issues.

Keywords: A. Platonov, opposition Own vs. Alien, poetics, literature of the Great Patriotic War.

В литературе 1941–1945 гг. доминирует оппозиция *свое* — *чужое*, предельно поляризованная в патриотическом пафосе борьбы с фашистской агрессией. А. Платонов, как и художники-современники, писал Великую Отечественную как Священную войну, где священна любовь к Родине и священна ненависть к врагу. Титульная оппозиция военной прозы Платонова «Одухотворенные люди» — «Неодушевленный враг» восстанавливала в художественном сознании «образность, проецирующую происходящее на события многовековой отечественной истории» [1, 38].

При создании образа агрессора, «живого мертвяка», писатель использовал мотивы страха, глупости, живота, зверя, вещи, пустоты, смерти; их истоки — в фольклоре, где незыблемы границы *своего* и *чужого* миров и где *враг* — порождение и воплощение *антимира*. Однако ряд означенных мотивов характеризует в его военных рассказах персонажей *своего* мира. Переводчик и исследователь Р. Чандлер пишет о Платонове: «He uses... **and** where we expect **but**» [2, XXI]. Конъюнкция — одна из ключевых фигур платоновского текста. Символическая избыточность образно-мотивной структуры порождает поэтику «второго смысла».

Тайна агрессора мучает солдата Степана Трофимова из рассказа «Божье дерево», написанного в августе 41-го: он «хотел поскорее увидеть своего врага — того тайного человека, который пришел сюда, в эту тихую землю, чтобы убить сначала его, потом его мать и пройти дальше, до конца света, чтобы всюду стало пусто и враг остался один на земле» [3, 87]. От-

вет на вопрос: «Кто это, человек или другое что?» — герой добывает в рукопашном бою. Описание боя заслуживает особого внимания: на миг в нем показано человеческое лицо немецкого солдата. «Чужой штык вдруг показался из-за голых ветвей, и оттуда засветилось бледное незнакомое лицо со странным взглядом, испугавшим Трофимова, потому что это лицо было немного похоже на лицо самого Трофимова и глядело на него с робостью страха» [3, 88]. Другой немец произносит перед смертью: «Русс, прости!», что позволяет и в нем увидеть человека. Это не отменяет того, что должен совершить герой: уничтожить агрессора. «Теперь уж не смогу прощать тебя, — ответил Трофимов врагу. — Теперь уже не сумею... У меня мать есть, а ты ее сгонишь с земли» [3, 88].

В смертной работе войны солдату-освободителю необходима постоянная нравственная опора, чтобы, одолев врага, самому не утратить «свет человечности». Художественная реализация принципа «этической необходимости» [4, 279] нацелена у Платонова не только на борьбу с внешним злом, где в обстоятельствах идущей войны это *враг-немец-фашист* (исторически заданное номинативное тождество), но и внутрь *русского-советского* мира.

Универсальный характер получает в военной прозе Платонова мотив глупости. Этот комический мотив постоянно используется писателем в разработке темы врага, начиная с рассказа «Дед-солдат» (1941). Актуален он и в освещении проблем национальной жизни. «Дураков много было», — невесело резюмирует общечеловеческую проблему майор Махонин («Среди народа (Офицер и крестьянин)» [3, 117]).

«Генерал Бабай» — так впервые обозначен в записных книжках рассказ «Крестьянин Ягафар», приведем контекст: «“Бьются <нрзб.>, а народы стоят в стороне, они лишь погибают и откупаются кровью”. / “Генерал Бабай”. / 1/3 людей не работает, а глядит на работающих» [4, 218]. Рассказ написан в Уфе по тяжелым эвакуационным впечатлениям зимы 1941/42. Первое ‘генеральское’ название задало сатирическую линию сюжета.

Действие происходит в далекой от фронта башкирской деревне. Главный герой старик (бабай) Ягафар предчувствует неизбежность войны. Неотвратимая беда войны открывается героем в окружающей жизни: «Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупое берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю...» [3, 37] (ср. в «Записных книжках»: «Русские мужчины и женщины накануне войны 1941 года (война явно предчувствовалась — в смысле изменения, ими лично — жизни)» [4, 267]). Однако вещее знание не дается даром, как не дается раз и навсегда. Вот реакция Ягафара на начало войны: «После наступления войны бабай даже обрадовался, потому что до войны зло было далеко и скрытно, а теперь настала пора уничтожить его вблизи, в жизни, чтобы люди больше не боялись жить на свете... Теперь настало это время, и бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье» [3, 37].

Словосочетание «зло было далеко и скрытно» лишь поначалу двусмысленно: «далеко и (потому. — И. С.) скрытно»; «далеко и (также. — И. С.) скрытно». В сюжете развернута проблема ‘скрытного зла’, угаданного, но не осознанного и не побежденного в ближней жизни, в себе. В том, как проживает Ягафар начало войны («бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье»), затушевывается его же трагическое предчувствие. Победа добра над злом мыслится им по-детски легко — как ‘самореализация’ истории. Причинно-следственную конструкцию такого типа М. Михеев называет «мифологией вместо причинности» [5, 207].

Инфантильное миропонимание героя задает трагифарсовое развитие сюжета: Ягафар — ‘гость’, ‘свадебный генерал’ на не свершенном празднике победы («Он пошел в гости по дворам, желая быть вместе с народом в такое время») и одновременно ‘старое дитя’, ‘глупарь’, серьезно и радостно играющий в войну: «Ты старый человек, а глупарь!» — сердито и неохотно сказал Беспалов» [3, 40] (ср.: «Фашист — глупарь, и помрет, так все никак не уймется...» [3, 118]).

‘Возвращение в разум’ старика Ягафара начнется в тот момент, когда он увидит брошенное колхозное хозяйство и гибель разнообразного «вещества существования». Вина персонально возложена на Ягафара — и старый крестьянин её принимает. «“Правда твоя, — сказал бабай (Беспалову. — И.С.), —

я старик, я виноват, чего глядел. Людей люблю, в гости ходил — я виноват”. — И бабай зажмурился от крестьянского стыда...» [3, 43]. Осознание своей вины и ответственности — кульминационный момент жизни героя с его инстинктивной потребностью жить по совести. Из ‘гостевой’ он возвращается в ‘трудолюбивую’ жизнь. ‘Генеральство’ старика Ягафара в финале сюжета, где он «командует всей рожавшей силой земли, кормящей армию и согревающей ее» [3, 45], — это комически представленная полнота ответственности героя за жизнь.

Иные чувства вызывает у писателя человек, равнодушно обособленный на войне от горя и бед народных. В рассказе «Молодой майор (Офицер Зайцев)» главный герой видит храброго лейтенанта, «тылового офицера», который организовал перепись солдат на открытом артиллерии врага месте. «Около стола была щель на одного-двух людей; туда, должно быть, укрывался тыловой офицер во время огня противника» [3, 378]. Так, безопасно для себя, служил и героически молодой стюкарь, рискуя солдатскими жизнями. Его лицо было «довольно и умильно от счастья исполнительности...» [3, 379]. Майор Зайцев испытывает «злобу от этой глупости и небрежности», однако лейтенант оказывается непроницаем его гневу. Когда Зайцев посылает тыловика с его канцелярией к черту, тот с прежним выражением «счастья и довольства» принимается за рапорт с обоснованием причин передислокации. Очевидна сатирическая дистанция автора по отношению к этому герою: портретные характеристики сигнализируют об отсутствии у него ‘сокровенного’ содержания, он — ‘пустой’, ‘пустодушный’. Напрямую такие определения не даны, ведь «пустодушие» — опорная характеристика врага в военной прозе Платонова, но ряд мотивов подводит к ней: мотивы глупости, безответственности, механичности, бездумной исполнительности, самодовольства, идиотической радости. «Дурак ты, идиот и холуй» — так оценивает немца-фашиста Рудольфа Вальца, сойдясь с ним в смертельном поединке, русский солдат в рассказе «Неодушевленный враг» [3, 283]. Но ровно то же можно сказать и о советском лейтенанте-тыловике из рассказа «Молодой майор». ‘Безымянность’ персонажа может быть интерпретирована как символический знак его типичности.

Один из центральных в разработке темы врага в литературе Великой Отечественной войны — образ-мотив зверя (Л. Леонов, А. Толстой, И. Эренбург и др.). В художественном мире военной прозы Платонова существует дисбаланс между обличением преступлений (зверств) фашистов и их художественным оформлением в мотив зверя даже в тех случаях, когда для характеристики врага использованы зоономинии: «гадюка» («Дед-солдат»), «комариная куча» («Рассказ о мертвом старике»), «гончие псы» («Три солдата»), «мошкарка из болота» («Никодим Максимов»), «расчетливый муравьиный разум» («Пустоду-

шие»), «дракон» («Штурм лабиринта»). А. Кулагина в образных вариациях врага-зверя у Платонова прослеживает связь с фольклорной традицией [6, 102]. Отметим ту особенность, что зоономинации врага в его военных рассказах часто комически уничижительны: «Какой он неприятель? — разъясняет ребенку дед-солдат из одноименного рассказа. — Он фашист Гитлер! Неприятель раньше были, они были в крымскую, в турецкую кампанию... А это просто так себе, одна гадюка!» [3, 82].

Литота образа врага-зверя в военной прозе Платонова связана с его натурфилософией. «Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве» [4, 155]. Природа, по мысли писателя, породила и хранит гуманистическое начало жизни, в то время как человеческая история пропитана зоологической ненавистью. В произведениях 1930-х годов мотив зверя характеризовал у Платонова как отечественную революционную историю («Котлован»), так и фашизм («Мусорный ветер»).

В рабочих записях военных лет проблема «озверелости» трагически сфокусирована на внутреннюю национальную жизнь. Об этом тематический набросок рассказа «Зимовка в Уфе»: «об эвакуации, озверелости и пр.» [4, 220]; а также один из сюжетов «возвращения»: «К отцу-матери пришел сын с войны — до того изувеченный, израненный, изменившийся, что его не узнали родители», и мать в звериной алчности «зарубила своего неузнанного сына» [4, 238]. Тексты этих произведений неизвестны, и вряд ли Платонов в годы войны работал над ними, скорее это записи «впрок». И все же вечная проблема поединка человека со «зверем-в-себе» будет поставлена в его произведениях 1941–1945 гг.

В рассказе «Одухотворенные люди» (1942) мотивы «ярости боя» и «зверя» характеризуют всю систему персонажей: и защитников Отечества, и агрессоров [7]. В «ярости» смертельного боя севастьяпольские моряки оценивают врагов как «гадов», «пустые шкурки от людей», «волосяного червя»; они же открывают «зверя» в себе — как катастрофическое следствие войны. «До чего они нас довели — я зверем стал!» — признается молодой краснофлотец Паршинцев; «неутоленное ожесточение боем» проживают и его боевые товарищи [3, 105–106]. Рефлексия зла войны имеет возвратную семантику: развернута на себя. Осознание «зверя-в-себе» — это живой голос совести, опорная точка для восстановления «человека-в-себе». Зеркальная мотивная структу-

ра формирует сюжет «второго смысла», где борьба человека со зверем получает экзистенциальное содержание: ее арена и внутренний свидетель — душа человека («Правда у нас... Нам трудно, у нас болит душа»). Духовная эволюция краснофлотцев в смертельном бою — от жажды мщения врагу к открытию «высшей правды» любви. Лексический и образный строй «Одухотворенных людей» имеет много сходений с древнерусской литературой, восстанавливает «не только героическое, но и духовное наследие пращуров» (О. Алейников [1, 45]).

Война не отменила творческую установку Платонова запечатлеть «истину действительности», но породили особый механизм взаимоотношения героической правды и трагической истины. Важную роль в поэтике его военной прозы играют коллизии «явного» и «сокровенного». «Зло въяве, наружи, — записывает Платонов в военном блокноте, — это только то, что у нас есть внутри. Это наши же извержения, чтобы мы исцелились» [4, 219]. Оппозиция *свое-чужое* в художественной структуре его произведений 1941–1945 гг. реализована по принципу возвратности: символическая избыточность образов и мотивов актуализировала онтологическую проблематику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейнико О. Ю. Древнерусский «субстрат» в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне / О. Ю. Алейников // Человек и война в русском художественном сознании XX века. Сб. научных работ — Воронеж: ЦЧКИ, 2000. — С. 38–45.
2. Chandler Robert Translating Soul / Robert Chandler // Platonov Andrey Soul. — London: The Harvill Press, 2003. — PP. XIX–XXVI.
3. Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне / А. Платонов; сост. и вступ. ст. В. М. Акимова. — М.: Правда, 1986. — 432 с.
4. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. — М.: Наследие, 2000. — 424 с.
5. Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык: предположения, факты, истолкования, догадки / М. Ю. Михеев — М.: Изд-во МГУ, 2003. — 408 с.
6. Кулагина А. Образ русского ратника в фольклоре и в военной прозе А. Платонова / А. Кулагина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. — М.: Наследие, 2003. — С. 98–107.
7. Спиридонова И. А. Мотивы ярости и зверя в рассказе А. Платонова «Одухотворенные люди» / И. А. Спиридонова // Проблемы исторической поэтики. 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 301–325.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И. А. БУНИНА В КИТАЕ (1980–2010-Е): ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И НАПРАВЛЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ CITESPACE

Чэн Хайдун

Университет Санья, провинция Хайнань, Китай

Поступила в редакцию 5 октября 2019 г.

Аннотация: данная статья посвящена проблеме исследования произведений И. А. Бунина в Китае. Предмет анализа – 182 периодических статей за период 1980–2019 годов и 45 диссертационных работ в период 2002–2018 годов. Проведен подробный анализ главных исследователей, организаций, занимающихся исследованием произведений И. А. Бунина, ключевых слов и самых цитируемых статей и других параметров с помощью программы CiteSpace на основе технологии визуализации.
Ключевые слова: И. А. Бунин, Китай, 1980–2010-е, CiteSpace, визуализация.

Abstract: this article is devoted to the research of Bunin's works in China. The subject of analysis – 182 periodic articles for the period 1980–2019 and 45 dissertations in the period 2002–2018. A detailed analysis of the main researchers, organizations involved in the study of the works of I. A. Bunin, keywords, and the most cited articles and other parameters was carried out using the program CiteSpace based on visualization technology.
Keywords: I. A. Bunin, Bunin studies, China, 1980–2010 years, CiteSpace, visualization technology.

ВВЕДЕНИЕ

Иван Алексеевич Бунин – русский поэт и писатель, его творчество относится к Серебряному веку русской культуры, в 1933 году получил Нобелевскую премию по литературе. Он писатель с мировой известностью, его произведения читают и изучают во многих странах, в том числе и в Китае. По мнению китайских ученых, произведение И. А. Бунина на китайском языке впервые появилось в Китае в 1921 году, это перевод рассказа «Господин из Сан-Франциско» [1]. После этого имя писателя стало известным в нашей стране. За более чем 90 лет изучения и распространения произведений И. А. Бунина в Китае можно выделить пять этапов [2], и можно сказать, что после девяностых годов и до сих пор в Китае произведения И. А. Бунина пользуются высочайшей популярностью среди читателей и исследователей.

В данной статье мы хотели нарисовать общую картину исследования творчества И. А. Бунина и его произведений в материковом Китае, выяснить главные особенности работы китайских буниноведов.

В нашем исследовании мы учитываем деятельность китайских специалистов в двух планах. Первый план – перевод произведений И. А. Бунина и оценка (переводчики и критики). Второй план – изучение особенностей его творчества в целом или конкретных произведений (этим занимаются в основном филологи, китайские русисты). И в рамках

этой статьи мы будем больше внимания обращать на второй план.

1. Общее состояние изучения произведения Бунина в материковом Китае

Чтобы показать общую картину исследования произведений И. А. Бунина, нам нужно собрать достаточные научные сведения по данной теме, и мы сделали это с очень мощным, электронным каталогом научных статей в Китае – CNKI (Китайская национальная инфраструктура знаний). См. рис. 1.

Мы решили найти научные работы по нашей теме в разделах: периодические издания и диссертации (включены магистерские и кандидатские диссертации).

Сначала был проведен поиск в разделе «периодические издания», условия поиска – ключевые слова «Бунин» в китайском переводе (два варианта: 布(bù)宁(níng) \ 蒲(pú)宁(níng)). В этом разделе мы нашли всего 182 статьи по теме изучения произведения А. Бунина. Эти статьи опубликованы в период 1980–2019. И таким образом поиск был проведен в разделе «диссертации». Бы найдены всего 45 диссертационных работ в период 2002–2018 гг.

2. Анализ периодических статей по исследованию произведений И. А. Бунина

После отбора литературы нам нужно провести подробный анализ этих периодических статей и диссертационных работ с целью выяснить тенденции и направления в изучении произведений Бунина. (При выполнении этой наукометрической работы нами была использована специальная программа

CiteSpace. CiteSpace – свободно распространяемое программное обеспечение для визуализации и анализа тенденций и направлений в научной литературе. CiteSpace имеет набор функций, облегчающих понимание и способствующих интерпретации сетевой или исторической модели, включая определение быстро растущих предметных областей, обнаружение «горячих точек» цитирования в области публикаций, разделения сети на кластеры, автоматическое маркирование кластеров в терминах, взятых из цитирующихся статей. CiteSpace поддерживает структурный и временной анализ различных сетей, возникающих из научных публикаций, включая сети ключевых слов публикаций, сети совместных проектов / организаций, сети авторского социтирования и сетей социтирования документов и т. д. [3].

2.1. Сеть организаций. См. рис. 2.

Как видно на картине сети, названия организаций выражены в ярлыках на китайском языке. Размер иероглифов-ярлыков связан с количеством публикаций и активностью исследования. Отметим несколько первых: первое место – Шанхайский университет иностранных языков, второе – Университет **Суйхуа**, третье – Харбинский педагогический университет, Ляонинский педагогический университет и Академия социальных наук Ляонина. Но хотим подчеркнуть, что этот рейтинг во многом зависит от количества публикации в меньшей степерн –от рейтингов авторитентных центров изучения Бунина. В список последнего мы бы внесли такие университеты, как, в первую очередь, **黑龙江大学** (Хэйлунцзянский уни-

верситет), **厦门大学** (Сямыньский университет), **陕西师范大学** (Педагогический университет провинции Шэньси) (город Сиань, провинция Шэньси, КНР), **西安交通大学** (Сианьский транспортный университет), **广东外语外贸大学** (Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли), **北京第二外国语学院** (Второй пекинский университет иностранных языков), **Уханьский университет** и т. д.

2.2. Сеть авторов, занимающихся исследованием произведений И. А. Бунина. См. рис. 3.

В сети авторов мы можем найти главных исследователей произведений И. А. Бунина. Эти имена показаны большим размером: **李春林** Ли Чунь линь (исследователь из Академии социальных наук Ляонина), **冯玉律** Фэн Юйлюй (профессор и переводчик шанхайского университета иностранных языков, в 2014 году он был награжден Союзом китайских переводчиков как авторитетный переводчик в Китае, **王立业** Ван Лие (профессор Пекинского университета иностранных языков), **张益伟** Чжан Ивэй (профессор института литературы Уханьского университета), **蓝英年** Лань Иннянь (старшее поколение переводчиков) и молодые научные работники: **鲁美慧** Лу Мэйхуэй (аспирантка Ляонинского педагогического университета), **叶琳** Е Линь (Педагогический университет провинции Шэньси) **叶红** Е Хун (доцент Шанхайского университета иностранных языков, написала монографию «исследования творчества И. А. Бунина» и **余芳** Юй Фан (аспирантка Шанхайского университета иностранных языков).

2.3. Сеть ключевых слов. См. рис. 4.

Freq	Keyword	Year	Centrality	Keyword	Year
87	Buning	1986	0.41	Puning	1986
58	runing	1986	0.4	Buning	1986
26	Россия	1986	0.39	писатель	1986
19	писатель	1986	0.26	Россия	1986
15	проза	1990	0.24	любовь	2005
12	поэт	1986	0.15	поэт	1986
10	любовь	2005	0.11	«солнечный удар»	2010
9	Брюсов	1996	0.09	литература	1990
8	Нобелевская премия	1996	0.09	парадокс	2015
8	Русская литература	1996	0.09	противоречие	2010
8	«деревня»	1986	0.09	средняя школа	2000
8	Арсеньев	1996	0.08	Брюсов	1996
7	Природа	1900	0.08	смерть	2010
6	Горький	1996	0.07	Нобелевская премия	1996
6	искусство	2000	0.07	«Деревня»	1986
6	Европейская литература	1996	0.07	Россия	1996
6	деревня	1991	0.07	«Чистый понедельник»	2005
6	реализм	2000	0.07	«Чистый понедельник»	2010
5	Чехов	1986	0.07	средняя школа	2000

Freq	Keyword	Year	Centrality	Keyword	Year
5	Толстой	1996	0.06	проза	1990
5	Россия	1996	0.06	деревня	1991
5	Литература	1990	0.05	Горький	1996

2.4. рейтинг цитирования и скачивания статей в CNKI

название статей	автор	периодика	дата публикации	частота цитирования	частота скачивания
纳博科夫与白银时代俄国文化精神 Набоков В. В. и культурная сущность Серебряного века русской литературы	张冰 Чжан Бин	外国文学研究 Изучение зарубежной литературы	2005/6/25	32	774
论蒲宁创作中的永恒主题 Вечные темы в творчестве И. А. Бунина	冯玉律 Фэн Юйлюй	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	1994/2/15	22	709
布宁研究新述 Новые аспекты исследования И. А. Бунина	陈辉 Чэнь Хуэй	中国俄语教学 преподавание русского языка в Китае	2005/8/21	16	467
对已逝年华的深情回望——读布宁的《阿尔谢尼耶夫的一生》 Глубокое воспоминание о прошедших годах – чтение романа «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина	汪介之 Ван Цзечжи	名作欣赏	2004/10/1	14	527
别具一格的艺术世界——布宁短篇小说视角浅议 Оригинальный мир искусства в рассказах И. А. Бунина	李莉 Ли ли	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	1997/4/15	13	279
俄国的布宁研究综述 Общие сведения об исследовании творчества И. А. Бунина в России	孟秀云 Мэн Сююнь	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	1996/4/15	12	508
悲的旋律 画的诗篇——论蒲宁小说的艺术特色 Печальная мелодия и картинная поэма: художественные особенности произведений И. А. Бунина	杨艺 Ян И	重庆大学学报(社会科学版) Вестник Чунцинского университета (гуманитарная наука)	2001/2/28	12	457
蒲宁与现代主义 Бунин И.А. и модернизм	叶红 Е Хун	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	2002/6/15	11	362
布宁小说创作中的民俗象征符号解读 Фольклорная символика в произведениях И. А. Бунина	管海莹 Гуань Хайин	外国文学研究 Изучение зарубежной литературы	2005/6/25	11	560
布宁小说中的跨国文化相遇现象 Явление межкультурной встречи в произведениях И. А. Бунина	赵晓彬; 吴琼 Чжао Сяобинь; У Цюн	当代外国文学 Современная зарубежная литература	2010/1/15	10	490
布宁生态思想研究 Экологические идеи И. А. Бунина	叶琳 Е Линь	外语教学 Преподавание иностранных языков	2011/7/6	10	353

название статей	автор	периодика	дата публикации	частота цитирования	частота скачивания
布宁与东方哲学——读布宁作品《净身周一》 Восточная философия в произведении Бунина «Чистый понедельник»	陈辉 Чэнь Хуэй	广东外语外贸大学学报 Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли	2005/8/30	8	358
蒲宁在中国 Бунин И. А. и буниноведение в Китае	叶红 Е Хун	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	2005/3/15	6	426
从归纳走向解构:蒲宁创作艺术的再认识 От индукции к деконструкции: переосмысление творчества Бунина	张祎 Чжан Вэй	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	2002/12/15	6	244
现实主义创作艺术的拓展——重读布宁中篇小说《乡村》 Развитие реалистического искусства И. А. Бунина: перечитываем повесть «Деревня»	刘炜 Лю Вэй	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	2002/2/15	5	260
谈《阿尔谢尼耶夫的一生》的叙事风格 Стиль повествования романа «Жизнь Арсеньева»	邱运华; 尚玉翠 Цю Юньхуа; Шан Юйцуй	俄罗斯文艺 Русская литература и искусство	2004/6/15	5	319
俄罗斯民族性格在蒲宁农村题材小说中的体现 Воплощение русского национального характера в рассказах Бунина на сельскую тематику	叶红 Е Хун	太原师范专科学校学报 Вестник Тайюаньского педагогического института	2000/6/30	5	464

3. Анализ диссертационных работ по исследованию произведений И. А. Бунина

бот. См. рис. 5.

3.2 Рейтинг цитирования и скачивания диссертационных работ

3.1 тенденция публикации диссертационных работ

название	авторы	организации	тип работы	год	Цитирование	Скачивание
永不枯竭的心灵之泉——论伊凡·蒲宁小说创作中的“永恒主题”及风格特征 Неиссякаемая влага души – О «вечной теме» и художественном своеобразии прозы И. А. Бунина	Е Хун	Шанхайский университет иностранных языков	Аспирантура	2004	10	820
布宁创作的生态诗学特征 Экологическая поэтика в творчестве И. А. Бунина	Е линь	Шэньсийский педагогический университет / Специальность китайская литература	Аспирантура	2012	9	711
现实主义艺术的拓展——论布宁小说的创作艺术 Расширение реалистического искусства – о творчестве и.А.Бунина	Лю Вэй	Нанкинский педагогический университет \Специальность сравнительная литература и всемирная литература	Магистратура	2002	9	495

название	авторы	организации	тип работы	год	Цитирование	Скачивание
《幽暗的林荫道》中的古希腊神话契机 Древнегреческая мифология в «Темных аллеях» И. А. Бунина	Ван Шуай	Пекинский университет	Магистратура	2005	8	828
蒲宁小说的创作诗化艺术研究 Поэтическое искусство в творчестве И. А. Бунина	Чэн Хао	Нанкинский педагогический университет/ Специальность сравнительная литература и всемирная литература	Магистратура	2005	7	488
布宁创作中的庄园主题研究 Тема усадьбы в творчестве И. А. Бунина	Лю Шумэй	Хэйлунцзянский университет	Аспирантура	2012	5	663
布宁短篇小说的宗教意蕴 Религиозный смысл в рассказах И. А. Бунина	Чэн Цзин	Харбинский педагогический университет	Магистратура	2011	5	382
布宁创作中的东方思想元素 Факторы восточной темы в творчестве И. А. Бунина	Ян Хайтао	Хэйлунцзянский университет	Магистратура	2011	4	291
布宁小说中的普世性思想研究 Кафолическая идея в рассказах И. А. Бунина	Ву Чжун	Харбинский педагогический университет	Магистратура	2010	4	359

4. Итог

Мы можем по праву считать, что изучение произведений И. А. Бунина уже стало и будет оставаться оригинальным феноменом в научной деятельности китайских русистов и литературоведов. Изучение отличается особенным интересом к вечным темам, восточным, религиозному и философскому факторам, и в новое время, к экологической теме и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Минсы. Восприятие произведения И. А. Бунина в

Китае / Лю Минсы // Филология и образование: 80 лет развития русской словесности в Республике Саха (Якутия) материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Якутск, 9–10 нояб. 2015 г.) Якутск – Чебоксары 2016. – С. 161–164.

журнал

2. Фу Мэйянь. Перевод и изучение творчества И. А. Бунина в материковом Китае / Фу Мэйянь // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань. – 2018. – № 2 (45) – С. 25–30.

3. CiteSpace: visualizing patterns and trends in scientific literature. -- Режим доступа: <http://cluster.cis.drexel.edu/~cchen/citespace/> (Дата обращения: 09.05.2019).

Рис. 1

Слайдшоу: v. 9.9.94 (32-bit)
 Выпуск 12, 2019 9:44:36 AM MSK
 C:\Users\chaidun\Desktop\orgData
 Презентация: 8180, 2019 (Title: Longji=5)
 Resolutions: 1024 x 768 (96 dpi)
 Printing: MSK

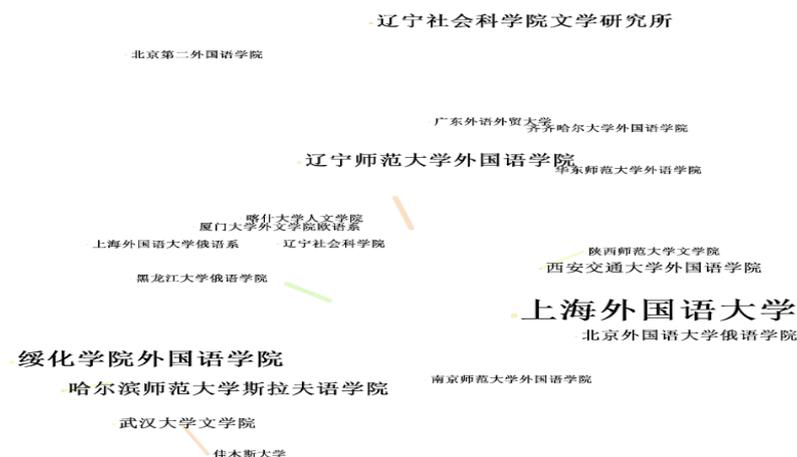

Рис. 2 (сеть организаций)

Слайдшоу: v. 9.9.94 (32-bit)
 Выпуск 12, 2019 9:44:36 AM MSK
 C:\Users\chaidun\Desktop\orgData
 Презентация: 8180, 2019 (Title: Longji=5)
 Resolutions: 1024 x 768 (96 dpi)
 Printing: MSK

Рис. 3 (сеть авторов)

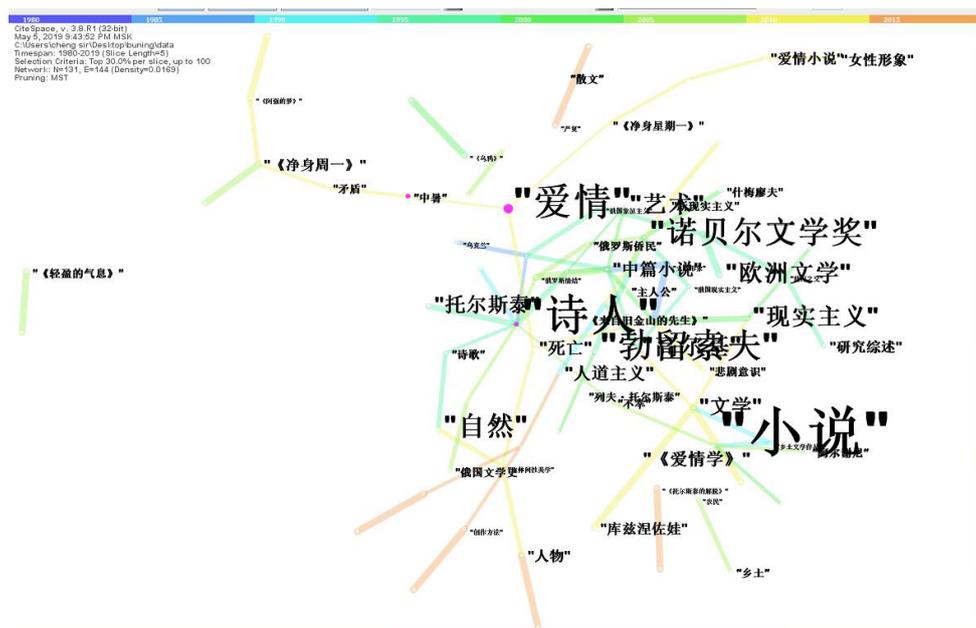

Рис. 4

指标分析

文献数	总参考数	总被引数	总下载数	篇均参考数	篇均被引数	篇均下载数	下载被引比
45	797	100	15441	17.71	2.22	343.13	154.41

总体趋势分析

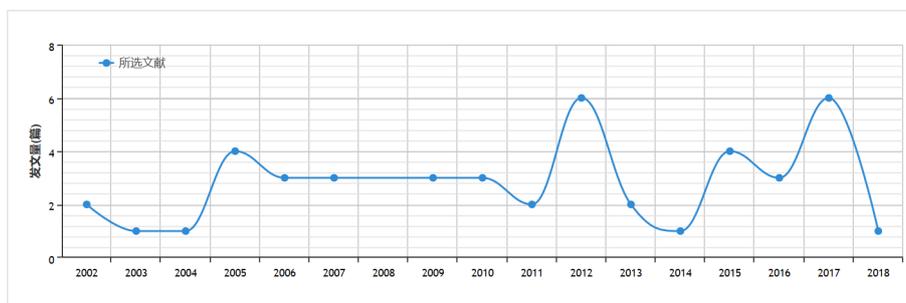

Рис. 5

Университет Санья, провинция Хайнань, Китай
 Чэн Хайдун, магистр, старший преподаватель кафе-
 дры русского языка
 E-mail: haidongcheng123@yandex.ru

University of Sanya, Hainan Province of China
 Haidong Cheng, Master, Senior Lecturer, Russian Language
 Department
 E-mail: haidongcheng123@yandex.ru Phone

ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ С. РЕГЕНЕРА «БЕРЛИНСКИЙ БЛЮЗ»

Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 октября 2019 г.

Аннотация: в настоящей статье исследуется интермедиальная структура повествования в романе С. Регенера «Берлинский блюз». Блюзовые элементы в тексте представлены наличием ведущей темы — темы меланхолии, а кроме того, особенной речевой структурой — множеством характерных словесных повторов во фразах и явно выраженной музыкальной ритмикой, сочетающей ведущую тему с запаздывающими или опережающими мини-темами.

Ключевые слова: С. Регенер, «Берлинский блюз», блюз, интермедиальность.

Abstract: this article explores the intermedial structure of the narrative in S. Regener's novel *The Berlin Blues*. The blues elements in the text are represented by the presence of a leading theme — the theme of melancholy, and in addition, by a special speech structure — by a number of characteristic verbal repetitions in phrases and pronounced musical rhythm, combining the leading theme with delayed or leading mini-themes.

Keywords: S. Regener, "Berlin Blues", blues, intermedia.

Проблема связи между различными видами искусства интересовала компаративистов с давних пор, ещё А. Н. Веселовский обращал внимание на слияние в ритуальном тексте слова и музыки, слова и жеста.

Большой интерес для исследователя представляют не только прямые отношения между литературой и иными видами искусства, которые проявляются в визуальной поэзии, в технике монтажа и коллажа в литературном произведении; в смешанных видах искусства (опера, фильм); в отражении мифа в тексте или картине; в двойной одаренности автора (Э. Т. А. Гофман как писатель и композитор, У. Блейк как поэт и художник). В конце XX в. интермедиальные исследования в литературоведении актуализировались благодаря появлению и развитию новой формы существования литературы, возникшей в Интернете, когда в произведении совмещаются, взаимно дополняя друг друга, текст, графический образ, звук, цвет, движение.

По мысли Н. П. Тишуниной, интермедиальность представляет один из видов интертекстуального структурирования художественного произведения, при котором само понятие «текста» становится более широким, отличаясь «от соответствующего лингвистического понятия» [5, 3]. К тому же, по мысли И. П. Ильина, термин «медиа» получил в конце XX века новое смысловое наполнение: «Под этим многозначным термином имеются в виду не только собственно лингвистические средства выражений мыслей и чувств, но и любые знаковые системы, в которых закодировано какое-либо сообщение — коммуникат» [2, 8].

В этом отношении уместно обратить внимание на роман С. Регенера «Господин Леман» (*Herr Lehmann, 2001*), в русском переводе получивший точное по духу название «Берлинский блюз». В романе речь идёт о жизни бармена из Западного Берлина Франка Лемана. Действие разворачивается в районе Кройцберг летом и осенью 1989 г., незадолго до падения Берлинской стены.

Сразу же обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, С. Регенер дебютировал не как прозаик, а как музыкант. В 1985 г. он основал музыкальную группу «Element of Crime». Хотя Регенер является автором практически всех песен группы, его дебютное произведение в области литературы вышло в свет лишь шестнадцать лет спустя после рождения группы. Во-вторых, само повествование очень напоминает музыкальное, волнообразное движение. Оно построено на смутно улавливаемых при чтении ритмических закономерностях, не сковывающих текст, но придающих ему особенное очарование. Вот, например, характерный отрывок из главы «Кофе и пирожное»: «Ее звали Биргит, она была примерно две недели его подругой, или как это лучше назвать, подумал господин Леман, по крайней мере он так полагал, несмотря на то что спустя эти две недели она заявила, что они никогда и не были по-настоящему вместе, что все это время она в гораздо большей степени была вместе со своим прежним другом, она это так назвала — «быть вместе», думал господин Леман, она все время говорила «быть вместе», тоже сомнительный вариант, если задуматься, думал господин Леман, с тем самым прежним другом, насчет которого она неделей раньше по собственной

инициативе клялась, что там, мол, ничего больше нет, что она теперь вместе с господином Леманом, чему господин Леман в принципе и не придавал большого значения, потому что, вспоминал он ту Биргит, выходя из метро на станции «Принценштрассе», потому что ему, тут нужно быть честным, было нужно только ее тело» [3].

Мы имеем перед собой, таким образом, особое взаимодействие в одном произведении разных художественных кодов, то есть музыки и изящной словесности.

Интонация словесного повествования Регенера, действительно, очень близка музыкальной блюзовой интонации. Франк Леман предстает перед читателем подавленным, беспокойным, находящимся в разладе с окружающим его миром. Это не случайно, ибо на пороге своего тридцатилетия персонаж не знает, что сказать о смысловом наполнении своей жизни. По верному замечанию Н. Бабинцевой, «Свен Регенер очень тонко и остроумно описал в своем романе страх человека перед неким рубежом, после которого от него ждут каких-то решительных действий и неожиданных шагов, а он к ним не то что даже не готов, а не видит в них никакого смысла» [1].

В репертуаре группы «Element of Crime» есть песня с названием «Что ты улыбаешься?» Некоторые строки в ней словно предвосхищают душевное состояние Франка Лемана из (будущего) романа:

...Ты в странном настроении с утра
Полжизни прошло,
Полжизни прошло...
...Что произошло?
Тебе так смешно
И тебе смешно? [4, 124]

В другой песне («Он ушёл») слова исходят уже от лица женщины:

Неужели что-то не так?
Никого — квартира пуста
А он ушёл

Она не знает, как жить с таким
Это просто ещё один
Кто взял и ушёл [4, 124].

Песни в стиле блюз, как правило, несложны, но при этом красочны. Их отличает определённая протяжность и эмоциональность текстов, возникающая из осознания постоянной противоречивости происходящего. Эта противоречивость проявляется в самых разных вещах, заметнее всего это в ритмике. С одной стороны, в музыкальном пространстве слышится ровный пульс, так называемый граундбит, с другой, присутствует постоянно отклоняющийся от него, опережающий или запаздывающий

микроритм, построенный на основе триольной пульсации. Если мы начнём всматриваться в движение сюжета романа Регенера, то заметим, что в нём присутствуют те же закономерности. Жизнь Франка Лемана представляет собой ровное течение рядовых, незначительных событий, персонаж наслаждается тем, что само приплывает ему в руки. Герой дружелюбен со всеми, у него нет никаких проблем в Западном Берлине — известном прибежище пацифистов и оригинальных творческих личностей. Ровный ритм его жизни лишь изредка нарушается мини-происшествиями, наподобие встречи с толстой собакой или угрозой приезда в гости родителей, живущих в Бремене.

Одной из наиболее распространённых форм организации блюзового текста является форма ААВ. Вначале даётся ситуация, в которой находится герой, затем через повторение ситуация нагнетается, после чего следует эмоциональное раскрытие происходящего, выплеск внутреннего. Например:

Когда сверху накроют
тучи тоски
Когда хочется в голос реветь
И кошмары близки
Когда вокруг нет друзей
У кого время есть
Чтобы слёзы тебе утереть
То я буду здесь –

(из композиции «Нельзя быть одной» группы «Element of Crime») [4, 123].

По такому же принципу развиваются события и в романе. И приезд родителей, и любовная связь с прекрасной поварихой Катрин, и сумасшествие Карла — лучшего друга Лемана происходят не сразу, а постепенно подготавливаются, чтобы затем разразиться фейерверком эмоций у персонажей.

Кроме того, следует отметить влияние музыкальных блюзовых форм на речевую структуру текста. По тексту романа рассыпаны словесные повторы, которые подобны повторам музыкальным. Это и «Катрин, прекрасная повариха из “Базара”», и «его лучший друг Карл», и др. [3].

Ведущая блюзовая тема — тема меланхолии — воспроизводится не только с помощью характерно окрашенной лексики, например: «Снаружи за столиками неподвижно сидели несколько человек. На улице тоже было очень тихо, в воздухе разлилась такая тяжесть и духота, что редкие прохожие брели мимо, словно водяные улитки. Еще один ужасный вечер, подумал господин Леман.

Так прокапал час...» [3].

«Меланхоличны» и мысли главного действующего лица, и размышления его самого и его друзей, например: «Когда позволяла работа, он поглядывал на дождь за окнами. Было такое впечатление, что

лето кончилось. Он ничего не имел против. Вообще-то он любил лето, это лучшее время года в Берлине, и он никогда не понимал, почему люди уезжают в отпуск именно в это время, но, с другой стороны, лето предъявляло своего рода требования, летом господин Лемана постоянно преследовало чувство, что хорошей погодой нужно как-то пользоваться, что нужно предпринять что-то с друзьями, организовать пикник, поехать за город, на озера, а это все были занятия, не особенно уважаемые господином Леманом, да и среди его друзей они тоже не очень высоко котиrowались, но то, что теоретически они были возможны, создавало у него ощущение, что он что-то теряет, неправильно использует хорошую погоду, прямо-таки транжирит время. В остальную часть года было проще. Когда на улице сыро и промозгло или, еще лучше, холод и слякоть, тогда можно весь день спокойно валяться с книгой в постели и ждать, пока снова стемнеет и придет пора отправляться на работу. Вообще-то это бред — думать таким образом, думал он теперь, глядя на дождь. Это та же чушь, что и содержание жизни, думал господин Леман, люди полагают, что нужно что-то получить от лета, а это все равно бесполезно, нужно просто радоваться лету и не мучиться при этом угрызениями совести, думал он. Ну вот оно и закончилось, думал он с легкой грустью...» [3].

Воронежский государственный университет

Чугунов Д. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: dr-chugunov@yandex.ru

Таким образом, становится несомненной интермедийная основа повествования в романе Регенера. Текст и музыка, сливаясь вместе, как нельзя лучше передают атмосферу того трудно выразимого, не сводимого к отдельным определениям, специфического затишья, которое предшествовало в Германии падению Берлинской стены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабинцева Н. Кухня с романтическими приправами / Н. Бабинцева // Время новостей онлайн. — 2006. — 27 февраля. — Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2006/33/10/146345.html> (дата обращения 12.04.2019).
2. Ильин И. П. Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях / И. П. Ильин. — М.: Интрада, 1988. — 28 с.
3. Регенер С. Берлинский блюз / С. Регенер // E-LIBRA: электронная библиотека. — Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/208856-berlinskiy-blyuz.html> (дата обращения).
4. Регенер Свен (Element of Crime). Постарайтесь быть мужчинами: стихи / Пер. М. Немцова // КонтрКультУр'а. — 1991. — № 3. — С. 122–124.
5. Тишунина Н. П. Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: Опыт интермедийного анализа / Н. П. Тишунина. — СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. — 159 с.

Voronezh State University

Chugunov D. A., Doctor of Philology, Professor, Department of the History and Typology of Russian and Foreign Literature
E-mail: dmtrchugunov@yandex.ru

ЛЕКСЕМА БЕРЕЗА И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В МИКРОТОПОНИМИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Чэнь Цзыди

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 июня 2019 г.

Аннотация: в статье рассмотрено слово береза в общерусской и региональной культуре и описаны названия микротопонимов, производных от слова береза в Воронежской области.

Ключевые слова: топоним, микротопоним, производные онимы, этимология, значение онима, региональная ономастика.

Abstract: the article considers the word birch in the all-Russian and regional culture and describes the names of microtoponyms derived from the word birch in the Voronezh region.

Keywords: toponym, microtoponym, derived onyms, etymology, significance of onym, regional onomastic.

Берёза – одно из наиболее почитаемых у славян деревьев, которое оценивается то как «счастливое» дерево, оберегающее от зла, то как вредоносное, как место обитания женских персонажей нечистой силы или душ умерших. В целом же она воспринималась как дерево, приносящее здоровье и благополучие.

Женская символика березы проявляется в ритуалах лечения детских болезней: для исцеления недугов девочек носили к березе, а мальчиков – к дубу (Полесье). В восточнославянских приговорах при сватовстве береза и дуб выступали символами невесты и жениха [1: 32]. Люди верили, что священное дерево способно наделять силой плодородия что угодно и кого угодно. Поэтому березовыми листьями и ветками благословляли на плодородность не только землю, но также домашних животных и самих людей (в частности, молодоженов).

В традиционной культуре береза символизирует женское начало, а конкретнее – юную женственность. Во многих поверьях, обрядах и обрядовых песнях, в фольклорных текстах она противопоставляется дубу как мужскому символу. Достаточно вспомнить творчество С. Есенина, как он сравнивает нежный стан березы – с девичьим, ветви – с косами, а крону – с сарафаном. В народе верят, что береза оберегает всех представительниц прекрасного пола.

Кроме того, береза в роли ритуального деревца была обязательным элементом троицкой обрядности (преимущественно у восточных славян): срубленными березками украшали дворы и ворота, улицы, окна и двери домов, часовни и церкви. У русских в четверг перед Троицей совершался обряд «завивания березки»: девушки шли в лес, выбирали там молодую березу и под пение обрядовых песен закручивали на дереве ветки в форме колец, связывая их своими

лентами, поясами или нитками; рядом с «завитой» березой водили хороводы, кумились, гадали о будущем замужестве, устраивали совместное угощение. В день Троицы вновь ходили к этому дереву, чтобы «развить», «распустить», «освободить» березу. Наряду с этим совершались обряды и со срубленной «троицкой березкой»: деревце украшали лентами, бусами, цветами, ходили с ним по селу, а затем выносили за его пределы и там сжигали или топили [1: 32].

Во многих традициях береза священна, она считалась деревом очищения и обновления, рождения новой жизни и весны, символом юной любви. В ней также присутствуют мощные силы защиты и исцеления. Плюс ко всему береза является покровительницей семьи и домашнего очага.

Этимологически береза была названа по цвету коры; слово первоначально могло значить «дерево со светлой, белеющей корой». Прил. **берёзовый, -ая, -ое**. Укр. **береза, березовий, -а, -е**; блр. **бяроза, бярозавы, -ая, -ае**; болг. **береза, березов, -а, -о**; с.-хорв. **брѣза, брѣзов, -а, -о** [2: 1–8 5].

Для Воронежской области, в названиях береза – очень характерное явление как для макротопонимии так и микротопонимии. В Воронежской области очень много сёл имеют название связано с березами (12 сёл), например:

Березки – село Павловского района, которое поселено у оврага Березовского (овраг так назывался по росшим там березам), отчего и получило такое наименование;

Березняги – село Петропавловского района. Название – от местного природного признака – березняков, березовых кустов;

Березовка – село Бутурлиновского района, на речке Толучеевке. По берегам речки тут и там зеленели березовые перелески, от чего село и получило такое название;

Березово – село Павловского района. Село расположено на правой стороне оврага Березова. От этого оврага и произошло название села;

Березовый – хут, Петр. Назван по пруду Березовый, названному по растущим по его берегам березам и т. д. [3: 31].

Более разнообразны номинации «берёзовых» названий в микропонимии. Материалом для данной статьи послужил Словарь микропонимии Воронежской области Г. Ф. Ковалева [4].

Весьма популярны названия типа *Березняг* – небольшая березовая роща или даже лесок:

БЕРЕЗНЯГ ВТОРОЙ (Биризня'х Вто'рый) – урочище у сл. Юрасовка Ольховатского р-на. Названо по *берёзовому лесу*.

БЕРЕЗНЯГ ПЕРВЫЙ (Биризня'х Пе'рвый) – урочище у сл. Юрасовка Ольховатского р-на. Названо по *берёзовому лесу*.

БЕРЕЗНЯГИ (Биризниги') – хутор у сл. Юрасовка Ольховатского р-на. Получил свое название по *берёзовому лесу*, близ которого возник. Хутор появился во времена П. А. Столыпина (начало XX в.). Земля принадлежала помещику Чулкову. Здесь жили крестьяне – переселенцы с Украины и с Хохол-Тростянка Острогожского уезда.

БЕРЕЗНЯГОВЫЙ (Биризняго'вый) – овраг, «поросший березами, дал название хутору Березняги Россосанского района» [Прохоров 1973, с. 32].

Русские названия – Березник, чаще Березняк:

БЕРЕЗНИК (Бире'зник) – часть с. Новая Усмань.

БЕРЕЗНЯК (Биризня'к) – мощные посадки берёзы на одном из крайних полей в с. Ступино Рамонского р-на.

БЕРЕЗНЯКИ (Березняки') – лес у с. Гремяче Хохольского р-на. Название указывает на характер растительности – преобладает *береза*.

Названия, производные от «берёза». Береста – кора берёзы (ср.: польск. brzost, чешск. břest) [5: 1–156].

БЕРЕСТОВА (Бырысто'ва) – источник рядом с прудом в с. Данцевка Богучарского р-на. *Бырыстова – с колодецем, там ставок*.

БЕРЕСТОВОЕ (Бырыстово'е) – урочище южнее с. Лебединка и близ с. Криница Богучарского плакорная ковыльная степь.

БЕРЕСТОВЫЙ ЯР (Бересто'вый яр) – овраг у с. Дерезовка Верхнемамонского р-на. Название указывает на характер растительности вблизи объекта – там растут *берёзы*, верхний светлый слой коры которых, *береста*, использовался в хозяйстве.

БЕРЕСТОЧКИ (Бырысто'чкы) – место в с. Архиповка Россосанского р-на. Название связано, видимо, с несколькими березами или даже с березовой рощицей. С ними связано слово *береста*, укр. *бересто'к*.

Отдельная берёза (ласково – берёзка) тоже дает названия вне зависимости от наличия самой берёзы:

БЕРЁЗКА (Бярёска) – бугор в с. Третьяки Бори-

соглебского р-на. Когда-то на этом бугре росла одинокая *берёза*. *Бярёска – там раньшы ба́рин жыл, нё бярэску карбв на ты'рла станбвиш у прудб*.

БЕРЕЗНЯГИ (Бирязниги') – сосновый лес у пос. Озёрный Новохопёрского р-на, по краю которого растут *берёзы*.

БЕРЁЗОВ – овраг, поросший березами. По оврагу названо село Берёзово Павловского р-на [Прохоров 1973, с. 33].

БЕРЁЗОВ ПОРЯДОК (Берёзов поря'док) – ул. в с. Верхняя Хава. Название указывает на характер растительности – растут *березы*. Но, может быть, в основе названия фамилия жителя *Берёзов*.

БЕРЁЗОВ ЯРОК (Берэ'зив Еро'к) – длинный овраг в с. Красносёловка Петропавловского р-на. В нем растут *берёзы*.

БЕРЁЗОВАЯ (Бирёзьвая) – ул. в г. Лиски. Улица начала застраиваться 1993 г. на месте бывшего соснового бора. Поэтому лискинский краевед В. А. Тихонов отметил: «Название присвоено, скорее всего, с надеждой, что в скором будущем улицу украсят красавицы-берёзы, высаженные её жителями» (Тихонов 2011, с. 18).

С берёзой же связаны названия самых различных объектов:

БЕРЁЗОВАЯ БАЛКА (Берёзовая Ба'лка) – овраг у с. Сухой Донец Богучарского р-на. Название указывает на характер растительности – преобладание *берёзы*.

БЕРЁЗОВАЯ РОЩА (Бирёзьвай'ь ро'щь) – купа берёз в с. Щербачевка Панинского р-на. Они растут возле части села *Коммуна*.

БЕРЁЗОВКА – маленькая речка. «Название... по росшим на ее берегах березам», по речке названо с. Берёзовка Семилукского р-на [Прохоров 1973, с. 32].

БЕРЁЗОВОЕ – озеро в с. Средний Самовец Эртильского р-на. Названо так потому, что у озера росло несколько берёз.

БЕРЁЗОВСКИЙ (Бирёзьфский) – овраг. «Овраг так называется по росшим там березам», по оврагу названо с. Березки Павловского р-на [Прохоров 1973, с. 31].

БЕРЁЗОВЫЙ (Бирёзьвый) – родник у с. Нижний Мамон Верхнемамонского р-на. Назван так потому, что у Степного пруда, где он находится, растут *берёзы*.

БЕРЁЗОВЫЙ КУСТ (Бирёзьвый куст) – часть леса у с. Багно Борисоглебского р-на. Здесь была *берёзовая роща* (по местной терминологии – *куст*).

ТРИ БЕРЁЗЫ – поляна в Хопёрском заповеднике [Марченко 2001, с.14]. ВРВ. Н.-Хоп.

У БЕРЁЗ (У Бярёс) – поле в с. Кутки Грибановского р-на. Поле проходит вдоль *берёзовых* посадок.

Таким образом, у русских берёза играла особую роль в жизни и она отражает картину мира жителей Воронежской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002.

2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 8-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007.

3. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля / В. А. Прохоров. – Воронеж: Центр.-Черноз. изд-во. – 367 с.

4. Ковалев Г. Ф. Словарь микропонимии Воронежской области. В 2-х т. / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Наука-Пресс, 2017.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1964.

*Воронежский государственный университет
Чэнь Цзыди, аспирант кафедры славянской филологии
филологического факультета
E-mail: zidichen@yandex.ru*

*Voronezh State University
Chen Zidi, Postgraduate Student of the department of Slavic
philology of the philological faculty
E-mail: zidichen@yandex.ru*

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И Г. И. ГАЗДАНОВА

Н. И. Шитакова

Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина

Поступила в редакцию 5 октября 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается реализация основных элементов философии «русская идея» в творческом наследии писателей разных поколений Русского Зарубежья: Александра Солженицына и Гайто Газданова. Исследуется осмысление художниками таких элементов «русской идеи», как обращение к историческому прошлому, патриархальность, семейственность русского народа, исследование роли России в мире и другие. В работе с одной стороны, указаны отличия мировоззрения и текстов авторов, принадлежащих к разным поколениям Русского Зарубежья, с другой, — подчеркивается близость изображения национального характера, осмысления роли русского народа в мировой истории, что позволяет сделать вывод о единстве русского литературного процесса в XX веке.
Ключевые слова: Русское Зарубежье, «русская идея», национальный характер, мессианство.

Abstract: the article discusses the implementation of the main elements of the philosophy “Russian idea” in the creative heritage of writers of different generations of Russian Abroad: Alexander Solzhenitsyn and Gaito Gazdanov. The Russian artists’ comprehension of such elements of the “russian idea” as an appeal to the historical past, Patriarchal, nepotism of the Russian people, the study of the role of Russia in the world and others are investigated. On Russian authors’ worldview and texts belonging to different generations of the russian diaspora are distinguished on the one hand. on the other hand, the author emphasizes the closeness of the image of the national character, the understanding of the role of the russian people in world history, which leads to the conclusion about the unity of the Russian literary process in the XX century.

Keywords: Russian Abroad, “russian idea”, national character, messianism.

В 2018 году весь мир праздновал столетие со дня рождения Александра Исаевича Солженицына, в том же году более узкий круг исследователей и читателей отмечал юбилей (115 лет со дня рождения) другого мигранта, писателя, до настоящего времени так и не получившего широкой известности, — Гайто Ивановича Газданова. Казалось бы невозможным размышлять даже не о сопоставлении, а о противопоставлении двух настолько не похожих художников слова, поскольку критериев для со- и противопоставления между ними, кажется, и нет.

Если творческое наследие Газданова и сейчас не вполне дошло до массового читателя, то Солженицын — фигура несравненно более масштабная: писатель, лауреат Нобелевской премии, чьи произведения во многом сформировали не одно поколение россиян. Судьба Газданова отражает жизнь всего «потерянного поколения»: непризнанность художественного наследия, эмиграция из России в юном возрасте, участие в гражданской войне, опыт работы шофером, мойщиком поездов и т.д. Солженицын — представитель эмиграции так называемой «третьей волны», людей, прошедших сталинские лагеря, Великую Отечественную войну, опыт жизни в СССР.

Стоит отметить, что ситуация эмиграции, являясь «пограничной», осмысливалась, с одной стороны, как величайшая трагедия, с другой, — как возможность возрождения русской и мировой культуры. Именно поэтому культуру Русского Зарубежья в целом отличает проблема национального самосознания, национальной идентичности, сохранения русской культуры, воплотившаяся за рубежом в «русской идее». Однако если для Солженицына обращение к исследованию национального характера всегда было одним из магистральных направлений его творчества (в своей ключевой работе «Как нам обустроить Россию: Посильные соображения» он писал о доминирующей идее своего творчества — идее «сбережения народа» как основе «русской идее в целом» [1, 114], то Газданова всегда больше интересовало поведение личности (вне зависимости от возраста, национальности, культуры) в экзистенциальной, пороговой, ситуации. Г. Газданов, В. Набоков, Б. Поплавский и др. сосредоточили свое внимание на индивидуальности человека вне страны, вне времени, вне социальной проблематики. Тем интереснее и показательнее интерес Газданова к специфике изображения национального характера в документальном романе «На французской земле».

Термин «русская идея» впервые появился в работах Ф. М. Достоевского, а затем получил широкое

распространение в трудах Е. Трубецкого, В. Розанова, В. Соловьева, Вяч. Иванова, С. Франка, Г. Федотова, И. Ильина, Н. Бердяева, Л. Карсавина и других в качестве «интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов и преображения человечества» [2].

Одним из основных идеологов формирования «русской идеи» за рубежом стал И. Ильин. В работах «Белая идея» и «О страдании и унижении русского народа» он следующим образом определил первоочередные задачи, стоящие перед мыслителями Русского Зарубежья: 1) сформировать новый русский национальный характер; 2) «преодолеть раба» русской души; 3) возвращение к истокам национальной культуры; 4) «принять и выговорить свою русскую Идею» [3, 21].

В своей книге «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» другой мыслитель Русского Зарубежья — Н. Бердяев — заявил о существовании собственных национальных, духовно-метафизических интересов России, о необходимости формирования соборности. Характерным качеством бердяевской русской идеи было осмысление русской истории в ее целостности.

Отметим, что в своих текстах Солженицын опирается на основы христианской культуры, особенной ему близка концепция И. Ильина [1]; художественное сознание Газданова во многом было сформировано под влиянием мировой и русской философии в целом и творчества Н. Бердяева и Вл. Соловьева в частности [4].

В 60–80-е гг. в социокультурном поле и эмиграции, и СССР понятие русской идеи вновь актуализируется. Во многом подобное обращение обусловлено влиянием прозы Солженицына. М. Назаров в эссе «Два кредо. Этика и эстетика у Солженицына и Бродского» отмечает: «Солженицын пробуждает духовные силы народа, его самосознание как цельного духовного организма, существующего более тысячелетия, у которого есть определенная цель. Цель эту многие русские умы пытались постигнуть религиозной интуицией — «русскую идею» [5, 188].

В целом можно отметить следующие, инвариантные, элементы «русской идеи»: 1) возвращение к истокам русской культуры, традиционность, патриархальность; 2) внимание к историческому прошлому страны; 3) подчеркнутый характер мессианской роли России в мире; 4) интерес к коллективной, соборной личности; 5) религиозный характер русской культуры.

Проследим реализацию вышеописанных элементов «русской идеи» в творческом наследии Солженицына и Газданова. Материалом для сравнения позиций писателей стали такие разные по жанровой специфике произведения Солженицына, как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»,

«Захар-Калита» и документальная проза Газданова «На французской земле».

В 1945 году Газданов на основе личного опыта во Французском Сопротивлении создает книгу, в центре которой — не просто описание деятельности советских военнопленных, ставших партизанами в оккупированной Франции, но вопросы, связанные с мессианской ролью России, с попыткой вскрыть закономерности исторического процесса. Свою задачу писатель сформулировал в произведении следующим образом: «Мы не знаем, какими законами определяется и направляется существование громадных человеческих масс, которые называются народами или государствами. Мы знаем только, что понятие о народе есть не арифметическая сумма людей, его составляющих, — и, стало быть, совокупность их индивидуальных достоинств, недостатков и особенностей, — а нечто, по природе своей, совершенное другое» [6, 656]. В романе Газданов пытается выяснить, что же делает отдельных людей народом, в чем специфика русского национального характера, в чем отличие русских от советских, эмигрантов от людей, живущих в СССР, и есть ли между ними что-то общее. Автором нивелируется различие героев СССР и Русского Зарубежья, подчеркивая, таким образом, единство русского национального характера. Писатель стремится определить содержательные рамки понятия «родина»: для него это не территория, не идеология, а черты национального самосознания: семейственность, стремление к религии, к дисциплине.

Если Солженицына, особенно в своих ранних произведениях, привлекала судьба маленького человека (Н. В. Ковтун отмечает: «Начиная с ранних текстов в фокусе авторского внимания оказывается не столько сама история, факты, хотя ею Солженицын интересуется неустанно, сколько отдельные судьбы людей, в эту историю вписанные» [1, 118]), то Газданова, напротив, интересует не столько трансформация конкретной человеческой судьбы под гнетом исторических событий, но ход истории как таковой и степень возможности влияния человека на исторический процесс, а персонажи выступают скорее как некие носители определенной идеи.

Порой, создавая того или иного персонажа в романе, Газданов уходит в излишнюю романтизированность, гротескность образов, что, впрочем, не умаляет авторского интереса к исследованию национального характера. Несмотря на вышеуказанные особенности построения архитектоники персонажей, Газданов исследует поведение не легендарных полководцев, а простых, обычных людей, попавших в экстремальную ситуацию: «... человек, одетый в полуарестантскую куртку, худой, как скелет, с темным небритым лицом...» [6, 597]; «... это был невысокий человек, с умышленно невыразительными глазами...» [6, 600]; «Капитан Васильев — небольшой человек с очень добродушным лицом, решительным выражением

глаз и взъерошенными волосами» [6, 633] — таково типичное описание героев Газданова в исследуемом романе.

Солженицын и Газданов к особенностям национального характера причисляли умышленную неприметность внешности, способность к мимикрии. «Было в нем еще нечто особенное, характерное, впрочем, не только для него, но для многих советских людей: быстрая приспособляемость к внешним условиям жизни, к внешним отличиям... Он нигде не мог научиться этому искусству, это был его природный дар» [6, 601]. Солженицын подчеркивает затрапезность одежды Захара, бытовую непритязательность Матрены. «На Смотрителе был расстегнутый пиджак — долгополый и охватистый, как бушлат, кой-где и подштопанный, а цвета того самого из присказки — серо-буро-малинового... Брюки офицерские диагональные третьего срока заправлены были в кирзовые сапоги, уже протертые на сгибах голенищ» [7, 557].

Созданные писателями галереи героев ничем не примечательны, однако в экстремальных, пороговых ситуациях они способны защитить не только себя, но и свое отечество. Вот это умение собраться, сконцентрироваться на важном в нужный момент оба художника также относили к важнейшим чертам национального характера. Внешне неприметные, ленивые, смешные — в нужный момент они становятся настоящими воинами, праведниками, на которых держится русская земля. «И в этих головах, в этих движениях трудно не увидеть какие-то отблески юности человечества и, пожалуй, близости к природе. Когда не нужно действовать, этот человек будет лежать с мертвой, непонятной неподвижностью; когда это будет необходимо, он же способен передвигаться с непостижимой быстротой» [6, 634]. Уже в своих ранних произведениях Солженицын создает образ «сокровенного героя, на чьих плечах и стоит Русь: крестьянский праведник (образ Матрены), каторжанин (судьба Ивана Денисовича Шухова) и святой воин, воплотивший сам дух родной земли (образ Захара-Калиты)» [1, 116]. В персонаже Солженицына Захаре-Калите воплощен русский воин, богатырь, как и в героях Газданова. Если Солженицын в изображении Захара движется от иронии к пафосу описания героя, вскрывая, таким образом, истинный облик воина, богатыря, то Газданов с самого начала восхищается своими персонажами.

Газданов и Солженицын акцентируют внимание читателей на таких чертах русского человека, как стремление к аккуратности, чистоте, бережное отношение к еде, своему оружию или орудию труда (зачастую как к святыне), отражающую чистоту духовную, нравственную. Авторами подчеркиваются способность русского человека, оказавшегося в экзистенциальной ситуации, проявить свои лучшие черты: скорость мысли и действия, быстроту реакции, точность движения, как в работе, так и на во-

йне. «По точности и быстроте его движений было легко заметить, что вся его мускульная система представляла из себя идеально послушную машину» [6, 600]. «Тут учитель кончил писать и отдал Книгу Отзывов. Думали мы — Захар Дмитриевич под мышку ее возьмет или в мешок сунет, — нет, не угадали. Он отвел полу своего запашного пиджака, и там, с исподу, у него оказался пришит из мешочной же ткани карман не карман, торба не торба, а вернее всего калита, размером как раз с Книгу Отзывов, так что она входила туда плотненько. И еще при той же калите было стремечко для тупого чернильного карандаша, который он тоже давал посетителям» [7, 558].

Безусловно, персонажи Солженицына — сложнее, многограннее зачастую слишком романтизированных, лубочных образов Газданова. В них синтезированы антиномические, противоречивые черты самого национального характера. Так, образ Матрены моделируется, с одной стороны, в соответствии с агиографическим каноном праведницы (на что указывает и авторская номинация произведения, и описание пространства деревни, центром которого становится избранное место — ее дом, что соотносится с чертами апокрифической картины рая, и отношение Матрены к животным, вполне логично вписывающееся в жанр жития, и раны на теле — стигматы), с другой, — в нем воплощена покорность, терпимость, ограниченность, «забитость» русского человека — то, что, по мнению Солженицына, во многом привело к сносу дома (разрушению универсума) и смерти Матрены, а в ее лице — вырождению патриархальной, «кондовой» России.

Изображение подобного дихотомизма, антиномизма русского национального характера, корнями уходящее в творчество Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, подчеркивается и Солженицыным, и Газдановым.

Художники представляют русский народный характер как единый организм, существование которого обусловлено биологическими и зачастую мистическими предпосылками. Подобную точку зрения мы встречаем у одного из главных идеологов философы «русская идея» — Вл. Соловьева. Он писал: «Если народ не прилагает усилий познать этот Замысел и не следует ему... — народ увядает, не выполнив своего призвания, как растение, не выпустившее генетически заложенного в нем цветка» [3, 38]. Вслед за Ильиным, Бердяевым и Соловьевым писатели видели выход из культурного кризиса в духовном и нравственном обновлении общества.

При подобном подходе для обоих авторов важным является представление о нации как единой семье, и одной из важнейших национальных характеристик в этом ракурсе становится патриархальность, семейственность. И для Шухова, и для героев Газданова отряд, бригада — это патриархальная, четко организованная семья, где доминирует стро-

жайшая дисциплина, бригадир или командир выступает в роли отца, чьи приказы беспрекословно выполняются. «...советский строй... чем-то напоминал семейно-патриархальную систему, стремление к которой так характерно для русской истории вообще... Надо полагать, что это не результат какой-то временной политической целесообразности, что это нечто более постоянное и соответствующее тому очень условному понятию, которое называется национальным духом или особенностью русского народа вообще» [6, 645–646]. «Бригадир в лагере — это все: хороший бригадир жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит» [7, 380]; «Не шумит бригада. У кого есть — покуривают втихомолку. Сгрудились во теми — и на огонь смотрят. Как семья большая. Она и есть семья, бригада» [7, 398].

Одним из доминирующих факторов формирования национальной самоидентичности для писателей стало историческое прошлое. Именно поэтому авторам было важно при изображении национального характера обратиться к истории России и осмыслению истории в литературе.

Близость творческого метода Солженицына и Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова впервые отметили Г. Адамович, В. Ризер, Г. Газданов, Н. Струве [8, 116], истоки историософской концепции Газданова лежат в творчестве его любимого писателя — Льва Толстого [9]. Как и Толстой, Газданов считал, что исход великих событий зависит не от одной личности, а от народной стихийной силы. Эта мысль была близка и Солженицыну.

Газданов подчеркивает стихийность движения русских людей, которая носит отнюдь не хаотический характер, а отличается организованностью, рациональностью, свойственную, по мнению автора, самой природе русского национального характера: «...все это, в сущности, было направлено к тому чтобы стихийное движение советских людей канализировать именно так, как это было нужно и рационально. Если бы у пленных не было этого неукротимого желания борьбы и свободы, которое заставляло их с упрямым героизмом выносить все лишения, выживать там, где бы другие умерли, побеждать там, где другие были бы побеждены...» [6, 599].

Газданов стремился продемонстрировать единство национального характера, подчеркнуть черты, которые помогли победить не только фашизм, но и на протяжении столетий отстаивать свою землю, уничтожать врагов. Реализации подобной задачи способствует как увеличение рамок пространственных (за счет введения в художественное пространство романа разнообразных, и европейских, и советских, топонимов), так и хронологических (что осуществляется обращением автора к разным периодам русской истории и, зачастую, синтеза разных хронологических уровней в одном предложении или абзаце).

Чаще всего Газданов проводит параллели между второй мировой войной и Отечественной войной 1812 года. Это обусловлено несколькими причинами: как историческим сходством (борьба не только на официальном фронте, но и активная партизанская деятельность, стихийность и самоорганизация возникающих партизанских отрядов, единство людей в желании мести, планы Бонопарта и Гитлера, и, наконец, война не только на территории Российской империи или СССР, но и успехи русского войска за границей), так и возможностью обращения к любимому Газдановым творчеству Толстого. Газданов размышляет над ходом истории, стремится проанализировать предшествующий ход событий. Этим же интересом при создании своих произведений (особенно в поздний период своего творчества) руководствовался и Солженицын.

Таким образом, художники акцентируют внимание на естественности действий русского человека в экстремальных ситуациях, обуславливая национальное самосознание несколькими факторами: климатическими, географическими, религиозными. Будучи атеистом, Газданов не мог не отметить религиозность характера русского человека — отсюда, — библейские мотивы и аллюзии в его творчестве, введение христианских мотивов в поздних рассказах; эволюция взглядов художника на значение религии в жизни человека. Солженицын же прямо связывал будущее России с возрождением христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учебник / Н. В. Ковтун. — М.: ФЛИНТА, Наука, 2017. — 600 с.
2. Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. Русская идея // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f088e5aa0b5a32b1bfd>
3. Антоненко Н. В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография / Н. В. Антоненко. — Мичуринск: Изд-во Мичуринского госагроуниверситета, 2011. — 307 с.
4. Матвеева Ю. В. «Превращение в любимое»: Художественное мышление Гайто Газданова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–99 с.
5. Назаров М. Два кредо. Этика и эстетика у Солженицына и Бродского / М. Назаров // Вестник Русского христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — Москва. — № 154. — С. 175–192.
6. Газданов Г. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Роман. Рассказы. Документальная проза / Гайто Газданов; под общ. ред. Т. Н. Красавченко; состав., подгот. текста, Л. Диевеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. — М.: Эллис Лак, 2009. — 736 с.
7. Солженицын А. Не стоит село без праведника: Повести и рассказы / А. Солженицын. — М.: Кн. палата, 1990. — 574 с.

8. Адамович А. Г. О романе «Раковый корпус» А. Солженицына / А. Г. Адамович, Г. И. Газданов, Н. А. Струве // Вестник Русского христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — Москва. — № 154. — С. 113–128.

*Орловский государственный аграрный университет
им. Н. В. Парахина*

*Шитакова Н. И., кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и русского языков,
педагогика и психологии*

E-mail: tasha_shitakova@mail.ru

9. Шитакова Н. И. Лев Толстой и Гайто Газданов: творческие связи / Н. И. Шитакова Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — №4 (77). — С. 156–158.

*Orel State Agrarian University named after N. Parahin
Shitikova N. I. Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of foreign and Russian languages, pedagogy and
psychology*

E-mail: tasha_shitakova@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В 1920-Е ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И АУДИТОРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

К. А. Алексеев

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые факторы, определявшие функционирование центральных физкультурно-спортивных изданий СССР в 1920-е гг. Показывается, как разные способы решения этой задачи становились причинами изменений в содержательной и организационной структуре изданий.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, спортивные издания, Высший совет физической культуры (ВСФК).

Abstract: the article presents key factors that determine functioning of USSR central sports and physical culture publications in 1920s. The article shows how different problem solving techniques became the reasons for changes into informative and executive structure of publications.

Keywords: physical culture, sports, sports media, Supreme Council of Physical Culture (SCPC).

В 1920-е гг. в СССР впервые в истории был принят опыт создания государственной системы массового, социально ориентированного спортивного движения, направленного на решение крупномасштабных политических задач, и возникла система специализированной периодики, которая обеспечивала агитационную, пропагандистскую и организационную поддержку этого процесса. Этим обусловлен интерес ученых к данной теме. Например, в исследовании Е. А. Нурдыгина и его коллег [1] представлен очерк истории спортивных журналов в СССР, однако в данных о конкретных изданиях 1920–1930-х гг. встречается немало фактических ошибок даже относительно дат их выхода в свет. В работе Ю. А. Сазоновой [2] рассмотрены периодизация, типология и обстоятельства развития спортивной периодики, выходящей исключительно на территории УССР. А. В. Хорошеву как историка советского физкультурного движения [3] в первую очередь интересовали проблематика спортивной прессы и разворачивавшаяся на ее страницах полемика о путях развития физкультуры в СССР. В. В. Тулупов подробно разобрал содержательно-тематические и структурные характеристики газеты «Красный спорт» за 1925 г. Однако, к сожалению, обобщающий вывод о том, что «“Красный спорт” <...> усилиями редакционного коллектива старался лавировать между распоряжениями партийных функционеров и желаниями аудитории, число которой неумолимо росло» [4, 235], спорен. Основу редакционного коллектива газеты составляли сотрудники Высшего совета физической культуры

(ВСФК), то есть те же люди, что проводили в жизнь политику партии в области физкультуры. Что касается роста аудитории, то цифры свидетельствуют скорее об обратном (рис. 1).

Цель, поставленная в данной работе, — проследить процесс формирования первых центральных изданий, посвященных физкультуре и спорту, и проанализировать значимость факторов, которые влияли на их содержательную и организационную структуру, трансформацию ключевых типологических признаков. К числу таких факторов в 1920-е гг. можно отнести: смену руководящих организаций, выступавших издателями физкультурно-спортивной печати; кадровые перестановки и конфликты внутри этих организаций; изменения задач советской физкультуры, зависящие от поворотов идеологии и обстоятельств внутренней и внешней политики СССР; экономические условия, в которых во время НЭПа жила страна и существовал издательский рынок периодики. Обращение к опыту центральных изданий представляется наиболее продуктивным в научном плане, поскольку именно они стояли во главе физкультурно-спортивного движения, на них была возложена наибольшая агитационно-пропагандистская и организационная нагрузка, и они вынуждены были решать сложную двуединую задачу: быть популярными у широкой аудитории и при этом успешно воздействовать на массы в нужном ключе.

Один из наиболее заметных деятелей советской физкультурной печати 1920-х гг. М. Шимкевич в конце 1927 г. выделил следующие этапы в ее развитии: «1) ведомственная литература Всеобуча (1918–21), 2) издания на хозрасчете с расширением задач

за пределы Всевобуча и Военведа (1922–24), 3) литература ВСФК (1924–27), 4) предстоящий период деятельности нового акционерного общества «Физкультура и спорт»» [5]. В рамках третьего этапа Шимкевич выделял еще три периода (о них речь пойдет ниже) и заключал: «Простой суммарный перечень всех этих этапов, переходов, реорганизаций уже достаточно характеризует длительное организационное неблагополучие физкультурно-спортивной издательской деятельности» [5].

Первый этап был связан с деятельностью Главного управления Всевобуча, возглавляемого Н. Подвойским. Для улучшения допризывной подготовки будущих красноармейцев во Всевобуче активно использовалась физическая культура: создавались кружки физкультуры, подготавливались инструктора, начала выпускаться методическая литература, однако о системной деятельности по изданию периодики речи не было. Ситуация изменилась в 1921 г., когда в связи с поворотом к НЭПу, началом мирного строительства и сокращением круга полномочий военных ведомств все большую силу стал набирать ВСФК, бывший на тот момент совещательным органом при Всевобуче. В 1921 г. заместителем Подвойского был назначен К. Мехоношин, способствовавший активизации работы ВСФК, в том числе созданию собственного редакционно-издательского аппарата (его трудно было назвать издательством в полном смысле слова, хотя в документах Всевобуча встречается именно это определение, а Шимкевича, возглавившего эту структуру, называли заведующим издательством). Он приступил к выпуску двух журналов: в мае 1922 г. появилась «Физическая культура», в июле добавились «Известия спорта». «Физическая культура» была ежемесячным журналом научно-популярного характера, содержащим руководящие, научные и методические статьи, рассчитанные на инструкторов, врачей и организаторов физкультуры. Выходившие раз в две недели «Известия спорта» ориентировались на более широкие массы простых физкультурников, давая им хронику спорта и сжатый инструктивно-технический материал. Успешному развитию изданий, поставленных перед требованием выхода на самоокупаемость ввиду отсутствия у Всевобуча необходимых средств и собственной типографской базы, препятствовали колебания издательского рынка при крайне нестабильном курсе рубля. Тем не менее тираж обоих журналов к 1923 г. удалось поднять до 15 тысяч экземпляров.

В 1923 г. Главное управление Всевобуча было преобразовано в Центральное управление военной подготовки трудящихся (ЦУВПТ) при Главном штабе РККА, и во главе был поставлен К. Мехоношин, который одновременно стал заместителем председателя ВСФК, выделенного в самостоятельный межведомственный орган при ВЦИК. Пост председателя занял нарком здравоохранения Н. Семашко. Взятый

новым руководством курс на централизацию управления физической культурой привел к возникновению в конце 1923 г. более мощного издательства (в документах оно называлось издательство ВСФК, или «Физкультиздат»), возглавить которое был приглашен спортивный журналист и редактор с дореволюционным стажем Б. Чесноков, представивший в ВСФК проект нового издания «Известия физической культуры» (далее — «ИФК»). При этом с ликвидацией Всевобуча перестали существовать оба его журнала, однако при ЦУВПТ в качестве продолжения «Известий спорта» с января 1924 г. начал выходить еженедельник «Красный спорт» под общей редакцией М. Шимкевича (он же заведовал одноименным издательством), К. Мехоношина и Б. Кальпуса, еще одного представителя военного ведомства в ВСФК.

Несмотря на то, что редакция «Красного спорта» обязалась «неуклонно проводить основную руководящую идейную линию Высшего совета физической культуры» [6], существование параллельного и конкурирующего с «ИФК» журнала было признано в ВСФК нецелесообразным. Мехоношину не удалось отстоять «Красный спорт» на заседании пленума ВСФК, который проголосовал «против издания ведомствами без разрешения ВСФК специальных периодических журналов по физкультуре и спорту рядом с изданием журнала ВСФК» [7]. М. Шимкевич оценивал это решение как «стремление тогдашних руководителей ВСФК к монополии на издательском рынке, в результате чего было ликвидировано здоровое предприятие» [5]. Журнал «Красный спорт» был слит с «Физкультиздатом» и, сохранив название, продолжив нумерацию, но поменяв состав редакции, преобразован в первую в СССР спортивную газету, поскольку, как тогда отмечалось, «продолжать издание двух журналов, из коих ни один не был рассчитан на читателя-рядовика, было нецелесообразным» [8].

Два новых издания ВСФК поделили функции примерно так же, как и их предшественники, поскольку сохранился подход к делению аудитории на две группы. Вот как представлял их К. Мехоношин: «Первая — это рабочая молодежь <...> и основная толща непосредственно занимающихся физическими упражнениями. Задачи по отношению к этой группе заключаются в том, чтобы <...> вовлечь в физическую культуру еще не соприкоснувшихся с ней, а затем дать исчерпывающий материал для активных членов физкультурных кружков. Вторая группа — организаторы и руководители физкультуры: организатор, руководитель кружка на фабрике, заводе, школе или в клубе, учитель, клубный работник, командир Красной армии и врач» [9]. На первую группу читателей была нацелена газета «Красный спорт», которая должна была стать массовой и популярной, для второй предназначалось более серьезное издание, журнал «ИФК». Однако в первый год существования оба издания в значительной степени

дублировали друг друга: и там, и там обсуждались вопросы научного и идеологического порядка, при сутствовали как статьи, так и хроника спортивной жизни, и даже названия основных отделов звучали одинаково: «В профсоюзах и РКСМ», «По учебным заведениям», «По советам физкультуры», «В Красной армии и Флоте» и т.д.

К концу 1924 г. стало очевидно, что модель обоих изданий требует корректировки. Как отмечал председатель ВСФК и ответственный редактор «ИФК» Н. Семашко, «наше физкультурное движение уже проходит первую ступень своего развития <...> За этот год вместе с ростом ф.к. вырос и читатель журнала, и теперь вместе с ним мы переходим на вторую ступень. Основной задачей журнала становится не только агитация и пропаганда ф.к. и руководство массовым движением, но и углубление работы, уточнение методов, разработка программных вопросов и научно-популярное освещение теории ф.к., а также, возможно, более полное техническое руководство» [10]. В конце 1924 г. на отдельном заседании ВСФК, посвященном обсуждению программ изданий на 1925 г., было постановлено: «Журнал “Известия физической культуры” <...> должен стать в полной мере руководящим органом по всем вопросам ф.к. В связи с этим решением спортивная хроника переносится в газету “Красный спорт”, которая должна быть живым и ярким отражением работы низовых кружков ф.к. и спортивной жизни. В журнале же спортивная жизнь будет освещаться в виде итоговых сравнительных обзоров» [11].

Последовавшие трансформации внутренней структуры и содержания «ИФК» наглядно представлены на диаграмме (рис. 2).

Изменения также были вызваны расширением деятельности издательства ВСФК и увеличением числа выпускаемых им периодических изданий в 1925 г. Помимо «ИФК», «руководящего двухнедельного журнала по организационным, научным, программно-методическим и техническим вопросам» и «Красного спорта», «еженедельной спортивной газеты», читателям также предлагались два приложения к журналу: «Сборник научных трудов и статей по вопросам физической культуры» «Теория и практика физической культуры» с периодичностью шесть раз в год; двухмесячный журнал «Пролетарский спорт», посвященный целиком международному рабочему спортивному движению и деятельности Красного спортивного интернационала (КСИ).

Кроме того, с августа 1924 г. начал выходить шахматно-шашечный двухнедельный журнал «64», выросший из шахматного отдела «ИФК».

1925 г. можно считать самым успешным и амбициозным в истории издательства ВСФК, организовавшего к тому же выпуск книг серии «Библиотека физкультуры» и активно развернувшего деятельность своего торгового сектора. Сама необходимость

интенсивного развития диктовалась существованием на основе самокупаемости в условиях НЭПа: все издательские проекты должны были приносить прибыль. Таким образом, вопрос выживания упирался в проблему распространения и увеличения тиража. ВСФК не имел финансовых ресурсов для помощи, зато неоднократно в циркулярах требовал «изжить наблюдающееся отсутствие наших периодических органов во многих советах и кружках физкультуры» [12] и даже устанавливал минимальные нормы подписки: «Для каждого кружка — “Известия Ф. К.” — 1 годовой экземпляр, “Красный спорт” — 1 годовой экземпляр; для уездных советов — тоже; для губсоветов — 2 годовых экземпляра “Известий Ф. К.” и 3 — “Кр. спорта”» [13]. Судя по тому, что призывы редакции к читателям «Организуйте подписку!» со временем становились только чаще и настойчивее, нормы не выполнялись. Поэтому важным направлением в деятельности Б. Чеснокова как заведующего издательством было формирование на договорной основе штата агентов-распространителей, которые должны были организовывать розничную продажу, привлекать подписчиков и рекламодателей.

Чесноков управлял организационной стороной: «Борис Михайлович руководит всей издательской работой, всеми коммерческими операциями и, как только может, защищает финансовую сторону издательства. Его лозунг: “Поменьше денег. Поменьше расходов”» [14]. За содержательным наполнением изданий в качестве ответственных редакторов следили руководители ВСФК: председатель Н. Семашко (ответред «ИФК», «Пролетарского спорта» и «Теории и практики физической культуры»), его заместитель К. Мехоношин и секретарь ВСФК А. Иттин (по очереди были ответредами «Красного спорта»), председатель шахматной секции ВСФК Н. Крыленко (ответред журнала «64»). Они готовили передовые статьи, носившие идеологический и руководящий характер, просматривали остальные материалы, определяли планы на ближайшие выпуски. Всю ежедневную практическую работу осуществляли сотрудники редакции, которая была общей для всех изданий. Заведующие редакцией Б. Ивановский и Я. Шестоперов (еще один сотрудник с дореволюционным опытом), секретарь редакции, журнала и газеты А. Антонов, руководитель отдела спорта П. Ратов — эта группа людей была настоящим мотором, обеспечивавшим выход официальных органов ВСФК.

Вокруг этого ядра формировался круг авторов, который отличался в зависимости от характера конкретного издания. В «Теории и практике физической культуры» публиковались статьи сотрудников физкультурных вузов, врачей, педагогов, иных специалистов, занимавшихся разработкой научных основ советской физкультуры. Для «Пролетарского спорта» писали деятели КСИ во главе с его секретарем, отвечавшим за агитпропработу, немецким «спартаковцем»

Ф. Рейснером. Журнал «ИФК» имел наибольший штат постоянных авторов и корреспондентов, привлекая широкий контингент сотрудников ВСФК и иных организаций, ответственных за физическую культуру.

Сложнее всего было «Красному спорту», от которого требовалось быть массовым изданием низовых коллективов: «Газета “Красный спорт” — это газета рабочих, крестьянских, школьных и красноармейских кружков физической культуры, и их работу она должна обслуживать. Чтобы стать именно такой газетой, постоянно чувствующей пульс кружковой жизни, она должна быть связана неразрывными нитями с низовой работой» [15]. В соответствии с общей практикой советской печати такими нитями для любого издания служили рабселькоры. Еще М. Шимкевич, начиная в 1924 г. издание журнала «Красный спорт», активно привлекал рабкоров и военкоров, призывал их присылать материалы, фотографии и рисунки, помогал практическими рекомендациями и советами [16]. В начале 1925 г. уже газета «Красный спорт» объявила кампанию «Создадим физкору»: «“Красный спорт”, единственная спортгазета в СССР, должен отражать всю жизнь своих читателей-физкультурников. Как это можно сделать? Только через самих физкультурников. Каждый физкультурник должен быть не только подписчиком, но и корреспондентом своей газеты» [17].

В газете был создан специальный отдел по работе с физкорами, возглавил его и всю работу в этом направлении секретарь редакции А. Антонов. Он вел активную переписку с физкорами, на страницах газеты инструктировал о том, как и о чем надо писать (позже эти инструкции вышли в виде отдельной книжки [18]), отстаивал их право на независимые суждения в полемике с представителями местных советов. Редакция организовывала собрания физкоров, регулярно предлагала им различные анкеты — как для изучения аудитории, так и с целью узнать мнение читателей о газете, улучшить ее. Десятки заметок и корреспонденций от физкоров составляли основу содержания отделов «По СССР», «По учебным заведениям», «По кружкам и ячейкам», но их публикации могли появляться и на первой полосе, где печатались наиболее важные материалы. А. Антонов свидетельствовал в середине 1925 г.: «Призыв “Красного спорта” нашел горячий отклик среди физкультурников <...> И скоро редакция уже получала не пять и не десять писем, а 25–30 и даже полсотни в день <...> Если к своему первому номеру “Красный спорт” насчитывал 10–20 постоянных корреспондентов, то сейчас он имеет около 500 физкоров во всех уголках необъятного СССР» [8].

В 1925 г. тиражи изданий были уменьшены: у «Красного спорта» осталось 16 тыс. экз., у «ИФК» — 10, а в некоторых номерах даже 7,5 тыс. С началом 1926 г. «Физкультиздат» не только закрыл убыточное и непопулярное приложение «Пролетарский спорт», но и по-

шел на рискованный шаг: резко снизил цену на остальные издания, надеясь таким образом увеличить тираж. Годовая подписка на «Красный спорт» стала стоить 2 рубля вместо 7 (розничная цена упала с 15 копеек до 5), а на «ИФК» — 5 рублей вместо 15. К тому же подписчикам был обещан розыгрыш ценных премий: велосипедов, винтовок, спортивных костюмов, лыж, коньков, книг. Но ни этот распространенный в дореволюционной практике способ заманивания читателей, ни постоянные призывы к физкультурникам спасти издания, действия не возымели. В 1926 г. тираж газеты колебался в районе 12–15 тыс. экз., у журнала застыл на отметке в 10 тысяч. Издательство ВСФК несло убытки, и в итоге было ликвидировано летом 1926 г. практически одновременно со сменой руководства ВСФК. Новым председателем вместо Н. Семашко стал его заместитель В. Михайлов, руководитель МГСПС.

При новом руководстве не только сменился состав редакции изданий, но и сам их выпуск был передан по договору в стороннюю организацию, издательство «Рабочая Москва». Опыт оказался крайне неудачным и привел к сокращению объемов (у «Красного спорта» осталось 4 полосы вместо 6–8), серьезным перебоям с выпуском номеров, дальнейшему падению тиражей, разрыву сотрудничества со многими корреспондентами, которым перестали платить гонорары, и наполнению изданий случайным материалом. На рис. 2 видно, как у «ИФК» вырос объем отдела «За рубежом», который заполнили переводы из западных спортивных журналов, увеличилось число разрозненных публикаций, несводимых к определенным отделам, появилась беллетристика. В новом 1927 г. издания ВСФК были переданы в более солидное издательство «Военный вестник» и спасти ситуацию в качестве заместителя ответственного секретаря был призван опытный М. Шимкевич. Ему удалось наладить работу редакционного аппарата и аккуратно выполнять обязательства перед подписчиками в плане выхода изданий, однако изменить твердо установленные соглашения с издательством тираж, объем, формат, периодичность, характер изданий, порядок выпуска и т.д. было невозможно. Как пояснял сам Шимкевич: «Технические условия ВСФК с “Военным Вестником”, естественно подходившим весьма осторожно к засоренному делу, были таковы, что задачи, поставленные “Красному спорту” и “Известиям физической культуры”, должны были остаться без изменений» [5].

В итоге ВСФК вернулся к прежней идее создания собственного издательства с целью коренной качественной реорганизации своей печати. В середине 1927 г. было принято решение об организации по проекту Шимкевича акционерного общества «Физкультура и спорт», заранее начавшего кампанию по подписке на одноименный еженедельный журнал вместо ликвидируемых «ИФК» и «Красного спорта»: «Ничтожные, по сравнению с размахом нашего

физкультурного движения, тиражи газеты и журнала <...> заставили ВСФК встать на путь создания одного массового научно-популярного и технико-методического журнала <...> который до известной степени обслуживал бы и инструктора-методиста, и организатора, и кружковца-активиста, и рядового начинающего физкультурника и одновременно представлял бы интерес и для широкого читателя, агитируя и пропагандируя в массах трудящихся идеи физической культуры» [20]. Создание журнала столь универсального типа послужило началом нового этапа в развитии центральной физкультурно-спортивной прессы, когда она стала действительно массовой и всесоюзной.

К. Мехоношин, подчеркивая значение, которое ВСФК придавал организации выпуска центральных периодических изданий, писал: «Этот вопрос едва ли не один из важнейших в нашей работе в настоящее время. Журналы — лучший способ руководства работой, связи центра и периферии и непосредственного общения всех работников» [9]. Важная роль изданий была основной причиной их постоянных трансформаций: шел поиск наиболее эффективной модели, позволявшей сочетать самую широкую агитацию и пропаганду идей государственно ориентированной физкультуры с удовлетворением запросов массы спортсменов и физкультурников, которые искали в журналах не только идеи, но и актуальную хронику, практические советы, развлечение. Как сетовал М. Шимкевич: «Проводить классовую политику и оставаться живым спортивным журналом — задача нелегкая» [21].

Сложность задачи дополнительно усугублялась рядом факторов: постоянными изменениями в работе и структуре руководящих организаций и конфликтами внутри них; конкуренцией со стороны других изданий: в частности журналов «Спартак» (органа ленинградского ГСФК) и «Вестник физической культуры» (выходившего в Харькове органа ВСФК УССР), которые имели тиражи и распространение вполне сопоставимые с центральными органами; необходимостью выживать в условиях самокупаемости при невозможности финансовой поддержки от ВСФК, экономических преобразований, неразвитости рекламного рынка и низкой покупательной способности аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нурдыгин Е. А. Спортивная политика в СССР: из истории спортивных журналов / Е. А. Нурдыгин, Л. А. Ко-

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Алексеев К. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики

E-mail: cheslav83@gmail.com

ролева, А. В. Киналь // Политика, государство и право. — 2014. — № 11 (35). — С. 92–97.

2. Сазонова Ю. А. Спортивная пресса УССР 1920–1930-х гг.: типология, периодизация, особенности развития, историко-функциональный аспект / Ю. А. Сазонова // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2014. — № 3. — С. 119–134.

3. Хорошева А. В. Советская спортивная периодика (1917–1929) / А. В. Хорошева // История отечественных СМИ. — 2014. — Т. 1. — № 1. — С. 156–167.

4. Тулупов В. В. «Красный спорт» как прообраз массового спортивного издания / В. В. Тулупов // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. — Донецк, 2018. — С. 233–235.

5. Шимкевич М. Пройденный путь / М. Шимкевич // Красный спорт. — 1927. — № 51/52. — С. 1.

6. Красный спорт. — 1924. — № 2. — С. 2.

7. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

8. Тонов А. Год / А. Тонов // Красный спорт. — 1925. — № 29. — С. 2.

9. Мехоношин К. О наших журналах / К. Мехоношин // Известия физической культуры. — 1924. — № 11. — С. 2.

10. Семашко Н. О наших изданиях / Н. Семашко // Известия физической культуры. — 1924. — № 22. — С. 2.

11. В Высшем совете физической культуры // Красный спорт. — 1924. — № 22. — С. 5.

12. Всем советам физической культуры. Циркулярно // Красный спорт. — 1925. — № 24. — С. 5.

13. Всем советам физической культуры // Известия физической культуры. — 1924. — № 21. — С. 25.

14. Прут И. Как они работают (дружеские зарисовки) / И. Прут // Красный спорт. — 1925. — № 29. — С. 3.

15. На пороге второго года // Красный спорт. — 1925. — № 1. — С. 1.

16. Шимкевич М. О чем и как писать рабкорам и военкорам «Красного спорта» / М. Шимкевич // Красный спорт. — 1924. — № 8. — С. 5–8.

17. Создадим физкора // Красный спорт. — 1925. — № 4. — С. 1.

18. Антонов А. О чем и как писать по физкультуре: краткое руководство физкультурникам-корреспондентам и юным рабселькорам / А. Антонов. — М., 1925.

19. Кальпус Б. К массовому физкультурному журналу / Б. Кальпус // Известия физической культуры. — 1927. — № 23–24. — С. 2.

20. Шимкевич М. «Истые спортсмены» и наша классовая политика / М. Шимкевич // Красный спорт. — 1924. — № 6. — С. 4.

St.-Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communications

Alekseev K. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the History of Journalism Department

E-mail: cheslav83@gmail.com

Рисунок 1. Динамика изменений тиража газеты «Красный спорт» в 1924-1927 гг.

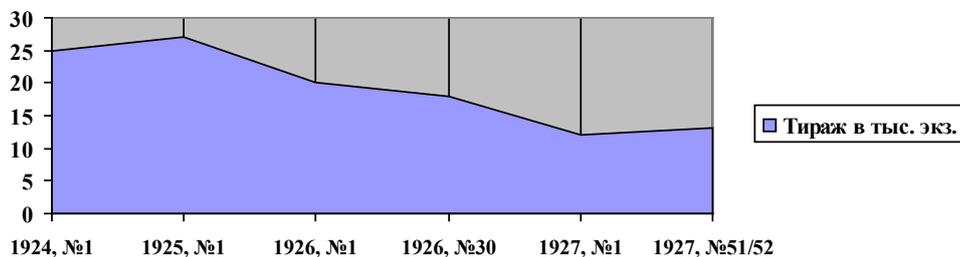
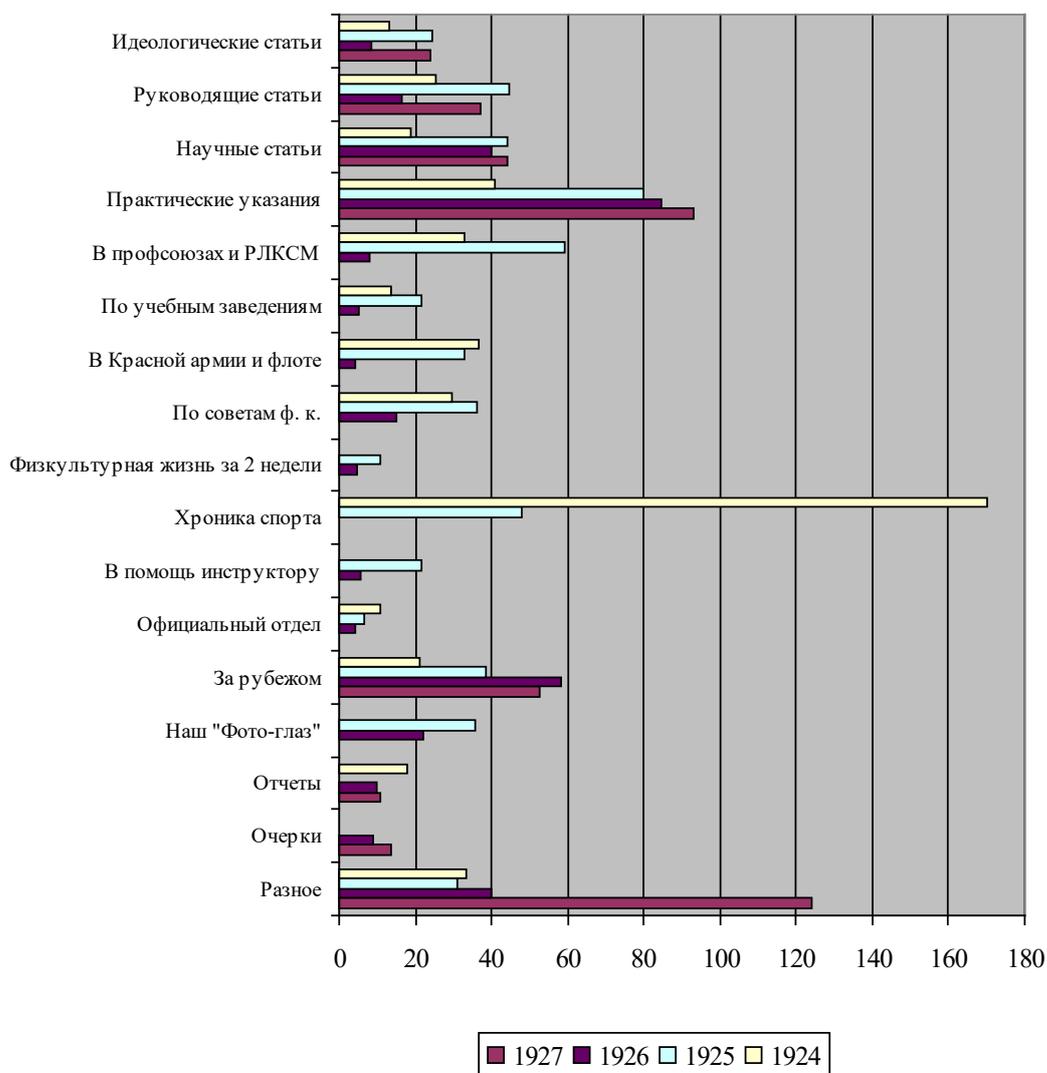

Рисунок 2. Содержание журнала "Известия физической культуры" в 1924-1927 гг. (в страницах)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

С. Н. Гикис, Д. М. Шериева

Пятигорский государственный университет

Поступила в редакцию 24 июня 2019 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются манипулятивные технологии, используемые в англоязычных и франкоязычных западных СМИ. Определены 3 группы современных манипулятивных технологий.

Ключевые слова: манипуляция, манипулятивные технологии, языковые манипулятивные технологии, рационально-психологические манипулятивные технологии, социально-политические манипулятивные технологии.

Abstract: this article discusses the manipulative technologies that are used in the English and French Western media. Three groups of modern manipulative technologies are defined here.

Keywords: manipulation, manipulative technologies, language manipulative technologies, rational psychological manipulative technologies, socio-political manipulative technologies.

Манипулирование общественным мнением в социально-политических целях в той или иной форме осуществлялось на протяжении всей человеческой истории, постепенно переместившись из сферы публичных выступлений ораторов в сферу массмедиа. Рассмотрим использование манипулятивных технологий на примере современных журналистских материалов в наиболее популярных англоязычных и франкоязычных западных СМИ на основе классификации манипулятивных технологий в массмедиа с их разделением на три группы: языковые, рационально-психологические и социально-политические манипулятивные технологии.

Первая группа, группа языковых манипулятивных технологий, предполагает использование в текстах массмедиа различных языковых средств, в т.ч. оценочных суждений (с прямым и косвенным выражением оценки лексико-стилистическими, синтаксическими, грамматическими и визуально-графическими средствами), тропов (эпитетов, метафор, сравнений, гипербол и пр.), фигур речи (повторов, антитез, риторических вопросов и др.), эвфемизмов и прецедентных текстов. Например, в текстах зарубежных медиа можем заметить такие явно оценочные суждения, как — «вздорный олигарх» [1] (Financial Times); «плохая большая Россия», «отважная Украина» [2] (The Independent), «харизматичный, но непредсказуемый политик» [3] (The Washington Post), «гипертрофированное политическое влияние» [4] (CBS News) и пр.

Тропы, фигуры речи и эвфемизмы в зарубежных медиа в манипулятивных целях применяются регулярно. В частности, выход Великобритании из состава Европейского союза журналист Л. Шаран метафо-

рически назвал в материале для Le Figaro «плохим сериалом, у которого все ждут последней серии», поскольку неопределенность, порождаемая спорами об условиях Брексита, негативно влияет на положение дел во всей Европе [5]. В этой же работе используются и другие образные формулировки: Великобритания именуется «троянским конем США на европейском континенте» и «коварным Альбионом». Примечательно, что данные выражения используются в ироничном ключе, журналист умышленно обращается к ним, чтобы тем самым внушить читателю убеждение в том, что в действительности Великобритания вовсе не является врагом для Франции и отношения с ней, а также ее согласованный выход из ЕС важны для стабильности в Европе и франко-британских отношений [5].

Н. Бавере, критикуя НАТО, обратился к широкому кругу изобразительно-выразительных средств и языковой игре, в результате чего появились формулировки: «Североатлантический альянс стал мезальянсом», созданная как «храм для прославления НАТО» ежегодная конференция в Мюнхене превратилась в «его мавзолей» [6]. В данной публикации Россия «зажимает всю Европу в тиски», а над европейской демократией «нависают серьезные угрозы». Подобное гиперболизированное представление действительности создает в сознании аудитории новую реальность и позволяет автору добиться согласия со своей позицией, заключающейся в призыве Франции к более активному участию в решении проблем безопасности для всей Европы.

Использование эвфемизмов также характерно для западных медиа. После победы В. Зеленского на выборах президента Украины обозреватель французской газеты Le Monde С. Кауфманн назвала его «не-

опознанным объектом», имея в виду, что для России и ее президента занявшийся политикой В. Зеленский является столь же неизвестной фигурой, что и для обычных жителей Земли неопознанные летающие объекты [7]. В популярном французском медиа Slate. Fr Ф. Пармантье называет В. Зеленского «синим медведем», что является отсылкой к британскому политическому сериалу «Черное зеркало» [8].

Вторая группа, группа рационально-психологических манипуляций, включает технологии, связанные с работой с информацией и представлением ее таким образом, чтобы учитывать уже известные особенности работы мозга и законы функционирования человеческой психики. Названные технологии основываются на наблюдениях и результатах экспериментов психологов и социологов, включают избирательность в выборе фактов, фрагментацию в представлении фактов, искажение фактов и создание псевдофактов, интерпретацию фактов в необходимом свете / перенос смысловых акцентов, демонстрацию одной точки зрения, игнорирование контраргументов, безальтернативность утверждений, упрощение проблемы, излишнюю детализацию, манипуляции с цифрами, рейтингами, опросами, апелляции к документам.

Так, применение избирательности в выборе фактов особенно заметно в материале Э. Вераге для авторитетного французского интернет-журнала *Atlantico*: «Нужно ли Макрону пытаться спасти франко-немецкий дуэт» [9]. В данной публикации автор называет франко-немецкие отношения «одной из городских легенд, важных для французской элиты» и далее последовательно перечисляет аргументы в пользу того, что дальнейший союз между Германией и Францией невыгоден Франции. Манипуляцией эта технология является потому, что контраргументы в статье, заявленной как аналитическая и претендующая на объективность, не представлены вовсе (что тоже манипулятивный прием), аргументов в пользу продолжения сотрудничества в ней нет — вместо них автор высмеивает несколько положительных высказываний о франко-германском союзе за «наивность», «силу инерции», «отсутствие смелости открыть глаза на правду», видя в них стремление элиты «цепляться за отживший свое мир с Германией». Таким образом, в одной публикации были объединены несколько рационально-психологических манипулятивных технологий: избирательность в выборе фактов, интерпретация фактов в необходимом свете, демонстрация одной точки зрения, игнорирование контраргументов.

Прием создания псевдофактов и переноса смысловых акцентов использовал в публикации «Последний диктатор может быть нашим союзником против Путина» для *The Times* Р. Бойес, который на основании того, что срок президентских полномочий В. Путина заканчивается в 2024 г., выдвинул в ней

предположение о том, что В. Путин может остаться в политике, если успеет присоединить к России Белоруссию и создать новое государство с новым президентом. Соответственно, его можно назвать псевдофактом, а сам прием дополняется использованием дихотомии «свой — чужой» и формированием из России и В. Путина образа врага [10].

Прием манипуляции с цифрами характерен для многих современных медиа. Так, числовые данные присутствуют в большинстве предложений материала Ж. Катремера «Шесть выводов из результатов европейских выборов» для *Libération*, причем их настолько много, что для облегчения восприятия часть цифр написана прописью [11]. Манипулирование заключается в том, чтобы использовать цифры для поддержки политических взглядов автора статьи: в частности, самый большой тематический фрагмент текста посвящен обоснованию его тезиса

Прием «манипуляции данными социологических опросов» в западной прессе нередко сочетается с приемом «создание множественности». К примеру, в материале «Российская молодежь открыла рэп. Кремль встревожен», опубликованном в американской газете *The New York Times*, автор заявляет о прекращении поддержки В. Путина россиянами в возрасте меньше 25 лет, «на что указывают многочисленные социологические опросы», при этом ссылки ни на один такой опрос не приводится. Тем не менее этот прием позволяет создать у американского читателя впечатление объективности подаваемой информации с общей идеей о том, что русский рэп в 2019 г. постепенно становится угрозой для режима (это тоже манипулятивный прием — «преувеличение значения проблемы») [12].

Третья группа, группа социально-политических манипуляций, объединяет технологии, используемые для эффективного управления людьми, оказания воздействия на толпу, которые позволяют добиваться народной поддержки для правящей элиты либо для оппозиции, они рассчитаны на управление массами и коррекцию их поведения при наличии политических, экономических, социальных проблем в стране. К социально-политическим манипулятивным технологиям можно отнести: формирование образа врага (спасителя, защитника, вождя), поляризацию (использование дихотомии «свой — чужой»), создание множественности (событий, людей), преувеличение значения проблемы, параллелизацию и создание негативных ассоциаций, наклеивание ярлыков, переключение внимания, создание примера для подражания, ссылки на авторитеты (экспертов, лидеров мнений, «людей из народа»), обобщение аудитории и самоидентификацию журналиста с ней (использование конструкций вида «мы с вами знаем», «мы понимаем» и пр.).

Примером формирования образа врага может служить публикация Б. Лефевр в *Le Figaro* о фран-

цузском рэпере Нике Конраде, которая начинается с заявления о том, что Ник Конрад символизирует «вероятно, глупость в чистом виде, без сомнения — ненависть и расизм» [13]. Далее она берет в кавычки слово «творчество», не считая им песни Ника Конрада, и обвиняет их исполнителя в поиске известности через «низость, насилие и превращение себя в жертву», поскольку его аудитория состоит из «униженных и оскорбленных». Врагом Франции Ника Конрада делают, по убеждению журналистки, его песни с призывами «убить всех белых» и «довести Францию до агонии», оправдание насилия, при этом он, как и подобные ему исполнители, живет во Франции на выплачиваемое государством пособие. Б. Лефевр, представляя Ника Конрада как врага Франции, тем не менее косвенно подводит читателей к мысли, что постепенно врагами Франции становятся и официальные власти, которые не могут защитить общество от таких исполнителей из опасений вызвать этнические беспорядки, тем самым демонстрируя свою беспомощность и рискуя вызвать революционные протесты (прием «параллелизация и создание негативных ассоциаций»).

На приеме поляризации построена вся публикация Н. Нугайред в *The Guardian*, посвященная избранию В. Зеленского президентом Украины [14]. В ней противопоставляются Россия и Украина, причем практически все предлагаемые дихотомии построены так, чтобы показывать преимущество Украины. В их числе: проведение «свободных, честных и действительно конкурентных выборов» на Украине и «невозможность такого сценария» в России, «Украина никогда не была империей, Россия никогда ей быть не переставала», а также основная идея Н. Нугайред о разнице в восприятии прошлого: «реабилитация сталинского наследия, а также изображение Советского Союза как преимущественно положительного этапа в славной тысячелетней российской истории» у России и «сближение с Европой, осуждение масштабных преступлений советских времен и признание ценности жертвы советского народа для победы над нацизмом» у Украины. Единственная дихотомия в пользу России в данном материале — это «сильный президент Путин» и «пока слабый президент Зеленский», однако и здесь автор настаивает на том, что с европейской помощью Украина сможет это исправить.

Прием «преувеличение значения проблемы» использовался французской журналисткой И. Мандро в публикации в *Le Monde*, посвященной цензуре в книжном деле в России, основная идея которой заключается в том, что российские власти принуждают авторов учебников писать о положении дел в стране исключительно в позитивном ключе [15]. В частности, на примере случая с профессором В. Липсицом, чей школьный учебник исключен из федерального списка рекомендованных книг, делается вывод

о действии цензуры в отношении всех российских учебников, при этом именно цензурой объясняется сокращение списка рекомендованных книг, которое в действительности имело и ряд других причин (наличие фактических ошибок, несоответствие новым образовательным стандартам, устаревшие сведения и пр.). Частные случаи в материале И. Мандро представляются таким образом, что выступают в роли доказательства наличия большой системной проблемы, имеющей политическое измерение (причиной цензуры в статье названо доминирование чиновников из силовых структур в проводящей экспертизу учебников Российской академии наук), т.е. фактически автор преувеличивает значение проблемы и использует ее как повод для критики российских властей.

Ссылки на авторитеты — экспертов, лидеров мнений, людей из народа — регулярно появляются в материалах западных СМИ, что позволяет журналистам доносить свою точку зрения косвенно, через чужие цитаты, либо напрямую, но подкреплять ее этими цитатами. К примеру, в газете *Financial Times* встречаем формулировки «по словам экспертов», «по словам аналитиков» без указания имен авторов этих сведений [16]. На «людей из народа» ссылаются журналисты в *The Washington Post*, когда публикуют репортажи о положении дел на определенной территории — в частности, так поступил А. Трояновски в материале «Русский форпост в Тихом океане: страхи и фантазии о японском будущем», посвященном положению дел на Курильских островах [17]. Он процитировал нескольких местных жителей с указанием их имен, возраста и должности, при этом, несмотря на указанные в тексте данные социологического опроса, по которым 96% жителей о Кунашир хотят оставаться в составе России, в этих высказываниях жителей прослеживается либо нейтральное отношение к Японии, либо растущий интерес к ней из-за проводимых в последние годы поездок («по крайней мере, там порядок»), при этом жизнь в составе России оценивается как «посредственная» или «плохая», а сдерживающим фактором для переезда выступает лишь отсутствие в Японии знакомых и начатого бизнеса.

Таким образом, проведенный анализ зарубежных медиа позволил выявить, что авторы журналистских текстов используют технологии манипулирования общественным мнением, выделенные в три группы: языковые, рационально-психологические и социально-политические манипулятивные технологии. Необходимо отметить, что все перечисленные группы технологий и манипулятивные приемы, как правило, используются не изолированно, а в комплексе, что усиливает их эффект. В связи с этим важным является выявление закономерностей применения технологий в конкретных событийных ситуациях, а также в поиске способов противодействия каждой манипулятивной технологии, что особенно актуаль-

но в ситуациях информационного противоборства, когда российские политические деятели и журналисты вынуждены реагировать на журналистские материалы в зарубежных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Seddon M. Ukraine oligarch urges Volodymyr Zelensky to default on debt / M. Seddon.— Режим доступа: <https://www.ft.com/content/91df13ce-7d58-11e9-81d2-f785092ab560> (дата обращения: 26.05.2019).

2. Dejevsky M. The future is bright for Ukraine — but first Zelensky must face down the oligarchs, the west and Russia / M. Dejevsky.— Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/zelensky-ukraine-west-russia-poroshenko-nato-imf-a8927526.html> (дата обращения: 23.05.2019).

3. Balz D. Will Theresa May's departure fix British politics? Don't bet on it / D. Balz.— Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/politics/will-teresa-mays-departure-fix-british-politics-dont-bet-on-it/2019/05/24/ed09eb50-7e4f-11e9-a5b3-34f3edf1351e_story.html?utm_term=.dfbda23cf98 (дата обращения: 24.05.2019).

4. Gazis O. Here's how Russia is advancing a «post-West» order, says foreign policy expert / O. Gazis.— Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/how-russia-advances-a-post-west-order-according-to-foreign-policy-expert-angela-stent/> (дата обращения: 29.05.2019).

5. Chalard L. Brexit: En se brouillant avec les Anglais, la France fait le jeu de Vladimir Poutine / L. Chalard.— Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2019/02/19/31002-20190219ARTFIG00051-brexit-en-se-brouillant-avec-les-anglais-la-france-fait-le-jeu-de-vladimir-poutine.php> (дата обращения: 19.02.2019).

6. Baverez N. Reconstruire la sécurité de l'Europe / N. Baverez.— Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/24/31003-20190224ARTFIG00179-nicolas-baverez-reconstruire-la-securite-de-l-europe.php> (дата обращения: 24.02.2019).

7. Kauffmann S. Pour Poutine, Zelensky est un ovni, un spécimen comme il n'en a jamais croisé dans l'ex-URSS / S. Kauffmann.— Режим доступа: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/04/24/pour-poutine-zelensky-est-un-ovni-un-specimen-comme-il-n-en-a-jamais-croise-dans-l-ex-urss_5453989_3232.html (дата обращения: 24.04.2019).

8. Parmentier F. L'élection du président ukrainien, un scénario à la «Black Mirror» / F. Parmentier.— Режим доступа: [http://www.slate.fr/story/176268/election-president-](http://www.slate.fr/story/176268/election-president-ukraine-zelensky-scenario-black-mirror)

[ukraine-zelensky-scenario-black-mirror](http://www.slate.fr/story/176268/election-president-ukraine-zelensky-scenario-black-mirror) (дата обращения: 28.04.2019).

9. Verhaeghe É. Emmanuel Macron doit-il vraiment essayer de sauver le couple franco-allemand / É. Verhaeghe.— Режим доступа: <https://www.atlantico.fr/decryptage/3571876/emmanuel-macron-doit-il-vraiment-essayer-de-sauver-le-couple-franco-allemand-eric-verhaeghe> (дата обращения: 07.05.2019).

10. Boyes R. Last dictator can be our ally against Putin / R. Boyes.— Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/last-dictator-can-be-our-ally-against-putin-7nwhvcqs3> (дата обращения: 22.05.2019).

11. Quatremer J. Les six leçons des européennes, cuvée 2019 / J. Quatremer.— Режим доступа: https://www.liberation.fr/planete/2019/05/27/les-six-lecons-des-europeennes-cuvee-2019_1729819 (дата обращения: 27.05.2019).

12. Nechepurenko I. Russia's Youth Found Rap. The Kremlin Is Worried / I. Nechepurenko.— Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/05/21/arts/music/russia-rap-hip-hop.html> (дата обращения: 21.05.2019).

13. Lefebvre B. Nick Conrad et ses clips? La recherche de la notoriété par l'abjection / B. Lefebvre.— Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/nick-conrad-et-ses-clips-la-recherche-de-la-notoriete-par-l-abjection-20190521> (дата обращения: 21.05.2019).

14. Nougayrède N. Zelenskiy's election proves Ukraine is a healthy democracy. Putin hates that / N. Nougayrède.— Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/25/zelenskiy-ukraine-putin-russian> (дата обращения: 25.04.2019).

15. Mandraud I. En Russie, censure des manuels scolaires qui ne «créent pas de fierté pour la patrie» / I. Mandraud.— Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/02/19/en-russie-censure-des-manuels-scolaires-qui-ne-creent-pas-de-fierte-pour-la-patrie_5425078_3210.html (дата обращения: 19.02.2019).

16. Seddon M. Russian bridge to Crimea strangles Ukraine ports / M. Seddon.— Режим доступа: <https://www.ft.com/content/f5c68dd4-765c-11e9-be7d-6d846537acab> (дата обращения: 16.05.2019).

17. Troianovski A. On a Russian outpost in the Pacific, fear and fantasies of a Japanese future / A. Troianovski.— Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/2019/05/10/russian-outpost-pacific-fear-fantasies-japanese-future/?noredirect=on&utm_term=.33fc087e9aef (дата обращения: 10.05.2019).

Пятигорский государственный университет

Гикис С. Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики

E-mail: gikissvetlana@mail.ru

Шериева Д. М., выпускница Института международных отношений Пятигорского государственного университета

E-mail: dsherieva88@mail.ru

Pyatigorsk State University

Gikis S. N., Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Conflict Management, PR and Journalism Department

E-mail: gikissvetlana@mail.ru

Sherieva J. M., Graduate of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University

E-mail: dsherieva88@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КИТАЙСКИХ СМИ НА РАЗВИТИЕ РАДИОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Дун Яфэн

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2019 г.

Аннотация: в статье автор анализирует и обобщает результаты экономических реформ китайских радиовещательных СМИ, особое внимание уделяет опыту «Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси.

Ключевые слова: радио, СМИ, радиовещание Китая, бизнес-модель.

Abstract: in this article, the author analyzes and summarizes the results of economic reforms of the Chinese broadcasting media. Special attention is paid to the experience of Shaanxi TV and radio station "Autoradio FM-896".

Keywords: radio, media, Chinese broadcasting, business model.

Работая на «Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси в качестве штатного редактора-практиканта, а затем корреспондента по совместительству, автор исследовал причины и условия проведения экономических реформ радиовещательных СМИ Китая. За несколько лет (с января 2015 г. по настоящее время) были собраны данные о концепции реформ радиовещательных СМИ и мерах реформирования.

Особенности реформ радиовещательных СМИ Китая. Реформы радиовещательных СМИ Китая, начавшиеся в 1978 г., проходили в несколько этапов, три из которых считаются основными. Их особенностью стало применение смешанной модели экономического управления, содержание которой трансформировалось в ходе изменения курса реформ. Первый этап реформ (1978–1991 гг.) проявился в виде «бюджетной организации с предпринимательским управлением», изменилась однообразная модель «некоммерческого характера, некоммерческого управления». Второй этап реформ (1992–2002 гг.) вылился в «смешанное коммерческое и некоммерческое» хозяйственное управление: в одной и той же радиовещательной медиаорганизации одновременно существовали радиовещательное (хозрасчетное) предприятие и бюджетная радиовещательная организация, однако они по-прежнему представляли собой одно некоммерческое юридическое лицо радиовещательных СМИ. На третьем этапе трансформации и углубления реформ (с 2003 г. по настоящее время) эта смешанная экономическая модель проявилась в разделении на некоммерческие и коммерческие радиовещательные СМИ («разделение на две части»): предприятия радиовещательных СМИ отделились от радиовещательных СМИ как таковых, получили

статус независимого предприятия (юридического лица) и стали самостоятельными субъектами рынка.

Современное состояние реформы «разделения на две части» на «Авторadio FM-896». «Авторadio FM-896» работает на частоте вещания Телерадиостанции Шэньси. Телевизионная станция Шэньси и радиостанция Шэньси были объединены в Телерадиостанцию Шэньси в августе 2011 г., и в это же время была создана Телерадиовещательная корпорация провинции Шэньси. Сейчас это крупная организация со 100-процентным государственным уставным капиталом в 658 млн юаней, общая сумма активов которой составляет 6,1 млрд юаней, здесь работают более 7 100 сотрудников. В корпорации сформировалось шесть бизнес-сегментов, которые включали в себя: трансляцию сетевых радио- и телепередач, телевизионный магазин, производство печатных аудиовизуальных изданий, инвестиции в производство кино- и телесериалов, интегрированное управление новыми медиа и мобильное телевидение. Постепенно была создана промышленная структура объединенных медиа.

Провинция Шэньси, откуда вещает «Авторadio FM-896», не является политическим, экономическим или культурным центром страны. К концу 2017 г., когда политика реформ разделения на коммерческие и некоммерческие СМИ велась уже 14 лет, в корпорации упразднили рекламный центр, передали права на ведение рекламы каждому частотному каналу, других же структур управления перемены почти не коснулись. Программы на «Авторadio FM-896» были в основном собственного производства, а приобретенных было немного (среди них, например, «Программа обсуждения законодательства Лян Хуэя 896»).

Как уже было сказано, воплощением реформы «разделения на две части» на «Авторadio FM-896»

стало отделение рекламного бизнеса от самой частоты. Остановимся на этом подробнее. Права на трансляцию рекламы изначально принадлежали вышестоящей организации – Рекламному центру Телерадиовещательной корпорации провинции Шэньси. В 2016 г. корпорация делегировала эти права своим подчиненным частотным каналам, и «Авторadio FM-896» создало дочернее предприятие со статусом независимого юридического лица. Тем не менее право собственности на трансляцию рекламы по-прежнему принадлежало частоте.

Таким образом, в настоящее время «Авторadio FM-896» по-прежнему находится на стадии смешанного коммерческого и некоммерческого хозяйственного управления. Однако последовательное продвижение реформ СМИ Китая и неуклонное углубление конвергенции СМИ будут способствовать распространению реформы «разделения на две части» от центральных районов Китая и выбранных в качестве «пилотных» городов к удаленным провинциям, где расположены эти частоты.

Реформы бизнес-модели «Авторadio FM-896». Чжуцзянская модель – серийная организация радиовещания и частотная специализация. 15 декабря 1986 г. начала вещание первая серийная станция Гуандунской радиостанции – Чжуцзянское экономическое радио, которое было образовано с целью организации «массового, информационного, сервисно-ориентированного и развлекательного вещания» [1, 3]. На радиостанции использовались вещание блоками, вещание с участием ведущих, прямая трансляция и горячие линии. Таким образом, изменилась существовавшая многие годы форма однонаправленного вещания, что способствовало развитию всех методов радиопропаганды, раскрытию ее социальных функций [2, 26]. Осознав роль и ценность аудитории, изучив ее интересы и потребности, другие радиостанции тоже изменили формат программ, закрепили концепцию аудитории, установили новый тип отношений между аудиторией и редакциями вещания. Отказ от традиционных способов организации работы радиостанций позволил достичь потрясающего вещательного эффекта и заслужить любовь аудитории. Чжуцзянская модель серийной организации радиовещания и частотной специализации сыграла значительную роль в экономической реформе радиовещания Китая. Она достигла сенсационного экономического эффекта и вызвала такой резонанс, что ее опыт наперебой стали перенимать радиостанции по всему Китаю. Чжуцзянская модель стала символом первой волны реформ отрасли вещания в Китае [1, 3]. Она по-прежнему используется на китайских радиостанциях.

Исследователь Цзэн Гуансин отметил, что чжуцзянская модель имеет четыре основных преимущества: 1) соответствует закономерностям радиовещания; 2) способствует развитию индустрии

радиовещания; 3) производит прекрасный социальный эффект; 4) достигает довольно хороших экономических результатов [3, 64].

Экономическое радио Радиостанции Шэньси – предшественник «Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси. Оно было преобразовано из основанной в 1992 г. Радиостанции Шэньси. Заместитель начальника Телерадиостанции Шэньси Лю Вэйсин заявил в интервью: «Когда радиовещание разделилось по специализации на всех национальных радиостанциях, в 2003 г. бывшая Радиостанция Шэньси тоже прониклась идеей создания специализированных радиостанций. В результате здесь были созданы такие специализированные трансляции, как экономические, транспортные, музыкальные и сельские. Специализация частот привела к постоянному повышению рейтинга прослушивания на всех частотах и быстрому увеличению доходов от рекламы. Реформа частотной специализации китайских радиостанций в основном начиналась с создания экономических частот. Это относится и к Радио Шэньси. Прежде всего было создано экономическое радио Радиостанции Шэньси, а затем уже были образованы другие частоты, такие как транспортное и музыкальное радио. В 2012 г., с углублением реформ по специализации и типизации частот, произошла трансформация типов программ экономического радио Радиостанции Шэньси, а производство и вещание экономических передач прекратилось. Специально велось вещание информационных сообщений на бытовые темы и развлекательных программ, ориентированных на предоставление услуг владельцам автомобилей»¹.

Применение гуандунской модели: сотрудничество и совместный выпуск программ. Хотя разделение частотной специализации в радиовещании оказалось эффективным, оно привнесло и некоторые проблемы, самой очевидной из которых стала обособленность, затруднявшая влияние радиопередач на аудиторию. Поэтому радиостанциям необходимо было объединяться и сотрудничать. Так, Радиостанция Гуандун впервые в Китае применила экономическую модель вещания в виде совместных программ, которую в процессе экономических реформ китайских радиовещательных СМИ стали называть гуандунской моделью.

В гуандунской модели несколько способов сотрудничества и совместной организации программ: 1) объединение радиостанций разных регионов для ведения широких пропагандистских кампаний; 2) совместная работа серийных радиоканалов, подчиненных единой (главной) радиостанции (трансляция крупных пропагандистских или общественно значимых программ только на одной-двух частотах не может оказать на аудиторию надлежащего воздей-

¹ Из беседы автора с заместителем начальника Телерадиостанции Шэньси Лю Вэйсин.

ствия, поэтому главная радиостанция должна объединить находящиеся у нее в подчинении серийные радиоканалы); 3) совместная работа радиоканалов одной специализации. Данная модель представляет собой горизонтальную интеграцию радиоканалов одной специализации, относящихся к разным районам. Позитивный опыт внедрения данной модели получили музыкальные и дорожные радиоканалы. По мнению У Цзиньсуна, преимущества гуандунской модели заключаются в совместном использовании ресурсов сигналов, программ и студий для прямых трансляций, а также в том, что она обеспечивает оптимальное распределение людских ресурсов между станциями-участницами; имеется всесторонний доступ к новостным и информационным ресурсам. Подобная практика не только экономит затраты на подготовку репортажей каждой станцией-участницей, но и привлекает большое количество слушателей высококачественными программными продуктами, повышает конкурентоспособность станций-участниц среди других местных средств массовой информации, обеспечивает ряд экономических выгод [4, 38–39].

«Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси до сих пор использует гуандунскую модель сотрудничества: выпускает программы совместно с другими радиостанциями. Директор этой частоты Лю Линьань рассказал в интервью: «Каждый год на конференции по вопросам сотрудничества, инвестиций и торговли западных и восточных регионов Китая, а также на выставках “Великий шелковый путь”, проводимых в Сиане, наша частота объединяется с другими средствами массовой информации для ведения прямой трансляции с этих мероприятий, чтобы еще больше слушателей смогли получать о них своевременную информацию. Это – вклад СМИ, вносимый в дело развития общества и экономики региона. Каждый год на автосалонах, проводимых 1 мая и 1 октября, наша частота также объединяется с другими СМИ провинции и некоторыми новыми СМИ для совместного планирования и производства программ об автомобилях и их продажах, чем увеличивает доходы от рекламы на частоте, повышает свой авторитет и укрепляет репутацию»².

Заключение. Экономические реформы на «Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси протекают в русле экономических реформ китайских радио-

вещательных СМИ. Сохранившаяся в бизнес-модели «Авторadio FM-896» частотная специализация чжужаньской модели, сотрудничество и совместный выпуск программ гуандунской модели, а также получившая широкое распространение трансформация экономического радиовещания в дорожные частоты с преобладанием информации о повседневной жизни также косвенно отразили эволюцию экономической модели на китайском радио. Экономическая реформа разделения на коммерческие и некоммерческие СМИ на этой частоте протекает с «осторожностью», реформа в управлении проводится постепенно. Подобная ситуация существует и в других вещательных СМИ. В то же время, поскольку реформа радиовещания Китая направляется политическим курсом, на практике она реализуется от провинций и городов, являющихся политическими, экономическими и культурными центрами, к отдаленным районам страны. В этом также заключается причина отставания начального этапа экономических реформ «Авторadio FM-896» от продвижения реформ в центральных провинциях и городах. Однако с углублением реформ и развитием новых технологий в эпоху конвергентных СМИ разрыв между китайскими провинциями и городами сократится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бай Лин. От чжужаньской модели до опережающего развития: обзор 30-летней истории реформ и открытости в радиовещании Гуандуна / Л. Бай, Ц. Шэнь. – Гуанчжоу: Изд-во университета Цзинань, 2008. – 299 с. =白玲, 申启武: 从“珠江模式”到跨越式发展—广东广播改革开放30年历史回顾 – 广州, 2008. – 299 с.
2. Оу Нянчжун. Обзор семинара о ретроспективе и перспективе радиовещательных реформ в Китае / Нянчжун Оу // Телерадиовещание в Китае. – 1996. – № 11. – С. 26–33. =区念中: 中国广播改革回顾与展望研讨会综述. 中国广播电视学刊. – 1996. – № 11. – С. 26–33.
3. Цзэн Гуансин. Внезапное появление: теория и практика чжужаньской модели радиовещания / Гуансин Цзэн. – Пекин: Изд-во Телерадиовещания Китая, 1999. – 824 с. =曾广星: 横空出世—广播“珠江模式”的理论与实践 – 北京, 1999. – 824 с.
4. У Цзиньсун. Практика и размышления о гуандунской модели при совместных репортажах китайского радиовещания с Азиатских игр / Цзиньсун У // Радиовещание в Китае. – 2011. – № 4. – С. 37–39. =伍劲松: 中国广播联盟亚运报道“广东模式”的实践与思考. 中国广播. – 2011. – № 4. – С. 37–39.

² Из беседы автора с директором «Авторadio FM-896» Телерадиостанции Шэньси Лю Линьань.

СОЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ КОНФЛИКТНОГО МЕДИАДИСКУРСА: КОРРЕЛЯЦИЯ С ДЕЙСТВЕННОСТЬЮ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. Х. Кадырова

Астраханский государственный университет

Поступила в редакцию 30 апреля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена корреляции репрезентации социальных акторов в конфликтном медиадискурсе и действенности журналистской деятельности. В статье проанализированы следующие конфликтные медиадискурсы и рассмотрены роли соответствующих социальных акторов: освещение темы задолженностей россиян за услуги ЖКХ (актор «ветеран войны»), темы охраны детства (актор «дети»), медиаотражение проблем людей с инвалидностью (актор «инвалид»), реализации «мусорной реформы» (актор «сельские жители»).

Ключевые слова: действенность журналистской деятельности, результативность СМИ, социальный актор, медиаактор, конфликтный медиадискурс, медиатекст, медиаотражение.

Abstract: this article is devoted to the correlation between representation of social actors in conflict media discourse and the effectiveness of journalistic activity. The article analyzes the following conflict media discourses and considers the roles of relevant social actors: coverage of the debts of Russians for housing and communal services (actor «veteran of war»), the theme of child protection (actor «children»), media reflection of the problems of people with disabilities (actor «disabled»), implementation of the «garbage reform» (actor «villagers»).

Keywords: effectiveness of journalistic activity, productivity of mass media, social actor, media actor, conflict media discourse, media text, media reflection.

Современные медиаисследователи рассматривают средства массовой информации в качестве акторов, т.е. социальных институтов, которые оказывают влияние не только на информационно-коммуникативное пространство, но и на общественно-политическую среду. Массмедиа посредством журналистских выступлений, интерактивной связи с аудиторией, отражения актуальной информационной повестки дня будируют общественность, активизируют деятельность социальных институтов и демонстрируют подотчетность властных структур. Современных специалистов медиасферы порой именуют медиаакторами, подчеркивая таким образом степень их влияния на общественную среду: «Медиаактор — это журналист, выполняющий свою работу. Он — профессионал, формирующий медиареальность, но и медиареальность формирует его. Таким образом, журналист выступает как в роли создателя медиареальности, так и в роли ее продукта» [1, 202]. В данном контексте важной категорией, характеризующей эффективную журналистскую деятельность, становится понятие действенности, которая проявляется в принятии конкретных мер теми или иными социальными институтами по итогам медиавыступлений, отражающих какие-либо сложные социальные ситуации [2, 119]. Анализ результативных

журналистских материалов позволил зафиксировать следующее наблюдение: действенность медиатекста зачастую бывает обусловлена социальной характеристикой героя публикации, который также выступает в роли актора. Теория социальных акторов была сформулирована исследователем Тэо ван Левеном. Его выводы широко используются в критическом дискурс-анализе, где рассматриваются особенности репрезентации «участников социальных практик» — социальных акторов: «Любой журналистский текст опирается на конкретных личностей: действующих лиц события, ньюсмейкеров, экспертов и т.д. Категория “герой” — ключевая для продукта медиакommunikации. Исследователь рассматривает лингвистические способы их представления в текстах СМИ, что дает необходимую основу для понимания политики средств массовой информации и подоплеку отражаемых в СМИ событий» [3, 17].

Тем не менее, обращаясь к категории действенности журналистской деятельности, стоит отметить, что результативными медиатекстами становятся материалы, отражающие проблемные и кризисные социальные ситуации. Например, ветераны как объекты информационного внимания могут быть социальными акторами медиадискурса — праздничного (в преддверии Дня Победы) или исторического (годовщины какой-либо битвы). Однако именно конфликтный дискурс позволяет зафиксировать соци-

альную значимость журналистского выступления, нацеленность на конкретный результат в освещении, ожидание определенных итогов: «Будучи необходимым компонентом системы институтов информационного общества, СМИ не могут не выступать одним из наиболее значимых акторов в системах, где имеет место конфликтная динамика. Более того, именно медиадискурс, несмотря на его кажущуюся виртуальность, очень часто становится наиболее реальной площадкой развертывания и эскалации конфликта» [4, 85]. Конфликтность текстов СМИ характеризуют как одну из репрезентативных тенденций современного медиадискурса [5, 60]. Таким образом, выделяя аспект действенности журналистского выступления, мы будем рассматривать конфликтный медиадискурс как сферу наиболее интенсивного отражения социальной проблематики. При этом важно подчеркнуть, что освещая кризисные ситуации, СМИ и сами включаются в конфликт. Однако нельзя воспринимать это исключительно с позиции сенсационности, негатива, эксплуатации отрицательной информационной повестки дня: «Эскалация СМИ конфликтной ситуации не должна оцениваться однозначно негативно: зачастую обострение конфликтной ситуации позволяет выявить истинные намерения сторон, явственней обозначить мотивы, интересы и ценности акторов, усилить значимость проблемы, привлечь к ней внимание общественных институтов, способных оказать содействие в разрешении конфликта» [4, 87]. Итак, рассмотрим, упоминание каких социальных акторов в конфликтном медиадискурсе предопределяет действенность журналистского выступления.

В конце 2018 — начале 2019 гг. одной из ведущих тем журналистских материалов стали задолженности россиян за оказание различных бытовых услуг и действия коллекторов по их взиманию. Резкое повышение тарифов за услуги ЖКХ стало причиной социальной напряженности и обострения общественных настроений. Все это нашло отражение в различных журналистских текстах, в которых героями выступили люди, столкнувшиеся с коллекторами. Наиболее действенной стала история ветерана войны Юрия Величко. В январе 2019 г. газета «Аргументы и факты» сообщила о результатах неоднократного отражения в СМИ ситуации ветерана Великой Отечественной войны, которому коллекторы угрожали убийством из-за долга в 40 тысяч рублей по ЖКХ: «В сентябре на войну ветерана с коммунальщиками обратили внимание СМИ. После чего директора УК ЖКХ Авиастроительного района уволили, главе администрации района сделали выговор, он лично извинился перед фронтовиком и погасил его долги. Сейчас у Юрия Александровича в квартире делают ремонт за счет УК — видимо, в качестве компенсации морального вреда. Что касается угроз коллекторов, то по этому

факту возбудили уголовное дело в отношении неустановленных лиц. По данным СКР по Татарстану, расследование дела передали в МВД» [6, 6].

Материалы о данной истории вышли в региональной прессе Татарстана и федеральных изданиях «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты». Анализ журналистских материалов позволил выделить следующие репрезентативные характеристики героя публикаций: фронтовик, бывший солдат, 91-летний мужчина, инвалид Великой Отечественной войны, «злостный неплательщик-фронтовик», «фронтовик-должник». Таким образом, включая в репрезентацию образа героя данные понятия и противопоставляя их в провокационном варианте, авторы апеллируют к коммуникативно-культурной памяти аудитории. Репрезентация социального актора «ветеран войны» в данном конфликтном медиадискурсе оказалась наиболее представительной и предопределила соответствующую реакцию общественности и официальных учреждений.

Следующей проблемной сферой, занявшей значимое место в текущей информационной повестке дня российских СМИ, стала тема охраны детства, которая приобрела актуальное социальное звучание. Анализ общенациональных СМИ продемонстрировал, что за 2018–2019 гг. вышло немало журналистских материалов, в которых рассказывалось о случаях, когда дети были заперты в машинах, забыты дома или в общественном месте и пр. Это медиатексты о халатном и негуманном отношении родителей к детям. Заголовки таких материалов позволяют говорить о негативных процессах, связанных с охраной детства: например, «Саудовский самолет вернулся в аэропорт из-за забытого матерью ребенка», «Под Москвой ребенок погиб в машине, когда мать ушла на собеседование», «В Якутске мать оставила грудного ребенка одного в квартире на четыре дня», «В Казахстане ребенок вышел из окна 10-го этажа. Его спасли в полете». Газета «Московский комсомолец» под заголовком «Девочка из собачьей будки: курсантку МВД отчислили за ее прошлое» представил историю девушки, которую в детстве нашли в собачьей будке, когда она пыталась согреться от холода на улице. На новостном портале «Регион Online» в материале «Потерялся в лесу: в Москве 6-летний мальчик найден с пакетом на голове» журналист рассказал о мальчике, которого мать бросила в лесу, надев ему на голову пакет и обмотав скотчем.

Наиболее результативной в данном конфликтном медиадискурсе стала история брошенного на долгое время в квартире ребенка, которого в СМИ окрестили «девочкой-маугли». Журналисты рассказали о пятилетнем ребенке, которого нашли в московской квартире в условиях полной антисанитарии: «По сведениям телеграм-канала Mash, девочка устроила себе “берлогу” в мусоре, которым была завалена квартира. Еды и воды у нее не было. Девочка не разговари-

вает, у нее, по предварительным данным, гнойный отит, а в шею врос электрический провод» [7]. Воспитанием девочки никто не занимался, в своем развитии она заметно отстала от ровесников. Интерес крупных федеральных СМИ к данной истории привел к незамедлительной реакции органов опеки, омбудсмена по правам детей, полиции.

При освещении темы охраны детства журналисты зачастую формируют определенный образ детей: «девочка-маугли», «девочка из собачьей будки», «мальчик с пакетом», «пьяный мальчик» и пр. При этом стоит отметить, что придуманный образ ребенка проходит по заголовкам материалов наиболее крупных СМИ и в дальнейшем тиражируется всеми массмедиа. Подобные заголовочные комплексы, которые создаются журналистами, несомненно работают на сенсационность, придавая медиатекстам оттенок скандальности: такие образы детей лучше запоминаются аудиторией, так как имеют негативный и даже резонансный характер. В медийной характеристике ребенка присутствуют предметные детали (например, «мальчик с пакетом»), которые нивелируют его личностные качества. Таким образом, дети также становятся значимыми акторами конфликтного медиадискурса, направленного на действенность журналистских выступлений. На это влияют в первую очередь такие классические элементы новости, как «человеческий интерес», т.е. обстоятельства события, к которым аудитория равнодушна, эффект «эмоционального толчка», а также близость ситуации читателям и зрителям.

Стоит отметить, что поднимая тему охраны детства, СМИ через свои публикации апеллируют в первую очередь к органам опеки и окружающим людям. Неоднократно в текстах авторы указывали на то, что социальные органы, а также соседи, ближайшее окружение не обращали внимания на вопиющие факты, касающиеся положения детей. Например, в текстах о брошенной в квартире девочке героями репортажей стали соседи, которые не реагировали на завывания и крики ребенка. Их также следует отнести к пассивным социальным акторам: они присутствуют в медиадискурсе, но их влияние на саму ситуацию, а также на медиаотражение истории проявляется косвенно. Тем не менее именно поведение соседей в данном событии стало поводом для публикаций интервью и аналитических материалов, посвященных тому, как следует действовать в подобных случаях. Например, онлайн-СМИ «Такие дела» по итогам освещения историй насилия с детьми подготовило инструкцию «Что делать, если подозреваешь соседей в жестоком обращении с ребенком?» [8], подчеркнув, что часто именно ближайшее окружение способно забить тревогу.

Таким образом, действующие лица истории с пятилетней девочкой: дети и родители, органы опеки, соседи — стали наиболее значимыми социальными

акторами, медиаосвещение которых привело к резульативным изменениям.

Следующий конфликтный медиадискурс, актуализированный в последнее время, касается процессов инвалидизации общества и отражения этих проблем в СМИ. Так, наиболее резонансной в современном отечественном медиaprостранстве в последнее время стала история челябинского ветерана боевых действий, который в одиночку воспитывает дочку с инвалидностью и оплачивает ипотеку. Результатом журналистских публикаций стали соответствующие действия представителей официальных структур и внимание волонтеров и общественности: «Власти Челябинской области пообещали помочь решить проблему с оплатой ипотеки Николаю Безручко — ветерану боевых действий в Чечне, который сам воспитывает дочь с инвалидностью, имея на повседневные расходы 200 рублей. Министр социальных отношений Татьяна Никитина побывала дома у Безручко и сказала, что мужчина сможет получить единовременное социальное пособие. Также министр распорядилась оказать помощь в оформлении необходимых семье документов для регистрации по месту жительства и опеки» [9]. Таким образом, акцентированное внимание к социальному актору «человек с инвалидностью» позволило расширить контекст истории, которая изначально рассматривалась как «отец-одиночка в тяжелой социальной ситуации», и, соответственно, активизировать действия должностных структур. Явный перенос медийного интереса с одного социального актора на другой, т.е. с «отца-одиночки и ветерана боевых действий» на «инвалида», ускорило реакцию социальных институтов и подчеркнуло действенность журналистского выступления. Стоит также отметить, что в медиадискурсе данной истории попало и видеобращение героя [10], в котором он поблагодарил журналистов и волонтеров за положительное разрешение своей проблемы, что в данном случае подчеркнуло значимость СМИ как медиаактора.

Реализация «мусорной реформы» в России также стала одной из трендовых тем, которая была включена в информационную повестку дня федеральных и региональных СМИ. Особенно актуализировалась данная тема с начала 2019 г., так как с нового года Россия официально перешла на новую систему утилизации твердых коммунальных отходов. Цель реформы — полностью изменить отношение к отходам как у тех, кто их собирает и утилизирует, так и непосредственно у населения.

В информационном пространстве тема реализации «мусорной реформы» получила взаимосвязь с самыми разными сферами медиаотражения. Например, после того, как в ходе ежегодного послания Федеральному собранию президент России Владимир Путин высказался о проблеме переработки мусора, тема приобрела политический характер. Он подчер-

кнул, что этой проблемой власти никогда не занимались должным образом, и вблизи многих жилых кварталов можно наблюдать «горы хлама». Эту же политическую характеристику подчеркнули пикеты и митинги против высоких тарифов, организованные и проведенные в разных городах России в феврале-марте 2019 г. [11]. Определение в рамках реформы региональных операторов и их конкурсный отбор на право вывоза и переработки мусора внесло в медийное обсуждение этой проблемы экономический аспект. Отношение населения к «мусорному вопросу» позволило говорить о культурно-воспитательной составляющей в медиаотражении данной проблемы. Так, театральные деятели Астраханской области организовали и провели фотосессию на несанкционированных свалках города, показав таким образом халатное и циничное отношение жителей к окружающей среде [12]. Помимо этого, непосредственно сама тема мусора тесно взаимосвязана с экологической журналистикой. Таким образом, «мусорный вопрос» позволил расширить контекст обсуждения и глубину медиадискурса. Результатом корреляции темы «мусорной реформы» и различных общественно значимых аспектов стали журналистские материалы, выполненные в разных жанрах (журналистское расследование, тематический репортаж, интервью с экспертом и пр.) и опубликованные в разных по направленности СМИ (общественно-политических, экологических, деловых и пр.).

Однако непосредственно конфликтным данный медиадискурс стал с упоминанием в медиатекстах жителей сельской местности: «Часть жителей нашей страны вообще никогда не платила за вывоз мусора, особенно в сельской местности. Иными словами, наиболее болезненной реформа может оказаться для жителей частного сектора, которые теперь также должны заключать договоры с региональным оператором на вывоз мусора» [13]. Конфликтность ситуации была связана с завышенными тарифами для сельского населения, отсутствием мусорных контейнеров, которые в силу низкого качества дорожного покрытия невозможно было разместить в селах и деревнях. Наиболее подробно данную проблему осветили региональные, в частности районные и областные, СМИ. Материалы под заголовками «“Мусорная реформа” на селе», «Мусорная реформа в деревнях: контейнеры пустые, а деньги с населения каплют», «К мусорной реформе оказались не готовы», «На “мусорную реформу” сельские жители отвечают навозом в контейнерах», «Мусорная реформа под местным наркозом» и пр. позволили актуализировать региональную информационную повестку. Журналисты проводили эксперименты, изучая особенности работы региональных операторов по вывозу мусора, организовывали журналистские рейды и проверяли, присутствуют ли контейнеры

в селах, а также совместно с читателями отправляли запросы в официальные структуры с требованием обоснования тарифных сеток. Акцентированное медийное внимание привело к тому, что ситуация попала под личный контроль руководства страны, а к настоящему времени тарифы на мусор в разных сельских населенных пунктах были пересмотрены.

В данном конфликтном медиадискурсе значимым социальным актором выступили именно «сельские жители», тогда как изначально эта категория в новостных выпусках именовалась как «жители частных домов». Конкретизация объектов информационного внимания, привнесение некой образности в характеристику героев, а также отражение данной проблематики именно региональными СМИ позволили расширить и углубить контекст обсуждения. Актор «сельские жители» был объективизирован в отдельных личностях, проживающих в разных населенных пунктах, но столкнувшихся с единой проблемной ситуацией. Это повлияло на действенность журналистского выступления: официальные структуры отреагировали на медиатексты с призывами разобраться в ситуации. Кроме того, медиаотражение реализации «мусорной реформы» позволило продемонстрировать подотчетность властных органов.

Помимо этого, традиционное понимание сочетания «сельский житель» в противопоставлении понятию «городской житель» (как представитель более молодого и современного поколения) тоже повлияло на восприятие журналистских материалов как со стороны общественности, так и со стороны социальных институтов. Это также подчеркивает своеобразие коммуникативно-культурной памяти аудитории.

Таким образом, трендовые темы и проблемные ситуации, которые стали предметом информационного интереса СМИ и получили результативное медиаосвещение, касаются актуальных конфликтных процессов. Анализ приведенных медиаматериалов демонстрирует, что упоминание тех или иных социальных акторов в конфликтном медиадискурсе предопределяет действенность журналистского выступления. Данные социальные акторы могут выполнять пассивную или активную роль — как в самой проблемной ситуации, так и в медиаконтексте. Например, действующие лица публикации могут сами инициировать журналистский интерес, обратившись в редакцию с письмом. И, наоборот, пассивная деятельность главных или второстепенных героев медиаматериала может привести к появлению дополнительного медиаконтента и расширению сферы информационного внимания.

Стоит также выделить, что практически во всех проанализированных медиатекстах подчеркивалась роль редакций массмедиа. Таким образом, современные СМИ выступают в роли медиаакторов в конкретной конфликтной ситуации. При этом значимость

журналистских усилий отмечается в цитатах героев публикаций и в саморефлексии журналистов (в редакционных колонках, например). Это также демонстрирует действенность журналистской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова Н. В. Роль писателя-журналиста в формировании медиареальности / Н. В. Крылова // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сборник статей XII Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 15–17 октября 2015 г.).— Казань: Казан. ун-т, 2015.— С. 201–204.
2. Кадырова Г. Х. Результативные формы организационно-массовой работы редакций в советской и современной прессе: медийная преемственность традиций / Г. Х. Кадырова // Вестник Пятигорского государственного университета.— 2018.— № 3.— С. 119–123.
3. Красикова Т. Р. Репрезентация социальных субъектов конфликтной ситуации в медиатекстах / Т. Р. Красикова // Современный дискурс-анализ. Дифференциация и креолизация в дискурсных практиках.— 2013.— Вып. 9.— С. 17–25.
4. Савицкая А. С. Средства массовой информации в ситуации конфликтного взаимодействия / А. С. Савицкая // Известия РГПУ им. А. И. Герцена.— 2009.— № 92.— С. 84–88.
5. Факторович А. Л. Взаимодействие смысловых областей в конфликтном медиадискурсе / А. Л. Факторович // Язык. Текст. Дискурс.— 2008.— № 6.— С. 60–65.
6. Медушевская З. Загляни без страха в платежку. Кто поможет россиянам осилить долги за ЖКХ? / З. Медушевская, А. Дорфман и др. // Аргументы и факты.— 2019.— № 1–2.— С. 6.
7. В Москве полиция спасла пятилетнюю девочку,

запертую в квартире // Такие дела.— 2019.— Режим доступа: https://takiedela.ru/news/2019/03/10/devochka-maugli/?utm_source=mail&utm_medium=regular&utm_campaign=19-04-20_td_weekly (дата обращения: 25.04.2019).

8. Буракова С. Что делать, если подозреваешь соседей в жестоком обращении с ребенком? / С. Буракова // Такие дела.— 2019.— Режим доступа: https://takiedela.ru/news/2019/04/16/sosedi-zhestoki-k-rebenku/?utm_source=mail&utm_medium=regular&utm_campaign=19-04-20_td_weekly (дата обращения: 25.04.2019).

9. Южноуральцу, который в одиночку растит дочь-инвалида, пообещали помочь с оплатой ипотеки // 74.Ru.— 2019.— Режим доступа: <https://74.ru/text/gorod/66038893/> (дата обращения: 25.04.2019).

10. Челябинские власти пообещали помочь с ипотекой ветерану, который в одиночку растит дочь с инвалидностью // Такие дела.— 2019.— Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2019/04/01/ipoteka-bezruchko/> (дата обращения: 25.04.2019).

11. В российских городах прошли акции «Россия — не помойка» против реформы утилизации мусора // Meduza.— 2019.— Режим доступа: <https://meduza.io/news/2019/02/03/v-rossijskih-gorodah-proshli-aktsii-rossiya-ne-pomoyka-protiv-reformy-utilizatsii-musora> (дата обращения: 25.04.2019).

12. Город-свалка Астрахань // Блог Ильи Варламова.— 2019.— Режим доступа: <https://varlamov.ru/2145992.html> (дата обращения: 08.04.2019).

13. Для сельских жителей мусорная реформа станет болезненной, считает эколог // РИА Новости.— 2019.— Режим доступа: <https://ria.ru/20190128/1550015712.html> (дата обращения: 25.04.2019).

Кадырова Г. Х., старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики Астраханского государственного университета, соискатель кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета

E-mail: ghkadyrova@yandex.ru

Kadyrova G. Kh., Senior Lecturer of the Theory and History of Journalism Department of Astrakhan State University, Postgraduate Student of the History and Legal Regulation of Mass Communications Department of Kuban State University
E-mail: ghkadyrova@yandex.ru

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЕ «КОММУНА» ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

А. А. Кажикин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье осуществлен анализ образа современника в областной общественно-политической газете «Коммуна» Воронежской области в период после окончания Великой Отечественной войны. Выделены типичные подходы авторов к определению характерных черт героев публикаций, отличительные особенности образа современника, вступившего в мирную жизнь. В статье прослеживается переход советской региональной печати от центрального образа воина-победителя к образу человека труда.

Ключевые слова: образ, современник, характер, региональная печать, газета.

Abstract: The article analyzes the character of a contemporary in the regional socio-political newspaper "Communa" of the Voronezh region in the period after the great Patriotic war. Typical approaches of authors to definition of characteristic features of heroes of publications, distinctive features of an image of the contemporary who has entered peaceful life are presented.

Keywords: image, contemporary, character, regional press, newspaper.

Публицистический образ как ключ к пониманию места и роли человека в обществе уже не одно десятилетие привлекает внимание исследователей журналистики. Проблемы типизации героев журналистских статей, художественно-творческого осмысления характера современника на страницах периодической печати являются не только теоретическими, но и практически значимыми в силу того, что читатель воспринимает и оценивает через эти образы самого себя. Советская региональная печать, будучи идеологическим проводником партии, тем не менее всегда была наиболее близко расположена к народу, погружена в жизнь, где место лозунгов замещали бытовые будни. Именно поэтому для анализа трансформации доминантных образов современника на стыке военной (1941–1945 гг.) и послевоенной жизни в качестве эмпирической базы исследования была выбрана ведущая общественно-политическая газета Воронежской области «Коммуна», на примере которой прослежено становление нового героя современности — человека труда. Образованная в 1917 г., «Коммуна» на долгие годы стала главным печатным органом областного и городского комитетов ВКП(б) и главной областной газетой. Такие же газеты существовали и в других областях, поэтому ее содержательная модель и творческие подходы к созданию образов современника можно назвать типичными.

Проблемой публицистического образа в советской журналистике в разные годы занимались многие

исследователи. Значимый вклад в эту работу внесли известный теоретик журналистики Е. П. Прохоров, изучавший взаимное влияние публицистики и современности; В. А. Аграновский, описавший творческие методы работы с героями публикаций и одним из первых подчеркнувший многогранность каждого из них; М. И. Стюфляева, систематизировавшая в нескольких монографиях образные ресурсы публицистики и детально рассмотревшая в ней отражение характера; Л. Э. Варустин, рассмотревший проблемы творческого мастерства публициста в ракурсе раскрытия мировоззрения героев. Не случайным нам кажется тот факт, что эти и другие авторы наиболее активно обращаются к проблеме публицистического образа в конце 70-х — начале 80-х гг., когда стала совершенно очевидной недостаточность одномерного, одностороннего подхода к демонстрации образа современника, чем страдали многие советские газеты, в первую очередь регионального уровня.

Целью данной статьи является выявление характерных особенностей образа современника в послевоенной советской региональной печати, которые стали фундаментом для типизации на многие последующие годы. Для этого была изучен корпус текстов в газете «Коммуна» за период с мая по декабрь 1945 г. — период поворота общественной жизни в мирное русло, перехода к восстановлению экономики и привычного быта граждан.

По окончании Великой Отечественной войны 10 мая 1945 г. газеты по всей стране вышли с громкими праздничными заголовками. В праздничном номере «Коммуны» главный герой двуедин. С од-

ной стороны — это народ. Фотографии «людского моря» в виде митингов на заводах, массовых шествий по улицам наглядно показывают образ коллективного победителя. С другой стороны — это И. В. Сталин, портреты которого возвышаются на фотографиях над народом. Причем Сталин тоже двуедин — он и герой, и автор, так как название газеты содержит его цитаты, значительную площадь занимают обращения к народу от его лица и указы о награждении отличившихся бойцов. Сталин предстает не только в образе вождя-победителя, но и провидца, еще в начале войны предсказавшего верную смерть фашизма: «Пришел на нашу советскую улицу праздник. Слово Сталина сбылось. Разбит и повержен враг, он у наших ног. Капитулировал. Капитулировал безоговорочно» [1, 1].

Пафос выступлений на праздничных митингах выплескивается через край: «Выступает секретарь обкома ВКП (б) тов. Тищенко: «Советский народ был уверен в победе Красной армии потому, что ею руководил и вел ее от победы к победе гениальный полководец Верховный Главнокомандующий наш Сталин. И в эти исторические дни, в этот великий день победы первые наши слова любви, благодарности и восхищения мы обращаем к великому вождю народов товарищу Сталину <...>»

— Слава Сталину! Слава Красной армии! — неслетя из рядов. И снова долго не смолкают аплодисменты и могучее “ура!” на площади» [1, 1].

Образ вождя-победителя, к которому представители народа адресуют слова благодарности и любви, на протяжении всего 1945 г. остается ключевым и незримо возвышается над всем образным рядом того периода, что подтверждает регулярная публикация его цитат в структуре названия газеты и в качестве самостоятельных рубрик в газете.

Еще одним важным образом в послевоенных номерах является образ матери. Женщины, потерявшие в годы войны мужей, сыновей, были опорой тыла и в послевоенные годы стали главной движущей силой в восстановлении разрушенного хозяйства. Именно поэтому обращение к образу матери на страницах газеты пропитано особым уважением. В очерке «Русская женщина» И. Штейман представляет конкретную колхозницу Феклу Николаевну Бугакову, но за ней отчетливо просматривается более широкий, собирательный образ матери-земли: «Когда четыре ее сына и муж уезжали на фронт, Фекла Николаевна не уронила слезы, только до боли закусила дрожащую губу. Потом колхозница расцеловалась с детьми, с мужем и тихо сказала им: «Благословляю вас, родные мои. Крепко стойте за нашу землю. Все прощу вам, только не трусьте!» [2, 2].

Обращает на себя внимание акцент на национальности, что может показаться случайным в отдельной взятой публикации. Но на самом деле это закономерность: 25 мая в газете публикуется речь

И. В. Сталина, представляющая собой тост в честь русского народа, 27 мая «Коммуна» перепечатывает передовицу «Правды» под названием «Великий русский народ», а уже в номере за 1 июня выпускает местный отклик с таким же названием, где отдается дань ключевому вкладу русского народа в борьбу с фашизмом: «Мои русские братья — так называет русских летчиков украинец Герой Советского Союза гвардии майор Балюк. Сегодня в “Коммуне” он пишет: “Я люблю свою прекрасную Сумщину. Первое слово, которое я выучил — было украинское слово... И потому, что я люблю свою Украину, я люблю и великий русский народ. Он старший, умный, сильный брат моего народа”» [3, 1]. В дополнение к прямой речи украинца редакция использует и исторические ассоциации с былинной Русью, цитируя здесь же поэта-земляка И. С. Никитина:

*Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.*

В этом же номере вторая страница открывается большой шапкой «Народ ясного ума и богатырской силы» и цитатой И. В. Сталина: «Русский народ заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».

Образ русского воина, вернувшегося домой, ярко предстает в очерке «Пришел солдат с фронта» [4, 1]. Василий Попов и Павел Гончаров, возвратившиеся в родные села, предстают героями, прошедшими все невзгоды войны, и одновременно хозяевами новой мирной колхозной жизни. 25 июля в репортаже «Незабываемая встреча» М. Морев рассказывает о первом прибывшем в город эшелоне демобилизованных воронежцев, описывая в первую очередь простые человеческие эмоции радости и счастья от встречи родных отцов.

Идеализация образа воина-победителя — безусловная доминанта послевоенных публикаций. Солдат, прошедший войну, предстает абсолютным моральным авторитетом, который и в обустройстве мирной жизни — в колхозе, на заводе — становится примером для подражания. В очерке «Солдат на заводе» журналист показывает самоотверженную адаптацию вчерашнего воина в мирном труде: «Наутро, запуская станок, девушка бросила ему задорное:

— Поспевай за мной, солдат!

Солдат! Это слово напомнило ему о тех городах, которые пришлось отбить у врага. <...> Подумалось, что и теперь эти города нуждаются в нем, в солдате. От этих радиаторов, что собирает он, прольется тепло в застуженные войной дома» [5, 2]. Отличительной чертой конструирования образа современника, как можно увидеть, является приписывание герою собственных мыслей, что позволяет журна-

листу шире использовать художественно-выразительные средства, но отдаляет его от объективной действительности.

Уже летом 1945 г. «Коммуна» дополняет образ народа-победителя образом народа-созидателя. В периодической рубрике «Доска почета» публикуются фамилии отличившихся передовиков весеннего сева, в заметках «Никитовские хлебоборбы» (2 июня 1945 г.), «Опыт мастеров высокого урожая — всем звеньям» (9 июня 1945 г.), «Лучшая тракторная бригада в области» (13 июня 1945 г.) последовательно создается образ сельского передовика, радеющего за высокий урожай. В заметке «На сенокосе» журналист перечисляет отличившихся: «На сенокосе ежедневно работало по 130–140 косарей. От зари до зари трудились Фекла Каланчина и Мария Желтоухова, выполнявшие по полторы нормы. Впереди других шли комсомольцы Василий Кариушин, Виктор Шаршов. Крепко помогали старики. Колхозный животновод 63-летний Павел Яковлевич Семькин работал за двоих. Полторы-две нормы выполнил инвалид Великой Отечественной войны Григорий Пантелеевич Семькин» [6, 2].

Перечисляя тружеников поименно, автор тем не менее создает образ коллективного героя: передовики и стахановцы (люди разных возрастов, пола) обязательно представляют какие-либо бригаду, звено, артель, без которых в одиночку не удалось бы выполнить план сверх нормы. Даже семья в публикациях журналистов выступает образом маленького коллектива: в очерке «Честь машиниста» автор, рассказывая о добросовестном машинисте Александре Артюшкине, заканчивает текст следующим диалогом отца с сыном: «И сегодня, когда Александр Иванович сказал, что ему оказана честь вести эшелон с демобилизованными, особой теплотой заглялись глаза его жены Антонины Денисовны, а 12-летний Гена спросил:

— А хорошо проедешь, папа?

Александр Иванович потрепал сынишку по щеке и засмеялся:

— Плохо ездить нельзя. Мы — Артюшкины!» [7, 2].

Одновременно журналисты газеты создают и противоположные образы — врага народа или равнодушного лентяя, по вине которого срываются сроки полевых работ. В статье «Преступление в Иловке» автор повествует об убийстве председателя сельсовета. Виновный — Е. И. Попов — предстает типичным антигероем, который не только работал на фашистов в годы войны, но и в мирное время уклонялся от работы в колхозе. Примечательно, что принцип коллективной ответственности распространяется и на отрицательные персонажи: «Примеру Попова последовали его жена и дочь. Они тоже всячески уклонялись от работы в колхозе. А когда дочь Попова была мобилизована на работу в военную про-

мышленность, она и от этого уклонилась» [8, 2]. Дополняет портрет отрицательной семьи зять Попова, который и взялся убить председателя сельсовета.

Характеризуя образ лентяя, в заметке «Неразбериха в Борисоглебской МТС» Г. Иванов пишет: «Вот лежат на траве помощники комбайнера Бирюков и Слизов. Они лежат уже пару часов. Потом одному, видимо, надоело бездельничать, и он куда-то ушел. Но второй все еще отдыхает.

— Какое вы сегодня получили задание? — спрашиваем его.

— Никакого, — отвечает Слизов.

— А что сделали?

— Штифты в барабан ввернул.

Сам же Слизов объясняет, что для этого ему нужно примерно часа два, а больше делать нечего.

Приходится только удивляться такой вопиющей разболтанности» [9, 1]. (Иванов Г. Неразбериха в Борисоглебской МТС // Коммуна. 5 июня 1945 г. С. 1).

В номере за 17 июня Г. Иванов критикует уже МТС им. Ворошилова: «Вот комбайнерка Зинаида Лустина. Она бригадир ремонтной бригады.

— Когда думаете закончить ремонт комбайна? — спрашиваем у нее.

— А кто его знает...

— Какое вам задание на сегодняшний день?

— А мне об этом ничего не сказали. Что придется, то и делаю» [10, 2].

Примечательно, что отрицательный образ, как и положительные, вырисовывается журналистами одномерно и не допускает даже возможности какого-либо оправдания персонажа. Свидетельством этому выступают не только предыдущие публикации, но и, например, следующий диалог: «С начальником ОРСа Семилукского завода т. Рагозиным у нас на днях произошел такой разговор:

— Вы брали в колхозе молотилку с конным приводом?

— Да, брали. Привод давно вернули, а молотилку... вдребезги разбили.

— Как так?

— Она понимаете ли, — с улыбкой повествовал начальник ОРСа, — конная. А мы ее к трактору подключили. Представьте, как только запустили трактор, она в воздух поднялась.

— Что же, с колхозом думаете расплачиваться?

— А чего расплачиваться? Слепим как-нибудь и вернем» [11, 2].

Журналист намеренно формирует однобокий образ героя, который, кажется, сам своими ответами провоцирует негативное отношение к собственным поступкам.

Образ нерадивого хозяина дополняется на страницах газеты образом нарождающейся после войны бюрократии: «А пока на вокзале велись разговоры о чутком отношении к человеку, колхозница Алек-

сандра Семеновна Завьялова выписалась из больницы и, придя на станцию, решила обратиться за помощью к начальнику станции т. Бычкову.

— Что-о-о? Билет? — процедил Бычков. — Не мое дело. Закрой дверь. Иди к начальнику вокзала.

Но как только Завьялова открыла дверь в кабинет начальника вокзала Иванова, тот мгновенно замахал руками.

— Иди к начальнику станции... закрой дверь!» [12, 2].

Важно отметить, что образы современников: нерадивого председателя, ленивых колхозников, начальника-бюрократа вольно или невольно становятся в один ряд отрицательных персонажей, к которым со всей однозначностью относятся и немецкие военные преступники, суд над которыми в Нюрнберге «Коммуна» подробно описывает на протяжении последних месяцев 1945 г. Очевидно, что это не могло не повысить действенность журналистской критики в адрес соотечественников.

Значимое внимание на страницах газеты «Коммуна» того периода уделяется комсомольскому движению, которое предстает как одна из главных сил восстановления промышленности и сельского хозяйства, разрушенных в годы войны. В заметках «Работать еще лучше», «В ответ на награду», «Слово комсомолки Анны Роговой» (от 15 июня 1945 г.) комсомольцы предстают самоотверженными патриотами, перевыполняющими планы работ на заводе «Электросигнал» и в колхозе им. Калинина, либо умелыми организаторами досуга, успевающими, кроме выполнения норм полевых работ, выступать в составе культбригад [13, 2].

С 16 июля в газете «Коммуна» вводится рубрика «Комсомольская жизнь», благодаря которой образ комсомольца-активиста становится доминантным в описании молодежи послевоенного поколения.

С середины 1945 г. на страницах «Коммуны» начинают появляться статьи о восстановлении разрушенных заводов и предприятий (в годы войны по территории Воронежа и области проходила линия фронта). Хотя по количеству такие материалы, конечно, сильно еще уступают сельской тематике. Дело в том, что активное восстановление промышленности Воронежа началось лишь в 1946 г. В статьях «Наш опыт восстановления заводов» (7 июля 1945 г.), «В ответ на призыв металлургов» (8 июля 1945 г.), «Наша гордость» (18 июля 1945 г.) формируется образ строителя нового социалистического будущего. Образ современника вновь вписывается в характерный для коммунистической идеологии дуумвират крестьянства и пролетариата как главных движущих сил общества, дополняет которые интеллигенция. В 1945 г. последняя представлена чаще в качестве автора, нежели героя публикаций. В частности, на страницах «Коммуны» можно встретить серию просветительских публикаций об исто-

рии, возделывании культур и пр. за подписью профессоров и доцентов Воронежского госуниверситета и других вузов, а также периодические рецензии на театральные постановки.

Современник на страницах газеты «Коммуна» выступает не только в качестве объекта исследования, примера для подражания или порицания, он же сам в ряде случаев выступает в роли автора. Так, в публикации «Письмо Паши Лелецкой Алексею Коробову» редакция печатает 3 июля развернутое письмо бригадира тракторной бригады Бобровской МТС своему коллеге по социалистическому соревнованию. А в номере за 21 июля токарь депо Россошь в материале «До девяти норм в смену» делится опытом стахановской работы. Дух борьбы, неизменно сопровождавший героев журналистики военного времени, не исчезает со страниц, перемещаясь в русло хозяйственного соревнования, а газета при этом становится ближе к своему читателю.

В своем теоретическом исследовании М. И. Стюфляева пишет: «Сфера интересов публицистики — человек социальный. Предметная подоплека публицистического характера обусловила выдвигание на первый план социальных структур личности, системы социального кровообращения» [14, 17]. Отталкиваясь от теоретических разработок М. И. Стюфляевой, которая выделяла социальную, психологическую и проблемную разновидности исследования характера в публицистике, можно отметить, что журналисты «Коммуны» послевоенного периода наибольшее внимание сосредоточивают на социальном портрете современника. Перед нами предстают яркие образы председателя, бригадира, звеньевой, комсомольца, демобилизованного воина, агитатора. Но эти портреты в большинстве случаев однобоки, одномерны. В них нет лишних, неудобных журналисту, черт, мешающих портретной идеализации, ибо все художественно-выразительные средства направлены на внедрение в сознание читателя типичных образов/образцов для подражания. Именно поэтому в журналистике того периода гораздо слабее представлены психологический и проблемный ракурсы исследования личности. Над всеми положительными образами возвышается образ генералиссимуса И. В. Сталина, который предстает на страницах и в роли героя-победителя, и в роли автора многочисленных приказов, речей, выступлений. Образ, близкий по степени возвышения к обожествлению, сохранит свою силу вплоть до развенчания культа личности вождя уже после его смерти.

Социальная типизация во многих послевоенных публикациях имеет гипертрофированный характер: благодаря домысливанию автора за героя все комсомольцы мечтают об одном и том же будущем, все колхозники стремятся повысить производительность труда. И все это одинаковыми клишированными фразами. Лишь позже — в 70-е гг. — В. А. Аграновский

напишет: «Что еще делает журналистов мастерами, способными к “художественному вырезанию”? Я думаю, умение сохранять индивидуальность своих героев» [15, 146]. Этой индивидуальности очевидно не хватает в образе послевоенного современника.

Одномерность и однозначность приводят к тому, что герой либо положительный, либо отрицательный. В образе практически отсутствуют оттенки. Антигероям — руководителям отстающих хозяйств, болтунам, бюрократам — журналист не дает ни единого шанса на оправдание. Черты их характера так же выпукло однозначны, как и у положительных героев. В этом чувствуется очевидная недостаточность искренности журналиста с собеседником и самим собой. Также можно увидеть вполне очевидное тяготение авторов к созданию коллективного образа современника, который добивается успехов не сам по себе, как личность, а как часть коллектива (звеньевые, бригадиры).

Указанные особенности, по нашему мнению, явились закономерным следствием напряженной четырехлетней работы журналистов в условиях войны (в частности, газета «Коммуна» продолжала выходить в свет даже в месяцы оккупации Воронежа фашистами). Ибо в эти годы оттенков быть не могло, были лишь герои — защитники Родины и лютые враги. Позже, когда жизнь окончательно войдет в мирное русло, поменяется и тональность публикаций, в которых журналисты станут все пристальней всматриваться в черты характера современника и уделять больше внимания проблемной стороне, в том числе внутренним конфликтам героев.

Воронежский государственный университет

Кажикин А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики

E-mail: kzhikin2008@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Морев М. Всенародное торжество / В. Морев // Коммуна.— 1945.— № 92.— С. 1.
2. Штейман И. Русская женщина / И. Штейман // Коммуна.— 1945.— № 94.— С. 2.
3. Величие русского народа // Коммуна.— 1945.— № 107.— С. 1.
4. Ерохин А. Пришел солдат с фронта / А. Ерохин // Коммуна.— 1945.— № 142.— С. 1.
5. Ерохин А. Солдат на заводе / А. Ерохин // Коммуна.— 1945.— № 206.— С. 2.
6. Андреев П. На сенокосе / П. Андреев // Коммуна.— 1945.— № 145.— С. 2.
7. Ерохин А. Честь машиниста / А. Ерохин // Коммуна.— 1945.— № 154.— С. 2.
8. Райский Л. Преступление в Иловке / Л. Райский // Коммуна.— 1945.— № 207.— С. 2.
9. Иванов Г. Неразбериха в Борисоглебской МТС / Г. Иванов // Коммуна.— 1945.— № 111.— С. 1.
10. Иванов Г. О громких речах и никудышных делах / Г. Иванов // Коммуна.— 1945.— № 119.— С. 2.
11. Мейко В. В Семилуках грубо нарушают устав сельхозартели / В. Мейко // Коммуна.— 1945.— № 153.— С. 2.
12. Иванов Г. Закройте дверь / Г. Иванов // Коммуна.— 1945.— № 179.— С. 2.
13. Скаков П. На досуге / П. Скаков // Коммуна.— 1945.— № 132.— С. 2.
14. Стюфляева М. И. Человек в публицистике (методы и приемы изображения и исследования) / М. И. Стюфляева.— Воронеж: ВГУ, 1989.
15. Аграновский В. А. Ради единого слова / В. А. Аграновский.— М.: Мысль, 1978.

Voronezh State University

Kazhikin A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: kzhikin2008@yandex.ru

ЖУРНАЛ «ГАЛАУЕЖ»: НОВЫЙ ЭТАП В КУРДСКОЙ ПРЕССЕ

Кака Мохаммед Омер Кака

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена первому курдскому национальному изданию – журналу «Галауеж» (1939–1949 гг.). Приведена история его создания и становления. Подчеркнута роль журнала в формировании национальных и просветительских идей, в политическом и культурном единении курдского народа, борющегося за свою независимость. Журнал «Галауеж» сыграл большую роль в развитии курдской прессы, в распространении курдского языка и культуры.

Ключевые слова: журнал «Галауеж», национальное самосознание, Ибрагим Ахмед, курдская журналистика, первый курдский журнал.

Abstract: the article is devoted to the first Kurdish national edition – the magazine *Galauezh* (1939–1949). The history of its creation and formation is given. The role of the journal in the formation of national and educational ideas, in the political and cultural unity of the Kurdish people fighting for their independence was emphasized. The magazine *Galauezh* played a big role in the development of the Kurdish press, in the dissemination of the Kurdish language and culture.

Keywords: magazine *Galauezh*, national identity, Ibrahim Ahmed, Kurdish journalism, the first Kurdish magazine.

Первый номер ежемесячного журнала «Галауеж» вышел в декабре 1939 г. и продолжал систематически выходить в течение десяти лет. Это единственный курдский журнал, имеющий такую долгую историю. Ибрагим Ахмед¹, владелец и редактор журнала, в статье, посвященной изданию, писал: «В декабре этого года мы выпустили первый номер журнала “Галауеж” тиражом 600 экземпляров в Багдаде и распространяли его в районах Курдистана» [1]. Официально этот журнал был определен как «Литературный журнал, популяризирующий курдскую литературу, который обращается как к классической, так и к современной литературе» [2, 6]. Но журнал также интересовался политикой, хотя и не заявлял об этом, так как в то время иракские власти и британский мандат² не допустили бы издания курдского политического журнала.

Журнал «Галауеж» появился в эпоху революций и войн, и самым важным событием была Вторая ми-

ровая война. Журнал был предназначен для образованной части курдского населения – интеллигенции и студентов, живших в Багдаде. Его миссия состояла в том, чтобы писать и распространять информацию на курдском языке среди членов курдской общины. Это было особенно важно, потому что в то время большинство публикаций было написано на арабском языке, лишь с начала 1930-х гг. курдские студенты начали писать на родном языке, вышли первые сборники, составленные Диари Лауаном (1933 г.) и Ядгари Лауаном (1934 г.), где были представлены образцы курдской поэзии и прозы.

Можно сказать, что журнал «Галауеж» был результатом культурного движения курдских студентов, стремящихся писать на своем языке. На них оказывала влияние иракская, ливанская и египетская пресса, которая в это время была широко распространена в Багдаде. Эта пресса способствовала повышению уровня культуры и национального самосознания иракского народа, предоставляя ему актуальную информацию о событиях в мире.

Потребность выпускать журнал, хотя бы и литературный, возникла в результате ощущения разобщенности курдского народа. Редактор журнала написал в первом номере: «Я уверен, что каждому из нас стыдно, когда люди других национальностей интересуются нашей культурой и литературой, а у нас нет даже курдского журнала» [3].

Издатель журнала получил разрешение у Королевского управления на выпуск литературного журнала, но по факту в журнале регулярно размещались статьи и стихи политической направленности. Так, в

¹ Ибрагим Ахмед, курдский писатель, романист и переводчик, родился в 1914 г. в городе Сулеймания в иракском Курдистане, получил юридическое образование в университете Багдада, основал курдский литературный журнал «Галауеж». Скончался 8 мая 2000 г.

² Британский мандат представлял собой временную политическую систему, разработанную после Первой мировой войны и предусмотренную уставом Лиги Наций в 1919 г. 25 апреля 1920 г. Британии был передан Ирак, которым она управляла как колонией.

период Второй мировой войны в издании публиковались сводки о боевых действиях между Германией и Францией, Германией и Россией, бомбардировках Лондона и геноциде в Польше и Восточной Европе. Писали о нападении Японии на военный порт США, о роли Америки в этой войне, об объединении государств в борьбе против фашизма.

В седьмом номере было опубликовано политическое эссе о роли, которую может сыграть решимость народа противостоять колониальным амбициям другого государства. В эссе шла речь о нападении Японии на Китай: «Никто не ожидал, что китайский народ с его примитивным оружием сможет противостоять оснащенной новейшим оружием японской армии, которая планировала закончить войну за один год. Война продолжается уже третий год, и китайцы полны решимости сражаться. Этот живой пример нам показывает, что желание защитить родину сильнее любого оружия. Наш народ любит родину не меньше, и мы также должны стремиться к свободе» [3].

В качестве иллюстрации было опубликовано стихотворение знаменитого курдского поэта Горана, в котором рассказывается о трагедии войны, о разрушении городов, о матерях, потерявших сыновей:

راش ی ناریو ، رکشهل یگرم رازای و هجن در رهش ی اوخ یراید
نتسسخ ویتسه زان یه پروک و ب نتشوک ه ناقات کفاید و ب

Курдский поэт и критик Бекас в статье «Двадцатый век» рассказывает об ужасах войны, о более чем 50 миллионах людей из разных стран мира, погибших в этой войне, в бою либо из-за болезней или голода [3].

В редакционной статье под названием «Свобода» автор пишет: «Не считайте свою свободу мечтой, ваша свобода может стать реальностью, если вы будете работать и сражаться, как европейские люди. Мы приводим здесь беседу с исследователями из Египта Тахой Хуссейном и Мохамедом Хассанеином Хейкала, которые говорят об условиях войны, политики и свободы в нашем регионе» [3]. Статья заканчивается стихотворением знаменитого курдского поэта Длзара, говорящем о свободе, которая напоминает красную розу в саду жизни, и все народы ищут ее:

یتس مبرس در ووس ی ک ی لوگم هدره نای ژ ی غاب وان دل
یتس مبرس در وود ی مس ی لب مهل اع ی لمؤک تشک وان دل

После войны во всем мире, в том числе в Ираке и Курдистане, произошли радикальные демократические изменения. Но после января 1948 г., когда правительством Ирака было принято решение об усилении британского влияния, началось восстание иракского и курдского народов с целью свержения правительства премьер-министра Саида Салеха Джабра и отмены Портсмутского³ договора с Великобританией.

³ Портсмутский договор: договор между Королевством Ирак и Соединенным Королевством, подписанный в Портсмуте, Англия, 15 января 1948 года, и гарантирующий Соединенному Королевству многие привилегии в Ираке.

В редакционной статье редактор журнала так пишет об этом восстании: «Вы видели, что произошло 27 января 1948 года, вы видели кровь людей, слышали их крики о свободе перед наведенным на них оружием. Вы видели, как призыв к свободе обернулся залитыми кровью тротуарами и дорогами» [3].

В течение десяти лет вышло 105 номеров журнала «Галауеж», но после смены правительства в Багдаде и возвращения к власти ставленников Великобритании в августе 1949 г. журнал был закрыт.

Остановимся на роли журнала «Галауеж» в популяризации классической и современной курдской литературы. Если обратиться к истории курдской прессы, то можно увидеть, что поначалу журналистские темы освещались лишь в форме рассказа, позже политические или общественные взгляды стали оформляться в жанре статьи с использованием различных поэтических форм. В какой-то момент в периодической печати появились специальные разделы для публикации произведений литературы. Это продолжалось до 90-х гг. прошлого столетия, когда общественно-политические газеты и журналы стали выпускать собственные литературные приложения.

Курдская пресса почти сто лет занимается сбором и сохранением устной и письменной форм народной литературы [4, 89]. «Галауеж» также сыграл заметную роль в активизации литературного движения, публикуя в каждом номере произведения как классиков курдской литературы, так и современных писателей. Журнал публиковал переводы русских и западноевропейских авторов, под влиянием которых в курдской литературе получили развитие такие литературные жанры, как короткий рассказ и современный роман [5, 11].

Профессор Эзалин Мустафа Расул пишет: «Журнал “Галауеж” сыграл значительную роль в развитии литературы и курдского языка. Он собрал на своих страницах произведения различных направлений, воспитал целое поколение писателей и сыграл важную роль в повышении уровня курдской литературы благодаря публикации произведений мировой литературы. Политическое влияние журнала “Галауеж” не менее важно, чем его литературная значимость. Это был прогрессивный журнал по своему содержанию, который поднял знамя сопротивления колониализму в годы Второй мировой войны и способствовал наступлению нового этапа курдской истории» [6, 65].

В первом номере журнала так формулируются его задачи: «“Галауеж” стремится возродить курдскую литературу, сохранить национальную классическую литературу и способствовать развитию курдской литературы. Это было нашей первоначальной целью, и мы стараемся придерживаться стиля международных журналов» [3].

В разделе, посвященном поэзии, прозе и переводам мировой литературы, в рубрике «Диуани Галауеж», посвященной национальным стихам и про-

ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОРМАТ

С. В. Карпий

Донецкий национальный университет

Поступила в редакцию 15 мая 2019 г.

Аннотация: *в статье рассматривается такая разновидность коммуникативного акта, как прямое телевизионное включение, его эволюция и современное применение.*

Ключевые слова: *прямое включение, жанр, репортаж, телевидение, телемост, трансляция, вещание, телеаудитория, медиа, феномен, студия, видеосъемка.*

Abstract: *the article describes such kind of communicative act as direct television inclusion, its evolution and modern application.*

Keywords: *live broadcast, genre, reportage, television, teleconference, broadcast, broadcasting, TV audience, media, phenomenon, Studio, video shooting.*

Регулярное телевещание стало массово внедряться в мире в 1940-х гг., но еще в 1920–1930-х гг. изобретатели важнейшей своей задачей видели обеспечение высокого качества передаваемого изображения, четкости «картинки». Сначала им удалось увеличить оптико-механическую развертку с 10 до 405 строк и только затем — провести съемки за пределами студии. Со временем черно-белое вещание сменилось цветным, что с синхронной передачей звука значительно перевернуло сознание масс в отношении восприятия происходящего постановочно или спонтанно на расстоянии.

Известный исследователь телевидения и тележурналистики С. А. Муратов назвал передачу из студии «трансляцией с места события» [1, 201]. Она стала предтечей репортажа, основного телевизионного жанра, потребность в котором привела к появлению в 1948 г. ПТС — передвижной телевизионной станции, что позволило тогда осуществлять внестудийные трансляции, а в наши дни — прямые телевизионные включения. Огромная зрительская аудитория, не выходя из дома, становилась непосредственным участником важных государственных, политических, культурных, спортивных событий. Изначально ПТС передавали черно-белое изображение, с 1968 г. — цветное.

Продолжительные прямые трансляции были затратны и скучны, поэтому они уже в 1950-е гг. стали дополняться динамичными репортажами, которые создавали «эффект присутствия» и сиюминутность, живое общение человека на телеэкране со зрителем, доверительность, домашность» [2, 168].

Первый телерепортаж был снят в 1955 г. на фабрике «Красный Октябрь». В следующем году посредством двух ПТС и телеприемников зрители впервые

на расстоянии могли следить за парадом на Красной площади, а в 1961 г. — за встречей Юрия Гагарина. Вскоре репортаж стал неотъемлемой частью информационно-аналитических телепередач того времени, что привело к росту аудитории (1 млн. телезрителей в 1950-е гг.) и количества телецентров, способных обслуживать определенные территории.

Революцией на пути к появлению «прямого включения» как специфического телеформата стал запуск спутника (1957 г.), что обеспечило межконтинентальную связь в реальном времени и проложило путь дальнейшему развитию прямых трансляций, телевключений, репортажей и т.д. Этого могло и не произойти, если бы не было очевидного спроса на бесперебойную аудио-, видеосвязь в реальном времени из любой точкой мира.

Впервые прямые телевизионные включения стали проводиться в 1965 г. Именно тогда и удалось совершить выход в эфир с помощью камер ПТС, который тогда называли «врезками». Журнал «Советское радио и телевидение» писал: «До последнего времени в редакции “Телевизионных новостей” велась дискуссия о том, стоит ли “гонять” ПТС на завод для того, чтобы в один из выпусков новостей включиться на 3–4 минуты. Опыт “Московских новостей” показывает, что стоит. Расскажу об одном случае: выпуск “МН”, посвященный инициаторам движения за личный подарок XXII съезду КПСС, состоял почти весь из киносюжетов, и вот включили репортаж из карбюраторного завода. Как же серо выглядели на его фоне обычные киносюжеты! Небольшие интервью, взятые у передовиков производства прямо в цехе, у станков, намного украсили передачу. Врезки с ПТС будут давать теперь регулярно» [3, 76]. Реализация данного феномена на экране произвела неизгладимое впечатление не только на зрителей, но и на самих работников телевидения, которые до этого не дела-

ли ничего подобного.

С развитием прямого телевизионного включения как совершенной формы оперативного сообщения с места событий, а затем и потоковых мультимедиа появилась необходимость в дифференциации таких понятий, как «прямая трансляция», «псевдопрямое включение», «прямая линия», «телемост», «видеообращение», «телемарафон», «видеоконференция», «селекторная коммуникация», «видеоблогинг», «стрим-вещание», «онлайн-вещание» и т.д., которые обозначали и обозначают конкретные разновидности телевизионных форм и жанров.

Телемост, осуществленный посредством спутниковой связи между Европой и США (1962 г.), стал последним толчком в развитии эфирного вещания. Для проведения прямого включения в наличии был весь съемочный комплекс (ПТС, спутниковая связь, аппаратура), но его внедрение как нестандартной формы подачи репортажа произошло намного позже — до этого усовершенствованию на ТВ поддавались существующие форматы вещания. Оперативность как стандарт журналистики не реализовывалась на экране в полной мере, а корреспонденты не имели возможности приобретать необходимые навыки для проведения репортажа в прямом эфире: такая возможность была лишь у ведущих. В 1970-е гг. с появлением видеоманитной записи телепередач процесс эволюции прямоэфирного вещания замедлился. Тогда, пишет С. А. Муратов, «прямые трансляции некоторыми критиками объявлялись атавистическим пережитком» [4, 241]. Однако видеозапись породила «псевдопрямое включение», или «псевдопрямую трансляцию». Дальнейшему развитию прямого телевизионного включения послужил запуск в США (1980 г.) первой в мире спутниковой сети новостей CNN.

В СССР естественной эволюции прямого телевизионного включения препятствовало и господство цензуры. До перестройки спонтанное вещание было невозможным без согласования и утверждения. Реформа системы СМИ, появление трех основных телеканалов и множества различных информационных передач, которые транслировались «Московской телерадиовещательной компанией», ВГТРК, «Останкино», кардинально изменили телевидение, где гла-

венствовать стали передачи, выходявшие в прямом эфире: «Пятое колесо», «120 минут», «600 секунд», «ТСН», «АТВ» (авторское телевидение), еженедельная передача «7 дней», «ДВМ» («Добрый вечер, Москва!») [5]. Данные факты способствовали появлению в телевещании и прямого включения как составляющей интерактивного телевидения.

Подталкивало к регулярному использованию феномена западная практика вещания, использовавшая для этого спутниковую связь. Флагманом на этом пути уже в 1991 г. стал телеканал CNN, журналисты которого использовали компактный технический комплекс для передачи в студию зрелищной информации с поля боевых действий.

Таким образом, прямое включение как специфический телеформат возникло в результате достижения в изучении магнитных и электрических полей и появления кино («эффект присутствия») в конце XIX в.; изобретения электронного телевидения, массового производства телеприемников и показа первой телевизионной программы в 1930-е гг.; появления ПТС в 1940-е и цветного телевидения в 1950-е. Следует отметить также утверждение репортажа как основного жанра телепублицистики (1955 г.), проведение первого телемоста (1962 г.), применение прямых телевизионных включений — «врезок» (1965 г.). На развитие этого формата в нашей стране повлияли как научно-технические достижения (запуск космического спутника, видеоманитная запись телепередач и др.), так и социально-политический фактор (период гласности, перестройка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратов С. А. Телевизионное общение в кадре и за кадром / С. А. Муратов. — М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Саппак В. С. Телевидение и мы: Четыре беседы / В. С. Саппак. — М.: Аспект Пресс, 2007.
3. Козловский В. Н. Телевидение. Взгляд изнутри. 1957–1996 годы / В. Н. Козловский. — М.: Готика, 2002.
4. Муратов С. А. Телевидение: эволюция нетерпимости / С. А. Муратов. — М.: Логос, 2000. — С. 241.
5. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов) / Р. П. Овсепян. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

*Донецкий национальный университет
Карпий С. В., старший преподаватель кафедры журналистики, аспирант
E-mail: eskalive25@gmail.com*

*Donetsk National University
Karpuy S. V., Senior Lecturer of the Journalism Department,
Postgraduate Student
E-mail: eskalive25@gmail.com*

ЦВЕТ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕЧАТНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Э. Р. Минлибаева

Башкирский государственный университет

Поступила в редакцию 31 марта 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению применения цвета в печатной рекламе, являющегося одним из действенных способов реализации манипулятивной стратегии. Устанавливаются закономерности использования цветовой палитры в современной немецкоязычной печатной рекламе безрецептурных препаратов.*

Ключевые слова: *цвет, манипуляция, печатная реклама, дизайн, психологическое воздействие.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the use of color in print advertising, which is one of the effective ways to implement a manipulative strategy. The regularities of the use of the color palette in modern German-language print advertising of over-the-counter drugs are established.*

Keywords: *color, advertising image, manipulation, print advertising, design, psychological impact.*

Язык медиа задает образцы решения различных коммуникативных задач с помощью комплекса языковых и неязыковых средств, и, как языку художественной литературы, ему свойственна экспрессивность и стилистическое разнообразие [1, 436; 2, 5]. Немаловажную роль в этом играет цветовое оформление текста, поскольку использование цвета в рекламе является одним из основных приемов управления предпочтениями людей. Анализ внелингвистических средств, задействованных в процессе репрезентации текстов различных видов и функциональной принадлежности, стабильно привлекает ученых [1, 194].

Материалом данного исследования послужили рекламные тексты, опубликованные в таких журналах, как *Cosmopolitan*, *Active Woman*, *B Mom*, *Der Stern*, *Der Spiegel*, *Focus*, *Gesundheit*, *Für Sie*, *Petra*, *Reader's Digest*. В ходе исследования были использованы описательный метод, метод контекстуального анализа.

Несомненно, в идеале все элементы в рекламе должны быть связаны между собой и направлены на создание определенного рекламного образа. Ключевыми элементами, однако, могут быть не только слоган, вербальные средства в целом или структурно-композиционные особенности текста. Для прочтения слогана или основной информации о товаре требуется определенное время, а цвет привлекает внимание, даже если адресат не заинтересован в прочтении рекламы. В его сознании откладывается та цветовая гамма, которая была использована в текстах рекламы. У адресата подсознательно создается определенное настроение. При этом составители рекламы опираются на жизненные ценности целевой аудитории, ее гендерные и возрастные особенности. Анализ показал, что рекламодатель

прежде всего пытается, как правило, использовать в тексте рекламы ту же цветовую палитру, которая представлена на упаковке препарата (речь идет о рекламе безрецептурных препаратов).

Исходной точкой построения цветопсихологической диагностической системы является интуитивно созданная концепция связи основных цветов с определенным настроением и специфическим характером отношений человека с окружающими. Существует цветотест, разработанный на основе масштабных статистических исследований, в результате которых автору удалось установить объективный характер психологических значений различных цветов [3, 3].

Для того чтобы понять, каким образом цветовая палитра может влиять на потребителей, необходимо в первую очередь выделить основные задачи, решаемые при помощи использования различных цветов в рекламе. Кроме того, восприятие цвета связано не только с физиологическими факторами, но и с генетической памятью. Цвет также играет разную роль в национальных культурах. В общем, при создании имиджа товара все эти моменты внимательно учитываются.

Установлено, что цвет в 60% случаев предопределяет одобрение или отказ от рекламируемого продукта [4, 88]. Определенные цвета привлекают соответствующих покупателей. Доказано также, что именно удовольствие связано с принятием решений о покупке, поэтому рекламисты стараются создать такую рекламу, которая будет вызывать только положительные эмоции. Можно выделить три основных типа цветовой символики: цвет сам по себе, цветовое сочетание, соединение цвета и формы [5, 194; 6, 318; 7, 230]. В печатной рекламе определенная комбинация цветов является важной частью дизайна рекламы, поскольку позволяет привлечь внима-

ние к наиболее важным элементам, сделать акцент на основной информации [8, 137; 9, 27; 10, 86]. В современных исследованиях подчеркивается, что «с позиции антропоцентрической парадигмы, которая испытывает воздействие соответствующих философских и общенаучных постулатов современной эпохи, осуществляется попытка широкого подхода к интерпретации сущности языка и текста. Происходит изменение ракурса их исследования, и на первый план выдвигается функциональная, или коммуникативно-прагматическая, сторона анализируемых объектов» [11, 229].

На основе текстов печатной рекламы безрецептурных препаратов можно заметить, что доминирующими здесь являются белый, голубой, синий и зеленый цвета, комбинирующие между собой. Красный цвет в качестве основного фона никогда не использовался, а применялся только для выделения какой-то важной информации (особенности продукта, новинка, контактные данные), либо слогана. Такие яркие цвета, как оранжевый и желтый, преобладали чаще в рекламе витаминов в сочетании со спокойными цветами, например зеленым и белым. Фиолетовый и синий в качестве фона или вспомогательного цвета использовались в основном в рекламе успокоительных препаратов, анальгетиков. Что касается шрифтов, то информация, помимо черного и белого цветов, часто выделялась красным, голубым и зеленым цветами. В целом фиолетовый, синий и зеленый цвета создают ощущение стабильности и качества.

Использовались вспомогательные цвета (салатовый, лавандовый, бордовый и нефритовый) и чаще всего салатовый: он позволяет сделать рекламу ярче и способствует бодрому настроению (Freundin, № 21, 23.09.2017).

Такие теплые цвета, как бежевый, желтый, оранжевый, розовый и красный, имеют одинаковый эффект, поскольку привлекают внимание адресатов, придавая товару особую притягательность. Лавандовый цвет передает ощущение свежести и эстетичности.

В то же время холодные светлые цвета могут создать впечатление профессионализма и современности. В рекламе Remifemin Plus лавандовый цвет в сочетании с салатовым присутствует и на упаковке, и в тексте рекламы.

Белый цвет, преобладающий среди других цветов в проанализированных примерах нерепетурных препаратов, означает чистоту, совершенство, свободу. Белый, серый и черный цвета помогают создавать контрасты и подчеркивать все остальные цвета. Сами по себе они не несут определенного сообщения. Нейтральные цвета играют вспомогательную роль для других оттенков [12, 2].

Голубой цвет близок к синему; символизируя небо, он означает уверенность и доверие. Данный цвет очень часто применяется как основной фон

в рассмотренных нами примерах рекламы, в том числе препарата от боли в животе. В рекламе Lactrase преобладающим цветом является голубой, который в сочетании с белым символизирует молоко. С помощью данного цветообозначения реклама выглядит максимально привлекательной, особенно для тех, кто нуждается в препаратах, помогающих расщеплять лактозосодержащую пищу: Milchprodukte unbeschwert genießen (Cosmopolitan, 11.2018).

Синий цвет также ассоциируется с атмосферой доверия, безопасности и духовности. В цветотерапии его используют для восстановления сил при стрессах. Темно-синий цвет является цветовым выражением одной из основных биологических потребностей: физиологически — покоя, психологически — удовлетворения, то есть наступления мира. Человек находится в состоянии гармонии, безопасности, не чувствует напряжения.

При взгляде на темно-синий наступает успокоение, и организм настраивается на щадящий режим и отдых. При заболеваниях и депрессии возрастает потребность именно в синем цвете [3, 25]. В рекламе седативных препаратов синий цвет является преобладающим. Благодаря использованию данного цвета уменьшается нервное напряжение, ср.: *Entspannt im Magen — entspannt durch den Tag* (Focus Gesundheit, № 27, 11.2017); *Mit Bullrich geht's mir gut* (Für Sie, № 13, 22.05.2016); *Beruhigt und fördert die Heilung* (Für Sie, № 14, 08.06.2016).

В рекламе лекарственных препаратов и продуктов питания зеленый цвет встречается довольно часто, поскольку из всего цветового спектра представляет собой самый экологичный цвет: он символизирует природу и окружающую среду практически во всех культурах. В проанализированных текстах реклам безрецептурных медицинских препаратов именно данный цвет чаще всего применяется как вспомогательный фон. Зеленый цвет снимает напряжение, способствует расслаблению и относится к категории релаксирующих цветов [13, 56; 9, 9]. Например, в рекламе Venostasin преобладает зеленый цвет, который символизирует надежность и спокойствие (Reader's Digest, 07.2018). Покупатели будут верить в то, что данный продукт сделан из натуральных компонентов. В сочетании с бордовым цветом он как бы символизирует женственность, показывая, что препарат помогает сохранить красоту ног. Данный цвет часто применяется в рекламе различных витаминов, препаратов от кашля, мазей от ссадин и варикоза.

Вместе с тем желтый цвет всегда ассоциируется с радостью, оптимизмом, бодростью [14, 245]. В этом цвете заинтересован человек, который хорошо отдохнул, восстановил силы и испытывает потребность к энергичным действиям. Все, что озаряется солнцем, становится светлым и благодаря световому рефлексу получает желтоватый отблеск. Желтый цвет — легкий, сияющий, возбуждающий и согре-

вающий — используется в основном в рекламе витаминов, например, Zinkletten Verla (Für Sie, № 23, 12.10.2017). Для подчеркивания натуральности продукта желтый цвет применяется вместе с зеленым, который одновременно освежает и успокаивает, создавая ощущение отдыха.

Относительно оранжевого цвета следует заметить, что это освобождающий и раскрепощающий цвет. Как и желтый, он придает бодрость и усиливает эмоции, поднимая настроение человека. В рассмотренных примерах рекламы безрецептурных препаратов он используется довольно часто, воздействуя в основном на импульсивных покупателей, любящих активный образ жизни. Цвет даже помогает почувствовать вкус продукта и влияет на вкусовые ощущения. Теплые цвета могут придать продукту сладкий вкус, а холодные — кислый [15, 43; 16, 58]. Например, в рекламе Mangesium Verla (Freundin, № 18, 12.8.2017) оранжевый используется с целью показать витаминный комплекс как очень сладкий, приятный на вкус, подобно грейпфруту, изображенному на упаковке. В данном случае задействуется цветовая память, которая активизирует и другие виды памяти, например вкусовую память.

Красный цвет — символ энергии, шарма и силы — замечается в первую очередь. Его используют очень осторожно, поскольку данный цвет может вызвать и отрицательные эмоции. Красный цвет применяют не только в рекламе, но и на дорожных знаках-запретах. Этот цвет редко используют как основной фон, поскольку он раздражает нервную систему. В рекламных текстах им могут выделять, например, информацию об очень высоких скидках, выгодных предложениях, невероятных открытиях, ср.: *Erste Hilfe aus der Natur* (Brigitte, № 13, 10.06.2016); *Die Nr.1* (Cosmopolitan, 11.2018); *Prospan Hustensaft. Für Säuglinge ab 1 Monat!* (Woman, № 17, 14.08.2017); *Zink ist wichtig!* (Für Sie, № 13, 22.05.2016).

Самым загадочным цветом является фиолетовый, совмещающий в себе холодный и теплый цвета — красный и голубой. Данный цвет относится к успокаивающим цветам, способствуя отвлечению от внешнего мира и сосредоточенности. Обычно в рекламе данный цвет применяется производителями с целью показать свою опытность и мудрость. Фиолетовым, например, выделяется слоган успокоительного *Seda-Plantina: Innere Ruhe wiederfinden, die eigene Kraft spüren* (Freundin, № 22, 07.10.2016).

Применение цвета в рекламе безрецептурных препаратов обусловлено дизайном упаковки препарата. Даже на фотографиях используются такие же оттенки цветов, которые встречаются на упаковках рекламируемого товара.

Итак, цвет помогает воплотить эмоции: цветовые предпочтения в какой-то определенный момент являются индикатором эмоциональных состояний человека. При переживании положительных эмоций

человек предпочитает красный и желтый цвета, при переживании отрицательных эмоций — голубой или зеленый [17, 36; 18, 216; 19, 201; 20, 56].

Цвет представляет собой хранилище памяти, определенного эмоционально-чувственного опыта. Как и вербальные средства, он также несет в себе определенную информацию и служит достижению эффективной коммуникации. И если слова зависят от контекста, то цвет сам по себе понятен и без интерпретации. Действия каждого цвета и специфика его внутреннего значения не зависят от отношения человека к нему. Цвет может нравиться или не нравиться, но характер его влияния, специфика и воздействие на психику человека остаются неизменными, вне зависимости от состояния его организма в момент воздействия. Символическое значение цвета, его психологический код имеют объективный характер и не зависят от положения того или иного цвета в ряду индивидуального предпочтения.

Так и в рассмотренных нами текстах немецкой рекламы безрецептурных препаратов цвет играет значительную роль. Удачный подбор цветов позволил сделать рекламируемые препараты намного привлекательнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таюпова О. И. Экстралингвистические особенности текстов / О. И. Таюпова // *Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы.* — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 194–199.
2. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014.
3. Драгунский В. В. Цветовой личностный тест / В. В. Драгунский. — Минск: Харвест, 1999.
4. Байбардина Т. Н. Торговая реклама непродовольственных товаров / Т. Н. Байбардина, О. А. Бурцева, Т. Л. Процко. — Минск: Вышэйшая школа, 2016.
5. Безлатный Д. В. Психология в рекламе — искусство манипуляции общественным сознанием / Д. В. Безлатный. — М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011.
6. Карпова С. К. Рекламное дело / С. К. Карпова. — М., 2018.
7. Нордфальт Й. Ритейл-маркетинг: Практики и исследования / Й. Нордфальт. — М.: Альпина Паблишер, 2015.
8. Рэбхэн Б. От кликов к продажам. Как повысить продажи через оптимизацию конверсии / Б. Рэбхэн. — М.: МИФ, 2015.
9. Kütke E. Marketing mit Farben: Gelb wie der Frosch / E. Kütke. — Wiesbaden: Gabler Verlag, 2002.
10. Willems H. Theatralität der Werbung: Theorie und Analyse massenmedialer Wirklichkeit: Zur kulturellen Konstruktion von Identitäten / H. Willems, Y. Kautt. — Berlin: De Gruyter, 2011.
11. Таюпова О. И. Антропоцентричность текстов массмедийного дискурса / О. И. Таюпова // *Российский гуманитарный журнал.* — 2018. — Т. 7. — № 3. — С. 223–231.
12. Таюпова О. И. Реклама как вид медиатекста /

О. И. Таюпова // Российский гуманитарный журнал.— 2017.— Т. 6.— № 5.— С. 435–443.

13. Байбардина Т. Н. Психология рекламы: практикум / Т. Н. Байбардина, В. Л. Кузьменко, О. А. Бурцева.— Минск: Высшая школа, 2014.

14. Хамидова В. Р. Гипнотические манипуляции. Манипуляции подсознания / В. Р. Хамидова.— М.: РИПОЛ классик, 2007.

15. Егорова Е. С. Цвет и ваше здоровье / Е. С. Егорова.— СПб.: Весь, 2012.

16. Richenbach M. Wie wirken Farben in der Werbung? / M. Richenbach.— Режим доступа: [https://www.ksasz.](https://www.ksasz.ch/images/PDFDokumente/Maturaarbeiten/2012/4B/4b_rickenbach_melanie.pdf)

ch/images/PDFDokumente/Maturaarbeiten/2012/4B/4b_rickenbach_melanie.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

17. Белая А. К. Цвет в природе, бизнесе, моде, живописи, воспитании и психотерапии / А. К. Белая.— Киев: ИП Стрельбицкий, 2013.

18. Пырьев Е. А. Психология труда / Е. А. Пырьев.— М.: Директ-Медиа, 2016.

19. Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как читать мысли других людей и незаметно управлять ими / Х. Фексеус.— М.: АСТ, 2015.

20. Hoffmann D. Farben in der Werbung / D. Hoffmann.— München: GRIN Verlag, 2007.

*Башкирский государственный университет
Минлибаева Э. Р., аспирант кафедры немецкой филологии
E-mail: el.sapiente@bk.ru*

*Bashkir State University
Minlibaeva E. R., Postgraduate Student of the German
Philology Department
E-mail: el.sapiente@bk.ru*

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ СЕТЕВОМ МИРЕ

О. А. Сусская

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Поступила в редакцию 20 апреля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается связанная с развитием интернет-технологий и цифровых коммуникаций проблема активного употребления заимствований (преимущественно англицизмов) в русской разговорной и письменной речи.

Ключевые слова: заимствования, русский язык, новые средства коммуникации, сетевые технологии, коммуникация, информационный обмен.

Abstract: the article deals with the problem of active use of borrowing (mainly Anglicism) in Russian speaking and writing, associated with the development of Internet technologies and digital communications.

Keywords: borrowings, Russian language, new means of communication, network technologies, communication, information exchange.

Филологическая наука, в частности семиология и семиотика (как наука о знаковых системах) оперируют знаковыми единицами вербальной либо невербальной информации — «маневрирование» знаками и в целом знаковыми системами (например, визуальными и аудиальными знаками в их сочетании) дает возможность обеспечить действие манипулятивных приемов, поскольку «фиксирует» социальную реальность в сознании реципиента, но в такой форме и с таким содержанием, которое необходимо (выгодно) в данном случае. В этом заключается действие рекламы, создание имиджевых единиц (образов элит, политических деятелей и проч.). Иконические, индексационные и символические знаки задают лишь первичную систему координат, над которой «трудится» манипулятор, вмешиваясь в содержание реальности (и зачастую — изменяя его) в нужном для него направлении.

Представители многих дисциплин (коммуникативистики, социологии, политологии, социо- и психолингвистики, социальной психологии), как и лингвисты, часто подчеркивают манипулятивность современного политического и медиадискурса. Воздействие на массовое сознание, столь активно изучаемое в конце XX в., не перестало интересовать ученых-лингвистов и представителей смежных отраслей социальных наук. Среди инструментов описания «репертуара» средств воздействия: манипулятивные маркеры (В. В. Богданов, Дж. Голдберг, М. М. Назаров, Г. Г. Почепцов, И. С. Черватюк), стратегии и тактики речевого воздействия (Л. М. Землянова, О. С. Иссерс, В. П. Конечская, В. В. Красных, Л. Г. Свитич, В. В. Тулупов, В. А. Шарков, Е. И. Шейгал, Г. Г. Щепилова), определенные принципы медиади-

скурсивного воздействия, «риторические трюки» (И. В. Анненкова, Р. Броди, Е. А. Кожемякин, Г. Я. Солганик, О. А. Сусская и др.), лингвистические «ловушки» и приемы PR-технологий в Интернете (Г. П. Бакулев, К. Гуд, А. А. Калмыков, И. И. Засурский и др.). Анализ порождаемого личностью дискурса (в том числе если этот дискурс представлен в социальных сетях) всегда дает представление об индивидуальных особенностях коммуникативной компетенции [1], о скрытых («латентных») процессах языкового сознания, составляющих своеобразие дискурсивного мышления человека.

Вторая половина XX в. прошла под лозунгом: «Создадим общество идеального потребления», соответственно, воспитывая и взращивая «идеальных потребителей», общество предполагало сохранить и себя как структуру, обеспечивающую качество и культуру этого массового потребления. Однако процесс потребления всего и вся пошел так быстро и зашел так далеко, что общество вынуждено было собирать себя «по кускам», а о культуре потребления (в том числе культуре языка, слово- и терминопотребления) просто постепенно стали забывать в угоду всесильной выгоде. В массмедийной рекламе, дискурсе телевидения, радио и интернет-сетей стал распространяться сленг, порожденный компьютерными технологиями, но не всегда уместный и воспринимаемый большинством аудиторий. С появлением Интернета ситуация лишь внешне изменилась, сменив названия: аудиторией печати, радио и телевидения были потребители, аудиторией же Интернета стали «пользователи». Действительно, как пишет о них Говард Рейнгольд, создается иллюзия, что они сами себе хозяева, и «самый важный вопрос по поводу этой новой перемены в связке власть — знание состоит в том, подготовит ли она почву для

противодействия, что удивило бы Адорно, Хоркхаймера и Бодрийяра, или же это очередной симулякр, симуляция противодействия тем, у кого на руках все «бабки» [2, 277].

Филологами давно определено, что процессы заимствования и освоения иноязычной лексики происходят в разных языках, чаще всего по одним и тем же причинам (как собственно языковым, так и социально-психологическим):

а) собственно языковые причины — это потребность в наименовании нового явления, новой вещи, аппарата, технического средства и тому подобное, например, *кинематограф, телевидение, радио, компьютер, монитор, транзистор, видеоклип*;

б) социально-психологические причины заимствований:

- коммуникативная актуальность обозначаемого нового понятия (если это понятие затрагивает жизненно важные интересы многих индивидов или групп);
- частотность употребления заимствований достаточно высока, они легко образуют производные слова, ими пользуются представители обычно какой-то общей профессиональной сферы (например, компьютерщики);
- восприятие иностранного слова представляется его носителям более престижным или красиво звучащим;
- эмоционально-окрашенный фон словоупотребления, создаваемый либо ситуацией общения, либо общей социальной обстановкой: возникающая необходимость разграничить близкие, но все же различающиеся понятия, например, вместо «уют» — комфорт, вместо «страх» — паника, в сфере услуг: замена «обслуживания» — сервисом, в сфере СМИ: «сообщение» — информация;

в) специализация понятий, необходимость которой возникает в конкретной области: в логистике, например, «вывоз» — экспорт, в международной политике «предупредительный» — превентивный, в радиотехнике и электротехнологиях «преобразователь» — трансформатор, транзистор, репродуктор.

Наиболее универсальной причиной заимствований можно считать концентрацию значения (или по аналогии с фонетикой — «стяжение») в тех случаях, когда происходит замена описательного наименования одним словом, например: «метроном» (прибор для отсчитывания ритма), «стайер» (бегун на длинные дистанции), «спринтер» (бегун на короткие дистанции), «снайпер» (меткий стрелок), «сейф» (несгораемый шкаф), сервант (шкаф для посуды) и т.д.

Как отмечает О. Ширманова, среди причин заимствований, предложенных еще Л. П. Крысиным, акцентируются такие сферы использования иноязычной лексики и вместе с этим социальные моменты, как:

- потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т.п.;
- необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия;
- необходимость специализации понятий — в той или иной сфере, для тех или иных целей [3].

Тенденция заключается в том, что цельный, а не расчлененный на отдельные составляющие объект, обозначается цельно, нерасчлененно — одним словом, а не с помощью сочетания слов. По способам образования можно выделить следующие активно пополняющиеся группы заимствований: прямые заимствования, калькирование, гибриды.

Лексические единицы, заимствование которых произошло прямым способом, очень адаптированы и уже прижились в русском языке; они прошли и морфологическое, и фонетическое освоение. Выяснить, что они заимствованные, можно только при глубоком этимологическом исследовании (например, *торт, клуб, газон, спорт*). Данный способ является наиболее распространенным. Он осуществляется с помощью транскрипции и транслитерации. Транскрипцией здесь достигается фонетическая «запись» или освоение иностранных слов и дальнейшая транслитерация их русскими буквами, уже с учетом их произношения, например: «фейк» (от англ. fake — подделка), «бойфренд» (от англ. boyfriend — друг), «провайдер» (от англ. provide — снабжать, снабжающий, обеспечивающий), «бизнесмен» (от англ. businessman — деловой человек) и др. Существенно, что в последнее время активизировалась *прямая транслитерация* — заимствование, при котором буквы заимствуемого слова просто заменяются буквами русского языка, например, «хобби» (hobby — от англ. увлечение), «треш» (trash — от англ. мусор, макулатура), «бест» (best — от англ. лучший), «дизастер» (disaster — от англ. несчастье), «литл» (little — от англ. маленький).

Благодаря развивающимся межкультурным связям и новым отраслям деятельности появились такие названия профессий, как: *дизайнер, пиарщик, рекламист, компьютерщик* и пр.; активизировалось наполнение языковой среды так называемыми гибридами-заимствованиями. Подобные заимствованные слова приспособляются к русским фонетическим и морфологическим нормам путем добавления к английскому слову русского суффикса, например, «лайкнуть», «хакнуть», «аскатъ», «распиаренный». В словарь делового человека 90-х гг. прочно вошли такие англицизмы, как *бейдж, классификатор, ноутбук* и его новые разновидности: *аудиобук и пауэрбук; органайзер, пейджер и твейджер, таймер, сканер, тюнер, тонер* и другие» [4].

Следующий известный способ образования заимствований — *калькирование*, который можно рассматривать и как процесс заимствования, и как про-

цесс словообразования. Упомянем следующие виды калькирования:

а) *лексический*: калька возникает в результате перевода иноязычного слова частями, например, skyscraper — «небоскреб», stonemason — «каменщик»;

б) *семантический*: искомые слова, кроме значений, присущих им в лексической системе русского языка, получают новые значения под влиянием другого языка, например, слово «картина» — произведение искусства, под влиянием английского языка приобрело дополнительное значение «кинокартина», в то же время film (от англ. — «пленка»), т.е. «фильм» — стало обозначать кинофильм. В обоих случаях сказалась и многозначность исходного английского слова, и словообразовательная гибкость, податливость относительно приращения смыслов.

Отдельную группу заимствований составляют так называемые *экзотизмы*. Здесь не меняется изначальное значение слова, оно переходит в другой язык в соответствии со своей изначальной денотацией — прямым либо явным значением слова, называющего предмет или явление, которого до этого не было в языке — «преемнике» заимствования. Быстрое освоение этих слов русским языком возникает как при переводе художественных произведений и межкультурных взаимодействиях, так и в связи с распространением новых технологических изобретений и их совершенствованием. Многие исследователи (М. А. Брейтер, А. И. Дьяков, В. А. Лазарев, Л. А. Карпова, Г. Н. Складарская и Е. Ю. Ваулина и др.) связывают процессы проникновения и освоения заимствований в первую очередь с быстрым развитием деловых и торговых отношений между разными странами (что в свое время, по мнению Л. П. Крысина, В. С. Костомарова, С. Флекснера и др., дало толчок для развития лингвострановедения), а впоследствии — с развитием науки, техники, средств массовой информации и сферы развлечений, а также с распространением Интернета и социальных сетей. В основном указываются внутрилингвистические причины заимствований. Что касается внешних, экстралингвистических, причин заимствованию англоязычной лексики способствует активизация связей с Западом, расширение контактов, глобализация медиакommunikативного пространства.

Повлекшее изменения в менталитете русскоговорящих людей распространение компьютерных технологий, в частности мобильного Интернета, не могло не повлиять на расширение спектра заимствования англицизмов, пик которых приходится на конец XX в. и первые десятилетия XXI в., знаменующие вхождение в «информационное общество». Известные лингвисты Ю. К. Волошин, К. Афоничев, М. А. Брейтер и др. [4; 5; 6] отмечают, что это происходит преимущественно по следующим причинам:

- отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора,
- в случае сосуществования заимствования и исконного или ранее освоенного наименования,
- функция англицизмов заключается в обозначении западной реалии или стилистической маркировке текста, а «русские эквиваленты используются для описания русской действительности: “Князь тьмы” — чистой воды хоррор» [5].

Социопсихологический подход к проблеме заставляет обратить внимание на то, что в компьютерной среде все-таки больше «обитают» люди, нежели машины, о чем свидетельствует и компьютерный сленг. Ибо нет более человеческого качества, чем чувство юмора; оно у большинства компьютерщиков есть, иначе не появились бы смешные словечки типа «винда» — вместо Windows, «видяха» — видеокарта, «комп» — вместо компьютер, «чайник» — человек, только начинающий разбираться в компьютере, «карлсон» — вентилятор в компьютере, точнее — в системном блоке (который «чайники» называют «процессором»). «Интересно, что здесь есть и обратное явление. Появляется синонимичный термину жаргонизм, образованный от слова, уже давно закрепившегося в русском языке: «форточки» — фамильярное название операционной системы Microsoft Windows (дословно — «окна») [Ibid].

В сетевом сленге и сленге компьютерщиков, например, можно встретить лексемы «зачекиниться» — от англ. check-in (регистрация); «игнорить» — от англ. ignore (игнорировать), «скринить» — от англ. screen (экран) и т.п. Среди участников компьютерных игр развивается «игровой жаргон»: *ходилка, леталка, стрелялка*, а программы-утилиты приобретают в сленге компьютерщиков также шуточные названия: *смотрелка, сжималка, чистилка*; названия значков на экране компьютерного монитора — «иконки»; «кликнуть» — от англ. to click (щелкать) — действие на клавиатуре, «видяха» — видеокарта и др.

Около трех десятилетий прошло со времени активизации внедрения персональных компьютеров, а профессиональный сленг компьютерщиков уже стал предметом пристального интереса лингвистов [7]. Грамматическое освоение русским языком некоторых заимствований сопровождается морфологическим и словообразовательным «освоением» этих лексических единиц в соответствии с языковыми системами и правилами, присущими русскому языку. Например, такие выражения, как «залогиниться» (войти в систему, ввести учетные данные), «оффнуть» (выключить систему), «ребутнуть» (перезагрузить), «делитнуть» (удалить). Производные лексемы термина zip (архивация, программа для создания архива): «зиповать», «зиповский»; от команды ping — «пинговать» (проверить доступность чего-либо с помощью команды

ping); наиболее широко распространенная лексема «юзер» (от англ. — «пользователь») создала гнездо однокоренных слов: «юзерский», «юзеромания» и др.

Особое место занимает вопрос о засорении речи неоправданно употребляемыми заимствованиями (преимущественно англицизмами), особенно в тех случаях, когда есть аналогичное по значению слово родного языка [8]. Неоправданное использование в русской речи иностранных слов неясного происхождения либо неологизмов не только засоряет речь, но и искажает ее смысл и лишает речь одного из основных признаков — точности. Например, молодежь создает собственную субкультуру, в частности свой жаргонный язык, который отличается от общепринятого языка. В последнее время молодежный жаргон и в целом язык засоряется в связи с развитием компьютерных технологий. В Интернете, социальных сетях заметно активное проникновение *варваризмов* (филологи считают, что ежедневно в русский язык вливается по 6–7 варваризмов). Молодежь активно их впитывает, хотя некоторые выражения требуют специального перевода на русский язык [9]. Например, «айпешка гакнулаась» (айпад поломался), «вайфайка дисконнектнулаась» (Wi-Fi отключился), «мой комп глючит» (компьютер плохо работает), «супердисконт на мобилы» (акция на очень дешевые телефоны).

Экспансия цифровых технологий привнесла в дискурсивные практики свои условия и открыла новые закономерности. В использовании компьютерных сетей, кроме способностей владения речью и текстом, весьма важным является выбор коммуникативного типа общения. Бывает и так, что, пытаясь украсить речь, собеседник или выступающий (даже по каналам массмедиа) включает в нее слова, смысл которых либо не ясен ему самому, либо имеет смысл, отличный от того, что он хотел сказать. Искажается смысл, утрачивается точность, в результате засоряется речь. В отличие от просторечных выражений сленг активно используют в своей речи и образованные люди, и представители определенной возрастной или профессиональной группы [10]. По функциональному применению к сленгу примыкают контролируемые языки, в частности упрощенные технические языки, однако, в отличие от них, сленг обычно не подразумевает строгой формальной регламентации и отражает живое развитие разговорной речи. Лингвисты выделяют так называемое новое просторечие («общий сленг»), которое представляет собой обширную группу нестандартных лексических и фразеологических единиц, постоянно пополняющихся за счет различных социолектов [11; 12; 13]. В этом проявляется такое качество информации, как *приемлемость* [14]; именно это качество либо позволяет нам принять какую-то информацию, усвоить и использовать ее в будущем, либо нет. Многие слова и обороты, начавшие свое существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык.

Выводы. Информационные технологии (компьютер, сети и тому подобное) — как определенный способ производства и новая сфера потребления, затягивают человека в свои «сети», причем затягивают с такой силой, которая в ряде случаев становится необратимой. Компьютеризация и появление виртуального пространства стали важным аспектом научных исследований гуманитарных наук.

Под термином «сленг» понимают разнородные явления: от профессиональных жаргонизмов до разговорных слов и выражений (включая неологизмы и окказионализмы), присущие живому неофициальному общению. Особое место занимает вопрос о засорении речи *неоправданно употребляемыми заимствованиями* (преимущественно англицизмами), особенно в тех случаях, когда есть аналогичное по значению слово родного языка. Использование в русской речи иностранных слов непонятной этимологии либо неологизмов из социолектов не только засоряет речь, но и искажает смысл и лишает ее одного из основных признаков — точности, тем самым затрудняя выполнение ею главной функции — коммуникативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сусская О. А. Гуманизация и персонификация массмедиа. Монография / О. А. Сусская. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG, 2013.
2. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
3. Ширманова О. Современные англоязычные заимствования как способ пополнения активного и пассивного словаря учащихся / О. Ширманова // Международный школьный научный вестник. — 2017. — № 5 (часть 2). — С. 258–265.
4. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функции (лингвокультурный аспект) / Ю. К. Волошин. — Краснодар, 2000.
5. Афоничев К. Английские заимствования в русском языке в сфере информационных технологий / К. Афоничев. — Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/nauchno-tekhnicheskoe-tvorchestvo/2017/02/04/angliyskie-zaimstvovaniya-v-russkom-yazyke-v> (дата обращения: 30.06.18).
6. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. — Владивосток: Диалог-МГУ, 1997.
7. Оразгалиева Д. К. Англицизмы в интернет-сленге / Д. К. Оразгалиева. — Режим доступа: https://knowledge.allbest.ru/languages/2c0b65625b3ac68a5c53b88421306c26_0.html (дата обращения: 30.06.18).
8. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. — Новосибирск, 2003. — С. 35–49.

9. Источники и причины засорения речи.— Режим доступа: http://www.xliby.ru/jazykoznanie/russkii_jazyk_i_kultura_rechi/p51.php (дата обращения: 30.06.18).

10. Карпова Л. А. Английский сленг как вторичный источник развития русского языка / Л. А. Карпова. 2015.— Режим доступа: <https://www.pglu.ru/upload/iblock/f4a/p60028.pdf> (дата обращения: 30.06.18).

11. Скляревская Г. Н. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. Краткий словарь-справочник / Г. Н. Скляревская, Е. Ю. Ваулина.— СПб.: Филологический фа-

культет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.

12. Сусская О. А. Взаимодействие близкородственных языков (украинского и русского) в сфере массовой информации / О. А. Сусская // Вестник Киевского института «Славянский университет». — Вып. 8. Филология.— Киев, 2000.

13. Томахин Г. Д. Америка через американизмы / Г. Д. Томахин.— М.: Высшая школа, 1982.

14. Flexner S. B. Preface to the dictionary of American slang / S. B. Flexner // Dictionary of American slang / Ed. by H. Wentworth, S. B. Flexner.— New York, 1975.

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Сусская О. А., доцент кафедры связей с общественностью

E-mail: susskaya@bigmir.net

*National University «Kievo-Mohylianska Academy»
Susskaya O. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Public Relations Department
E-mail: susskaya@bigmir.net*

ВЛИЯНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕССЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л. А. Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН

Поступила в редакцию 14 мая 2019 г.

Аннотация: *одним из важных факторов свержения российского самодержавия в феврале 1917 г. стала поддержка демократических сил национальными окраинами. В статье рассказывается о той роли, которую играла местная пресса в данном процессе.*

Ключевые слова: *история отечественной журналистики, становление многопартийной национальной прессы.*

Abstract: *one of the important factors in the overthrow of the Russian autocracy in February 1917 was the support of democratic reforms in the peripheries.*

Keywords: *history of national journalism, formation of multi-party national press.*

Февральская буржуазно-демократическая революция в России дала толчок развитию прессы не только в центре, но и в провинции, в частности в национальных областях Северного Кавказа. По мнению историков, поддержка демократических движений национальными окраинами стала важным фактором, позволившем свергнуть самодержавие. Между тем в провинциях, особенно национальных районах, соотношение сил не всегда было в пользу революционных, а от этого зависела и судьба местной печати. «По-разному в период активной фазы Февральской революции складывалась ситуация с формированием содержания провинциальных изданий», — подчеркивает историк отечественной журналистики А. А. Антонов-Овсеенко [1, 16]. Местные власти, в основном сохранившие верность самодержавию, преследовали прессу вплоть до закрытия газет и журналов. Столичная газета «Русское слово» писала: «В некоторых городах уже состоялось присоединение к новому правительству. Арестованы губернаторы, полиция. В других губернаторы и жандармские власти все еще запрещают печатание агентских телеграмм и конфискут газеты» [2: 1917, 3 марта].

Однако именно в этот период в регионе стали складываться национальные движения и, как следствие, начали легально выходить издания различной политической направленности. На первом съезде представителей всех народов Северо-Кавказского края в мае 1917 г. во Владикавказе было провозглашено создание суверенного государственного образования Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Сформированный на съезде

Временный центральный комитет Союза (с ноября 1917 г. — Горское правительство) стал выпускать газету «Горская жизнь». В резолюции съезда «О газете» говорилось: «Принимая во внимание необходимость тесной связи между разными членами общегорского союза и осведомления горцев относительно деятельности союзных организаций, а также наиболее видных, с горской точки зрения событий, съезд признает желательным, чтобы все сельские общества на территории горского союза выписывали печатный орган Центрального комитета объединенных горцев» [3, 47].

Это издание положило начало целой системе периодической печати, рассчитанной на все народности края. В основном они издавались во Владикавказе, который стал фактическим центром объединенного государственного образования народностей края — Терской области.

На этапе между Февральской и Октябрьской революциями система печати в крае была представлена как правыми изданиями, в основном буржуазно-демократического направления, так и левыми: от эсеров, меньшевиков до большевиков. Но часто на полосах одной и той же газеты можно было встретить публикации противоположного политического характера. «На Северном Кавказе, где политическая ориентация населения не была столь определенной, как в промышленных центрах России, — замечает М. Б. Каражаева, — революция представляла собой сложнейший конгломерат различных потоков — пролетарского, крестьянского, национально-освободительного и т.д. И, конечно же, эти потоки находились в различных связях и противоречиях друг с другом, порождая сложную психологическую реакцию у политических деятелей разного уровня и масштаба,

на которую влиял и уровень развития народа, чьи интересы они представляли» [4, 43]. Эти сложные процессы непосредственно отражались на развитии системы местной журналистики.

Выдвигаемые простым и доступным языком революционные лозунги большевиков пользовались большей популярностью, чем более выдержанные и менее понятные заявления просветительской интеллигенции Северного Кавказа. «Однако ошибочным было бы поддерживать бытовавшее еще в советские времена мнение, — пишет А. А. Антонов-Овсенко, — будто бы только печать левого толка, в большей степени большевистская, работала на революцию: отнюдь не только левые партии призывали к свержению самодержавия» [1, 107].

Но надо признать, что новой ситуацией в национальных окраинах более эффективно воспользовалась большевистская партия. Сразу же после победы Февральской революции в марте 1917 г. в Грозном начала выходить газета «Известия Совета рабочих и военных депутатов» — первое большевистское периодическое издание на Северном Кавказе. Летом 1917 г. в Грозном увидел свет большевистский журнал «Буревестник». В то же время местная интеллигенция либерального направления не спешила с активными действиями в борьбе за власть.

В августе 1917 г. в Осетии начался выпуск большевистской газеты «Красное Знамя», которая была одновременно органом Терского областного и Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Во Владикавказе стали также выходить «Вперед», «Бюллетень Терского областного народного совета» (через несколько номеров переименована в «Народную власть»), «Терский вестник», «Терский казак», «Кооперативная мысль», «Кавказская газета», «Ирон газет» (на осетинском языке), «Терская правда», «Кавказская правда», «Терский трудовой казак», «Революционный горец».

По мнению историка северокавказской журналистики З. Ю. Хуако, в Адыгее подобную активность в создании печатных органов, в отличие от других партийных движений, проявила большевистская организация, хотя вынуждена была вести свою деятельность в подполье и после февраля 1917 г. В мае в Майкопе стала выходить газета «Голос рабочего». Редактором был назначен М. Г. Свободин (Яков Дерман), последовательный революционер. Еще в 1903 году Г. В. Плеханов рекомендовал его В. И. Ленину для направления на Кавказ. Вышло всего пять номеров «Голоса» [5, 37]. Представление о направленности газеты можно составить по высказываниям сотрудницы редакции и жены редактора С. Я. Дальней-Дерман, в которых она характеризует «Голос рабочего» как орган местного революционного пролетариата. Но, как представляется, рабочий класс в Адыгее был немногочислен, и газета не имела серьезного влияния на массы.

Подтверждением этой точки зрения может служить и то обстоятельство, что в Майкопском совете рабочих и воинских депутатов и бюро профессиональных союзов преобладали эсеры. Соответственно, легально вышедшая в августе газета Совета «Голос труда», по характеристике исследователя З. Ю. Хуако, тоже выражала взгляды партии эсеров [5, 38].

Информационное пространство Дагестана тоже стало пополняться новыми изданиями различной политической ориентации. В Темир-Хан-Шуре начался выпуск органа местных временных властей «Голос Дагестана». Газета стояла на позициях Временного правительства. По этой причине она была причислена советской исторической наукой к реакционным изданиям и не удостоивалась внимания исследователей. Так, к контрреволюционной деятельности было причислено даже выражение на страницах «Голоса» слабой поддержки новой власти: «Временное правительство сделало очень много. И те, которые распускают слухи, будто оно бездействует, — обманывают народ, желая возбудить у нас междуусобие» [6: 1917, 23 апреля].

Распространителем таких слухов и главным оппонентом буржуазно-демократического лагеря в первую очередь выступала пресса большевистская. Возникшее в мае 1917 г. Дагестанское просветительно-агитационное бюро (ДПАБ) под руководством Уллубия Буйнакского и Гаруна Саидова попало под большевистское влияние и практически утратило свои изначально заложенные цели просвещения народа, превратившись в революционную ячейку. Благодаря усилиям ДПАБ, стали выходить газеты «Илчи» («Вестник») и «Чанна цуку» («Утренняя звезда») на лакском, «Заман» («Время») на аварском и кумыкском языках, общественно-политический и литературно-художественный журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда») — на кумыкском [7, 62].

Издания, поддерживаемые Дагестанским просветительно-агитационным бюро, сыграли важную роль в становлении прессы на дагестанских языках. Не все они придерживались одного политического направления. Все зависело от взглядов редактора и ведущих сотрудников.

Еженедельная литературно-общественная и политико-экономическая газета «Илчи», которой руководил сначала известный лакский публицист Гарун Саидов, а затем Курди Закуев, выделялась среди органов ДПАБ своей революционной направленностью. По утверждению историка дагестанской журналистики М. Ш. Гусейновой, пролетарский напор «Илчи» насторожил даже хозяина типографии, известного дагестанского просветителя и первопечатника Магомед-Мирзу Мавраева, а после 9-го номера он отказался ее печатать [8, 21].

Какое значение придавали прессе большевики в борьбе за власть и в вербовке сторонников своей партии, подчеркивают слова из статьи К. Закуева:

«Газета легко достигает того, что невозможно осуществить с помощью оружия. Люди, которых нельзя купить ни деньгами, ни золотом, легко прислушиваются к голосу газеты. Подобно тому как ветер толкает тучи к месту, точно так же и газета ведет людей к цели. Газета — истинное зеркало народа, партии и времени» [9: 1917, 16 июля].

Еженедельную газету «Чанна цуку» («Утренняя звезда»), которая стала выходить 19 августа 1917 г. в той же типографии М. Мавраева, исследователи на протяжении долгого времени называли приемницей «Илчи». Между тем, как утверждает М. Бутаев, это устоявшееся в историко-журналистской науке мнение ошибочно [10, 122]. Вероятно, чтобы воспользоваться плодами популярности первой лакской газеты, издатель «Чанна цуку» М. Мавраев в первом номере заявил, что она стала выходить в связи с закрытием «Илчи». Между тем новая лакская газета отличалась умеренностью, имела либерально-буржуазную направленность. На первой странице на видном месте было размещено объявление, что газета будет служить «дагестанству, мусульманству и человечности». За такую редакционную политику она тоже попала в немилость советской историко-журналистской науки. Вряд ли заслуживает издание, которое заложило основы для развития лакской журналистики, такую оценку: «В ней наряду с членами ДПАБ печатается разношерстная публика... Появляются здесь даже статьи ярого контрреволюционера Садуллы-Гаджи Хитинского. Основным активом газеты были представители буржуазной интеллигенции, духовенства, либерально настроенные люди» [11, 81]. И вместе с тем через абзац дается противоположная характеристика: «Чанна цуку» «сыграла положительную роль в пропаганде прогрессивных идей» [11, 82].

Кумыкский журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда»), первый номер которого увидел свет 20 августа 1917 г., историки относят к одному из самых интересных явлений в дагестанской журналистике. Издавался он литературно-театральным обществом дагестанских мусульман, но во многом направление журнала определял М. Мавраев.

Ведущими темами издания были народное просвещение, развитие национальной культуры. Такая программа совершенно не соответствовала устремлениям большевистской части членов просветительно-агитационного бюро. Редакция также не раз заявляла, что не связывает свою деятельность ни с одной политической партией и своей главной целью считает содействие просвещению народа. Если в отдельных публикациях и появлялась необходимость высказать политическую точку зрения, то она, как правило, была в поддержку Временного правительства. То есть издание придерживалось ориентации на буржуазно-демократическое устройство как всего государства, так и Дагестана. Редакция придерживалась мнения, что народы империи в результате Февральской ре-

волюции получили настоящую свободу и теперь «необходимо навести порядок в своем доме» [11, 84].

Политическая ориентированность на буржуазно-демократическое развитие страны вовсе не означала, что журнал не критиковал и Временное правительство, особенно за игнорирование чаяний народов окраин империи. «Танг чолпан» указывает на то, что правительство Керенского забыло лозунг о праве наций на самоопределение, но не призывает смести это правительство, а подсказывает, как надо строить национальную политику [11, 84]. Вместе с тем на страницах журнала появилась и статья одного из лидеров местных большевиков Улубия Буйнакского, в которой пропагандировались установки ленинской партии на текущую ситуацию [12: 1917, № 4]. И этот страстный призыв к свержению Временного правительства названо в исследовании, посвященном столетию журналистики Дагестана, крупным событием для того периода, но в то же время журналу, его опубликовавшему, дается негативная оценка как проводнику буржуазной идеологии [11, 85], который «прикрывался беспартийностью и в основном отражал мелкобуржуазные и националистические взгляды» [11, 86].

На большевистских позициях стояла и газета бюро «Заман» («Время»), выходившая на аварском и кумыкском языках. Издавала ее супруга известного дагестанского революционера Махача Дахадаева — Нафисат, а редактором был Муртазагаджи Фейзулла оглы. Благодаря найденному первому номеру «Заман» удалось установить, что она стала выходить 3 апреля 1917 г. В нем напечатано обращение Махача Дахадаева с призывом к дагестанскому народу сплотиться, чтобы продвигать дальше начавшуюся в России революцию [10, 100].

В типографиях Мавраева печатались и органы Военно-революционного комитета Дагестана и его секции РКП(б) «Ишчи халка» («Трудовой народ», редактор З. Батырмурзаев) на кумыкском языке, «ХIалтIулел чагIи» («Трудовой народ», редактор А. Акаев) на аварском языке [13, 92].

Кроме изданий Дагестанского просветительно-агитационного бюро в области появились и другие новые органы печати, принадлежавшие различным политическим организациям и выражавшие интересы разных классов. Однако издания, не поддерживавшие большевистскую партию, были преданы забвению советской исторической наукой. К буржуазно-националистическим были отнесены «Мусават» («Равенство») на кумыкском языке, «Авристан» на аварском, «Джаридату Дагистан» на арабском, а также социал-демократическая газета меньшевистского толка «Вольный Дагестан». Даже тот факт, что газета «Петровская жизнь» предоставляла свои страницы для пропагандистских статей дагестанских большевиков, не дало ей индульгенцию от зачисления в лагерь буржуазных изданий, а значит, ре-

акционных. Нельзя не согласиться с утверждением историков дагестанской журналистики Д. Ахмедова и А. Камалова: «И так как указанные издания представляли собой противоположный лагерь, отличный от большевизма, то никто из исследователей печати не стал глубоко разбираться в них, анализировать содержание опубликованных материалов, оценивать их роль в истории народов Дагестана» [11, 88].

В советской исторической науке газеты «Мусават» и «Аваристан» были отнесены к реакционно-религиозным изданиям. Между тем Мавраев поддержал даже октябрьский переворот, правда, одновременно осуждая намерения большевистской партии национализировать и экспроприировать собственность помещиков и капиталистов. Он также подверг критике социалистический принцип всеобщего равенства как утопический. «По мнению тех, кто истолковывает эти лозунги, — писал он в статье «Свобода, равная для всех», — все дагестанцы — богатые и бедные, образованные и необразованные, умные и дураки, способные и неспособные, ученые и неучи, голодные и сытые — должны стать равными и одинаково равно пользоваться благами общества. Такого равенства в истории человечества не было и невозможно его осуществить» [14, 60].

К сожалению, целые пласты культуры, литературы, искусства, публицистики народов Северного Кавказа, созданные арабографическим письмом, были незаслуженно вычеркнуты из истории в соответствии с «классовым подходом» советской исторической науки. Царская национальная политика не содействовала развитию просвещения, издательского дела на национальных языках, но особенно и не препятствовала. Благодаря этой «терпимости» самодержавной власти, даже в условиях жестокой колониальной войны в горах Северного Кавказа складывалась определенная система культуры и просвещения.

Реакционными были объявлены в советский период все духовное наследие прошлого, религиозная литература, национальные обычаи и традиции. Виновыми перед еще не получившим распространение в крае марксизмом оказались и алфавиты, которые использовались для записи текстов литературно-художественных произведений, фольклора. Советская историческая наука рассматривала арабографическое письмо как составную часть идеологии ислама, церковнославянское — христианства.

Создаваемая народами Северного Кавказа на протяжении веков духовная культура была объявлена вредной, реакционной, привнесенной извне. Развернулась беспрецедентная по масштабам борьба с произведениями не только религиозного содержания, но и художественными. Речь об их изучении вообще не могла идти. «В результате такой оценки и такого подхода к культурному наследию прошлого в 20–30-х годах было уничтожено огромное количество рукописных и печатных книг, напи-

санных на арабском, дагестанских и других языках арабографическим письмом...», — пишет исследователь А. А. Исаев [13, 58]. Эта политика касалась всех народов советской страны. Но урон, нанесенный культуре малых народов, значительно больше, потому что, в отличие от крупных наций, их письменные памятники были немногочисленными, и в результате учиненной идеологической «расправы» они исчезли практически полностью.

Колониальная национальная политика царизма не способствовала развитию системы периодической печати на национальных окраинах. «В дореволюционной Кабарде и Балкарии газеты, журналы не издавались ни на кабардинском, ни на балкарском, ни на русском языках, — утверждает исследователь местной журналистики М. Х. Герандоков. — Это и понятно: при безграмотности населения, отсутствии у него своей письменности, без заботы со стороны власть имущих о просвещении народа не могло быть и речи об издании... газет и журналов» [15, 5]. Такая же ситуация была в Ингушетии, Карачаево-Черкесии, у малых народностей Дагестана.

Нужно отметить, что дооктябрьская пресса народностей Северного Кавказа не сформировалась как система дифференцированной печати. Местные издания, как правило, заявлялись как общенациональные. Однако каждый печатный орган все-таки имел, хотя и слабо выраженную, но политическую ориентацию. Нельзя не согласиться с характеристикой российской, в том числе и национальной, печати 1917 г., данной исследователем А. А. Антоновым-Овсеенко: «...Вся история российских массмедиа, чей выпуск относится к периодам социальных потрясений, говорит о том, что, когда в отношении печатных или других СМИ заходит речь о «беспартийности», это наверняка означает, что то или иное издание будет особенно жестко ориентировано на интересы властных верхов» [1, 81].

Местные большевики использовали эти издания для пропаганды революционных идей. Например, грозненские социал-демократы принимали участие в работе газеты «Терец», редактором которой являлся первый чеченский журналист Денильбек Джемалдинович Шерипов [16, 19].

Провозглашенное большевиками право наций на самоопределение было поддержано горцами во многом благодаря пропаганде в печати. Печатные СМИ издавались усилиями немногочисленной национальной интеллигенции. «...Большевики смогли привлечь их на свою сторону, выдвинув лозунг новой национальной политики в России, — отмечает исследователь северокавказской прессы Х. А. Текеева. — Правда, затем советская власть, на успех которой они работали, сама с ними и расправилась самым жестоким образом» [17, 18].

Февральская революция способствовала не только росту количества изданий в целом, но прежде все-

го увеличению выпуска именно партийных изданий, а политическая литература стала пользоваться колоссальным общественным спросом. По утверждению А. А. Антонова-Овсеенко, «...этот масштабный всплеск издательских инициатив стал свидетельством появления принципиально нового, свободного качества прессы России — прессы, выходящей уже в условиях основных демократических свобод, включая свободу слова» [1, 121]. Он выделяет и основные признаки нового качества российской печати, такие как возможности свободного высказывания суждений по вопросам формирования новой власти; по вопросам войны, вплоть до отрицания необходимости ее дальнейшего ведения; пропаганды различных взглядов на вопросы собственности; открытой полемики с политическими противниками; обсуждения новых порядков армейского подчинения и формирования задач для вновь создаваемых органов правопорядка внутри страны. Обсуждение таких острых вопросов находилось под запретом в эпоху самодержавия. То есть в стране стала складываться реальная многопартийность, которая обеспечивала представительство интересов различных слоев населения, многочисленных народностей. Период от февраля до октября 1917 г. в корне отличался как от самодержавного, так и последовавшего большевистского режимов.

Однако дифференциация по партийному признаку была больше характерна для столичной прессы, чем провинциальной, и тем более национальной. Исследователь журналистики периода политических катаклизмов 1917 г. А. А. Антонов-Овсеенко также подчеркивает, что при использовании термина «партийная печать» по отношению к изданиям того времени, в особенности национальным, необходимо учитывать значительную долю условности [1, 123]. Вместе с тем дооктябрьская северокавказская журналистика, по утверждению Ю. В. Хоруева, «...неразрывно связана с характером общественного движения в России и на Тереке и имеет свои специфические особенности... Главное своеобразие заключалось в том, что она развивалась на почве не только социальных и классовых различий, но и сложных межнациональных отношений» [18, 3].

Между тем без исследования всего разнообразия журналистики многонациональной России на разных этапах развития история отечественных СМИ будет неполной и неполноценной, не охватит всего богатства местной периодики, не будет выявлена ее роль в развитии всей страны.

*Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х. И. Ибрагимова РАН*

*Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник*

E-mail: turpalov@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Антонов-Овсеенко. — Тверь, 2013. — 400 с.
2. Русское слово. Б/п Б/з // Русское слово. — 1917. — 3 марта.
3. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А. И. Османов. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994.
4. Каражаева М. Б. Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Каражаева. — Санкт-Петербург, 2003.
5. Хуако З. Ю. Мир печати Адыгеи / З. Ю. Хуако. — Майкоп, 2003.
6. Голос Дагестана. — 1917. — 23 апр.
7. Ахмедов Д. Периодическая печать Дагестана (1900–1940) / Д. Ахмедов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.
8. Гусейнова М. Ш. «Илчи»: новое рождение / М. Ш. Гусейнова // Пресса Дагестана: история, типология: Сборник статей. — Махачкала: ДГУ, 1998. — С. 21–28.
9. Илчи. — 1917. — 16 июля.
10. Бутаев М. Д. Большевистская печать Дагестана / М. Д. Бутаев. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.
11. Ахмедов Д. Столетие дагестанской прессы (история возникновения, становления и развития журналистики Страны гор) / Д. Ахмедов, А. Камалов. — Махачкала: Союз журналистов РД, 2006.
12. Танг чолпан. — 1917. — № 4.
13. Исаев А. А. Магомедмирза Мавраев — первопечатник и просветитель Дагестана / А. А. Исаев. — Махачкала: Даг. НЦ РАН, 2003.
14. Республика в зеркале газеты «Дагестанская правда». — Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000
15. Герандоков М. Х. Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии / М. Х. Герандоков. — Нальчик, 1989.
16. Дыхаев В. А. Пресса, рожденная Октябрем (1917–1932 гг.) / В. А. Дыхаев, Э. А. Исаев. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975.
17. Текеева Х. А. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Х. А. Текеева. — М., 2003.
18. Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура / Ю. В. Хоруев. — Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1971.

*Complex Institute of the Russian Academy of Sciences named
after Kh. Ibragimov*

Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher

E-mail: turpalov@list.ru

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГАЗЕТОВЕДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ПРЕССЫ

И. А. Фатеева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 5 августа 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению участия советских газетоведов, представителей хронологически первой отечественной научно-образовательной школы журналистского профиля, развивавшейся в Государственном институте журналистики (Москва), в I Международном научном конгрессе исследователей в области прессы, состоявшемся в августе 1928 г. в Германии (г. Кельн).*

Ключевые слова: *газетоведение, журнализм, научная школа, Государственный институт журналистики, I Международный научный конгресс исследователей в области прессы.*

Abstract: *the article is devoted to the participation of Soviet newspaper scientists, representatives of the chronologically first Russian scientific and educational school of journalism, which developed in the State Journalism Institute (Moscow), in the First International scientific congress of researchers in the field of press, held in August 1928 in Germany (Köln).*

Keywords: *gazetovedenie (newspaper science), journalism, scientific school, State Journalism Institute, the First International scientific congress of researchers in the field of press.*

Процесс зарождения и развития отечественной науки о журналистике в контексте мировой коммуникативистики и гуманитаристики остается одним из «белых пятен» истории науки. Работ о газетоведении, хронологически первой российской научно-образовательной школе в области журналистики, а тем более о взаимодействии русских газетоведов с современными им зарубежными медиаисследователями неоправданно мало [1; 2; 3]. А между тем наши научные предшественники не только сумели создать 100 лет назад, в условиях гражданской войны и последовавшей после нее разрухи, специфическую отрасль знания, посвященную прессе, но и достойно представили ее на международной арене. Речь идет об активном участии советских газетоведов в первом научном конгрессе исследователей в области прессы, состоявшемся в августе 1928 г. в Германии.

Но сначала о событиях рубежа 1910-х и 1920-х гг., относящихся к зарождению газетоведческой школы. По утверждению К. П. Новицкого, автора русской версии термина, давшего название школе, первую свою лекцию по газетоведению он прочел в 1919 г. (ровно сто лет назад!) курсантам Школы журналистов, существовавшей при РОСТА [4, 22–25]. Через два года на базе данной курсовой формы обучения откроется первое в стране образовательное учреждение для подготовки работников печати (Московский институт журналистики), а Новицкий станет его ректором. Газетоведение, послужившее

теоретическим фундаментом преподавания в вузе, рассматривалось Новицким прежде всего в качестве основного, посвященного газетам, раздела журнализма, то есть общей науки о газетно-журнальном деле (второй раздел, на его взгляд, должен быть посвящен журналам). Со временем термин «газетоведение» стал применяться расширительно, заменяя само понятие журнализма, плохо приживавшееся в русском языке.

В понимании Константина Петровича, «учение о журнализме охватывает все познания, имеющие отношение к периодике как таковой в ее прошлом и настоящем, т.е. имеет в виду... изучение условий возникновения, производства, распространения и утилизации произведений периодической печати» [4, 31]. На повестку дня разработчиков теории ставились прежде всего следующие исследовательские аспекты:

1) исторический (изучение эволюции газеты и журнала в зависимости от изменений форм хозяйствования);

2) производственно-технологический (изучение средств, орудий и способов газетно-журнального производства, а именно: организация редакционного аппарата; сбор и обработка газетно-журнального материала; учение о шрифтах, техника набора; журнально-газетная архитектура, т.е. верстка газет и журналов; техника печатания газет и журналов; газетно-журнальная иллюстрация; производство бумаги; сорта, качество, формат и цена бумаги; калькуляция типографских работ и цены на газеты

и журналы; техника распространения периодических изданий);

3) статистический (изучение количественного состава периодических изданий; классификация периодики по срокам выхода, цене, месту и типам издания; статистика распространения периодических изданий);

4) идеологический (изучение содержания газет и журналов: классификация их по общественным направлениям, по видам газетно-журнального материала, а текстов — по темам и форме изложения).

Проработав в вузе три года, создатель газетоведения был снят с поста ректора в середине 20-х гг., но новое научно-образовательное направление продолжало существовать без него. В 1927 г. оно получило дополнительный стимул к развитию в связи с поступившим в институт приглашением принять участие в I Международном конгрессе научных деятелей в области печати, который планировалось провести в рамках программы Кельнской выставки прессы.

По нашим данным, это было первое в мире научное событие такого уровня и профиля [5, 141, 144]: в конгрессе приняли участие 96 ученых из одиннадцати стран (кроме СССР и Германии, это Австрия, Швейцария, Франция, Чехословакия, Польша, Латвия, Греция, Япония и Египет). Советская делегация по численности занимала второе место после хозяев конгресса и насчитывала 13 человек (включая официальных делегатов и гостей). Делегатами были Ингулов, Бочаров, Стоклицкий, Гуревич, Шварц, Курс, Краснов, Фрумкина, Лазьян, Вольфсон [6, 7].

Непосредственно от института журналистики в Кельн был командирован Ю. М. Бочаров (в то время председатель кафедры печати), хотя среди делегатов были и другие его сотрудники, просто на штатной основе работавшие в других структурах (например, А. Курс и С. Ингулов). Бочарову была оказана на конгрессе особая честь: он был избран одним из четырех членов президиума (председателем был швейцарец Отто Веттштейн из Цюрихского университета, его заместителем — лейпцигский профессор Эверт, секретарями Бочаров и профессор Оно из Токио). Юрий Михайлович привез с собой тексты четырех советских докладов: свой (о состоянии газетоведения в СССР), тогдашнего ректора Государственного института журналистики С. Д. Муравейского (о журналистском образовании в СССР), С. Б. Ингулова (о функциях советской печати) и Евгенова (о рабселькоровском движении). Все тексты были переведены на немецкий язык и розданы участникам форума. Президиум «любезно рекомендовал эти доклады вниманию делегатов, подчеркнув, что они представляют большой интерес, хотя и являются дискуссионными» [6, 7].

Со своим докладом Бочаров выступил с трибуны на первом пленарном заседании. По словам очевидца, это выступление находилось «в резком контрасте

с выступлениями не только остальных иностранных, но даже и германских делегатов». Принципиальной особенностью доклада, отчетливо выделившей его на общем фоне, была его (и всего советского газетоведения) методологическая база, а именно марксизм с его классовым подходом к общественным явлениям: «Докладчик отметил, что газетоведение... начало развиваться у нас после октябрьской революции в связи с той ролью, которую играет периодическая печать в жизни СССР... Разрабатываемое в духе марксизма газетоведение является теперь в СССР важной отраслью общественных наук» [6, 12].

В качестве комментария отметим два момента.

Во-первых, такая самоидентификация науки о журналистике как общественной науки резко расходится с тем, как в действительности стали классифицировать ее в Советском Союзе, когда механизм присвоения ученых степеней и званий был запущен (ВАК начал работать в 1934 г.; в период между установлением советской власти и этим временем все научные степени и звания были отменены): в СССР журналистика была отнесена не к социальным, а к филологическим наукам, что оказывает значительное влияние на нее до сих пор. Специально оговоримся, мысль о социальной природе зарождающейся науки не была каким-то личным достижением или особым мнением именно Бочарова — это было «общее место» всех высказывавшихся на этот счет. Для примера приведем цитату из вышедшей в 1925 г. книги «Информация в советской прессе (к постановке проблемы)» еще одного советского теоретика журналистики М. Ю. Левидова: предвещая, что газетоведение как наука «в недалеком будущем займет подобающее ей место в области социальных наук», Михаил Юльевич аргументировал это тем, что она «может быть, больше, чем какая-либо другая социальная наука, возрастает на определенной социальной базе, формируется под воздействием определенного социального окружения» [7, 18].

Второй момент касается тезиса о марксизме как о методологической базе газетоведения. Автор статьи о конгрессе, опубликованной в журнале «Журналист» и подписанной «Делегат», подчеркивая несостоятельность зарубежных газетоведческих концепций, категорично заявляет: «Наука о газете может быть построена только на марксистской основе», потому что «единственно правильным, единственно жизнеспособным, единственно действительно научным социологическим методом является метод марксистский» [6, 12]. Не столь безапелляционен в оценках буржуазного газетоведения был Бочаров, но в отношении советского он, естественно, тоже подчеркивал безальтернативность его методологической основы: «После международного конгресса особенно ощущается необходимость скорейшей марксистской разработки газетоведения, необходимость противопоставить всем буржуазным концепциям в этой

области... стройную систему взглядов, созданную на марксистско-ленинской основе» [5, 153]. В сфере анализа и интерпретации фактов, считал Бочаров, советским ученым придется действовать абсолютно автономно, но на эмпирическом этапе исследований у тех же немцев, продолжал он, можно многому поучиться, особенно в сфере организации научной работы — технической постановки исследований, их оснащения, проведения исследовательских процедур и фиксации их результатов. «Можно ли нам... работать совместно с ними в определенных областях газетоведения, в тех областях, где речь идет о накоплении фактических материалов, о работах статистического характера, о библиографии? Конечно, это всё — те области, где мы можем работать вместе, где мы будем учиться у тех же немцев, области, без предварительной разработки которых немыслимо создание какой-нибудь теории» [5, 152].

Вернувшись с конгресса, советские ученые с удвоенной энергией взялись за решение газетоведческих задач: в 1929 г. в ГИЖе был создан Научно-исследовательский кабинет, недолгое время входивший в систему Главнауки, и возглавил его не кто иной, как Ю. М. Бочаров. В рамках кабинета работало три секции:

- 1) методологическая (с несколькими комиссиями, в том числе исторической, социологической, методики преподавания журналистских дисциплин и пр.);
- 2) техники и хозяйства газеты (включавшая в себя в том числе оформительский блок);
- 3) литературно-публицистических жанров [8].

В 1930 г. усилиями сотрудников кабинета удалось издать сборник статей «Проблемы газетоведения». Замышлялся он как серийное издание, но второго выпуска так никогда и не появилось: из марксистской новорожденная наука о журналистике (точнее, то, что от нее останется после разгромной кампании конца 1930 — начала 1931 гг., ибо и Ю. Бочаров, и М. Левидов, и А. Курс, и все другие оригинальные и добросовестные ученые будут из ГИЖа уволены, а позже репрессированы) превратится в сталинистскую — догматическую, начетническую, несвободную, а потому бесплодную.

Что же касается последствий участия советских газетоведов в конгрессе, они представлялись в момент его завершения многообещающими. Дело в том, что организаторы мероприятия подготовили масштабную программу по продолжению международного сотрудничества в области науки о печати. Ее озвучил на конгрессе профессор д-р Эстер. Он предложил учредить международную организацию по газетоведению и в рамках ее работы предусмотреть: ежегодный созыв международных научных конгрессов; учреждение постоянной международной комиссии, осуществляющей контакт между газетоведами различных стран в промежутках между конгрессами; учреждение постоянного международного органа

по газетоведению в виде ежемесячного научного журнала; выпуск международного ежегодника по газетоведению; организацию составления библиографии по газетоведению в международном масштабе, международного бюро газетных вырезок, международного информационного бюро по вопросам журналистики; международный обмен преподавателями и студентами газетоведения; организацию международного музея газетоведения и т.д. Конгрессом эта программа была одобрена, а подготовительные работы по созданию организации поручены образованному в дни конгресса немецкому газетоведческому объединению, в совет которого вошли профессора Довифат (Берлин), фон-Эверт (Лейпциг), д-р Эстер (Мюнхен) и Капп (Фрейбург) [6, 12].

Независимо от того, была ли в действительности реализована столь обширная программа, участие в ней советских ученых в долгосрочной перспективе было заблокировано на родине: изоляционистский курс, осуществлявшийся партийным и правительственным руководством страны, не оставлял им шансов на широкие и активные контакты с буржуазной заграницей. Как следствие, советская наука о журналистике, несмотря на значительный задел, обеспеченный в 1920-е гг. газетоведами, будет обречена на многолетнее отставание от коммуникативистики передовых стран Европы и Америки: дальнейшие международные научные форумы будут проходить в основном без участия советской стороны.

Завершая сюжет о первой в истории журналистской науке школе, дополним, что термин «газетоведение» после разгрома кружка продолжал использоваться в сталинистские годы применительно к той псевдонаучной и насквозь политизированной литературе, которой заполнялись учебники газетных и пропагандистских отделений комвузов и высших партийных и комсомольских школ, и это в конце концов привело к дискредитации в глазах гуманитарной интеллигенции всей довоенной науки, тем более что у бывших центров развития газетоведения не осталось никаких прямых «наследников», потенциально способных возродить интерес к «репрессированной науке»: например, институт журналистики в Москве был закрыт в 1938 г. На этом фоне был начисто забыт и факт участия советских газетоведов в Кельнском форуме, о котором Ю. М. Бочаров писал в 1929 г. так: «...наше участие на конгрессе было признанием *de jure* и *de facto* советской газетоведческой науки со стороны буржуазного газетоведения. Ценность такого признания можно определять различно, но во всяком случае оно было не только формальным... у делегатов конгресса был вызван интерес к нашему газетоведению, интерес, который и в дальнейшем не перестают проявлять к нашей работе... газетоведческие учреждения и отдельные газетоведы» [5, 153].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатеева И. А. Российское газетоведение 1920-х годов: контуры научного направления / И. А. Фатеева // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2017. — № 4. — Т. 2. — С. 105–122.
2. Фатеева И. А. Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ / И. А. Фатеева // Век информации. — 2017. — № 3. — С. 64–72.
3. Фатеева И. А. О некоторых аспектах развития международных контактов отечественных научно-образовательных школ в области журналистики / И. А. Фатеева // Трансформация медиасреды в XXI веке: матер. между-

нар. науч.-практ. конф. 24 апреля 2019 г. — М.: РГГУ, 2019. — С. 143–150.

4. Новицкий К. П. Газетоведение как предмет преподавания / К. П. Новицкий. — М.: Изд. отд. ГИЖа, 1924.
5. Бочаров Ю. Международный газетоведческий конгресс в Кельне в 1928 г. / Ю. Бочаров // Проблемы газетоведения. Сб. 1. — М.: Изд-во ГИЖ, 1930. — С. 141–153.
6. Первый Международный конгресс газетоведения // Журналист. — 1928. — № 10. — С. 6–12.
7. Левидов М. Ю. Информация в советской прессе (к постановке проблемы) / М. Ю. Левидов. — М.: Издание РОСТА, 1925. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 26, л. 3.

Московский педагогический государственный университет

*Фатеева И. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры медиаобразования
E-mail: fateevafia@gmail.com*

Moscow State University of Education

*Fateeva I. A., Doctor of Philology, Professor of the Media
Education Department*

E-mail: fateevafia@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ КАК EVENT-МЕРОПРИЯТИЕ

В. В. Фролов

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности освещения российскими федеральными телеканалами такого крупного международного event-мероприятия, как фестиваль «Ганзейские дни Нового времени». Отдельное внимание уделяется причинам отсутствия повышенного интереса со стороны федеральных СМИ к этому ежегодному международному форуму.

Ключевые слова: федеральный телеканал, информационный повод, информационная политика, event-мероприятие, международный фестиваль, Ганзейский союз Нового времени.

Abstract: the article discusses the peculiarities of the coverage of such a large international event as the festival «The Hanseatic Days of the New Time» by Russian federal TV channels. Special attention is paid to the reasons for the lack of increased interest from the federal media in this annual international forum.

Keywords: federal TV channel, informational occasion, information policy, event-event, international festival, Hanseatic League of New Time.

В 1980 г. в голландском городе Зволле была создана международная неправительственная организация, поставившая перед собой задачу внести вклад в экономическое, культурное, социальное и политическое единство Европы — Ганзейский союз Нового времени. В состав данного объединения в настоящее время входит 190 городов из 16 государств Европы. Членами Новой Ганзы является и ряд российских городов: Белозерск, Великий Новгород, Великий Устюг, Ивангород, Калининград, Кингисепп, Псков, Смоленск, Тверь, Тихвин, Торжок, Тотьма и Вологда. При этом ежегодно в одном из городов Ганзейского союза Нового времени проходит международный фестиваль, во время которого представители городов Новой Ганзы обсуждают актуальные проблемы политического, экономического и культурного сотрудничества, а также перспективы реализации совместных проектов различной направленности. С 27 по 30 июня 2019 г. Международный фестиваль «Ганзейские дни Нового времени» проходил в Пскове. Жители Пскова и гости города получили уникальную возможность стать очевидцами и участниками крупного международного форума европейского уровня, а также ознакомиться с прошлым и настоящим ганзейских городов на презентационной ярмарке городов Новой Ганзы. До этого данный фестиваль на территории России проходил всего лишь однажды: в 2009 г. в Великом Новгороде. В связи с этим XXXIX Международный фестиваль «Ганзейские дни Нового времени» в Пскове стал для нашей страны отнюдь не рядовым событием, а event-мероприятием, способным повлиять на формирование у междуна-

родных партнеров образа Пскова и России как потенциально привлекательных торговых, культурных и туристических площадок.

В рамках настоящей статьи мы решили рассмотреть, какое внимание освещению Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» уделяют отечественные федеральные телеканалы, транслирующие свой контент во всех регионах Российской Федерации и имеющие большой охват населения.

В современной научной литературе работы, посвященные освещению Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени», отсутствуют. Правда, при этом есть ряд научных трудов, прежде всего экономической и исторической направленности, таких авторов, как Н. А. Васильева, Ю. В. Косов [1], С. Голубицкий [2], Т. Л. Каминская [3], Р. Х. Симонян, Т. М. Кочегарова [4], Р. А. Тимофеева, М. Б. Васильев [5]. Труды посвящены Ганзе Нового времени.

Для выявления особенностей освещения Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» на федеральном телевидении мы просмотрели архивы ведущих российских телеканалов, представленные на их официальных сайтах, а также изучили содержание телепрограмм отечественного телевидения за последние десять лет.

В результате нашего исследования мы узнали, что Международный фестиваль «Ганзейские дни Нового времени» в той или иной степени освещали федеральные телеканалы: Первый канал, НТВ, «Россия — Культура», «Россия 24», «Пятый канал», ОТР, относящиеся к первому уровню отечественной медиасистемы. Одни из них показывали небольшие разовые репортажи о данном фестивале, другие на более регулярной основе обращались к теме этого event-

мероприятия.

Телеканал НТВ за прошедшее десятилетие в рамках своей информационной программы «Сегодня» выпустил лишь два новостных репортажа, посвященных Дням Ганзы, которые с 19 по 21 июня 2009 г. проходили в Великом Новгороде. В первом небольшом репортаже об открытии форума вкратце рассказывалось об истории Новой Ганзы и Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени», а также о тех мероприятиях, которые были запланированы по программе в рамках данного мероприятия в Великом Новгороде [6]. В сюжете «Генеральная репетиция солидного юбилея» корреспондент НТВ Виктор Черногуз особое внимание уделил экономическому семинару, в котором принял участие А. Д. Жуков (на тот момент вице-премьер правительства России), а также неофициальной части празднования — народным гуляниям [7].

Первый канал 19 июня 2009 г. показал в эфире вечерней информационной программы «Время» трехминутный сюжет об открытии Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени». В репортаже Антона Пономарева «В Великом Новгороде открылись *Ганзейские дни Нового времени*» основное внимание было уделено истории Ганзейского движения и Великого Новгорода и, конечно же, основным мероприятиям, которые были запланированы на четыре дня этого крупного международного форума [8]. В последующие годы Первый канал больше не освещал в своем эфире «Ганзейские дни Нового времени», которые с 2010 по 2018 гг. проходили в городах Германии, Нидерландов, Литвы, Эстонии и Норвегии.

7 декабря 2018 г. телеканал холдинга ВГТРК «Россия — Культура» показал в своем эфире документальный фильм режиссера Григория Илугдина «Русская Ганза. Передний край Европы». Этот фильм, созданный по заказу Министерства культуры Российской Федерации, повествует об истории средневековой Ганзы, взаимодействии этого торгового союза с Русью и в первую очередь с Великим Новгородом, а также о возрождении Ганзейского союза в наше время [9; 10]. В июне 2019 г. телеканал «Россия — Культура» в прямом эфире показал концерт-открытие фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Пскове [11] (двухминутный репортаж об открытии «Ганзейских дней» в Пскове был показан и по главному телеканалу холдинга ВГТРК — «Россия 1». — В. Ф.), затем — в прямом эфире церемонию закрытия XXXIX Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени», которая длилась более 2,5 ч. [12].

Наибольшее внимание освещению «Ганзейских дней Нового времени» за прошедшее десятилетие уделял другой телеканал холдинга ВГТРК «Россия 24» (до 31 декабря 2009 г. телеканал назывался «Вести». — В. Ф.).

В 2009 г. канал «Россия 24» являлся генеральным

информационным партнером XXIX Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Великом Новгороде. В большом шестнадцатиминутном репортаже «Ганзейские дни Нового времени в Великом Новгороде» достаточно подробно рассказывалось об истории Ганзы и Новгородской земли периода Средневековья, Ганзейского союза Нового времени, а также об особенностях подготовки Великого Новгорода к проведению этого международного форума [13]. 19 июня 2009 г. телеканал «Россия 24» в своем вечернем эфире показал интервью Ю. И. Бобрышева (мэра Новгорода в 2008–2018 гг.), в котором градоначальник рассказал о том, какие официальные и неофициальные мероприятия пройдут в рамках Дней Ганзы в Великом Новгороде, а также уделил особое внимание вопросу ближайших перспектив экономического и культурного сотрудничества Новгорода с другими европейскими городами Ганзейского союза Нового времени [14].

В видеосюжете «Ганзейские дни в Великом Новгороде посетили полмиллиона человек» корреспонденты телеканала «Россия 24» подвели итоги работы XXIX Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Великом Новгороде. В частности, журналисты данного канала отметили, что в Днях Ганзы «с 18 по 21 июня приняли участие около 500 тысяч человек — горожане, делегаты, творческие коллективы, многочисленные гости и туристы», «за четыре дня Ганзы в городе работало 11 сценических площадок, дано около 500 выступлений коллективов из всех ганзейских городов», «сварено и съедено 92 литра ухи», «на сытном и торговом рядах и питейном дворе выпито свыше 3 тысяч литров кваса, поджарено 150 килограмм колбасок» и «порядка 220 представителей СМИ из России, Европы и других стран освещали эти Ганзейские дни» [15].

В последующие годы телеканал «Россия 24» в той или иной степени также принимал участие в освещении событий, связанных с проведением Дней: в июне 2012 г. прошел репортаж об этом фестивале в немецком Люнебурге [16], в июне 2018 г. — видеосюжет «В Псков привезли флаг Ганзейских игр», в котором было рассказано, как ганзейский флаг был доставлен из немецкого Ростка в российский Псков участниками трехсоткилометрового специального велопробега из Германии, Эстонии и России [17]. В 2019 г. телеканал ограничился только короткими новостными сообщениями об открытии и закрытии фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Пскове.

XXXIX Международным Ганзейским дням в Пскове уделили внимание такие федеральные каналы, как Пятый канал и ОТР, которые ранее в своем эфире не транслировали репортажей, посвященных ганзейскому движению [18, 19].

Подводя итоги, отметим, что российские федеральные каналы уделяют достаточно мало времени

освещению такого крупного международного event-мероприятия, как «Ганзейские дни Нового времени». Во многом это можно объяснить тем, что данные СМИ, в отличие от региональных телеканалов, имеют достаточно богатую возможность выбора информационных поводов, которые впоследствии они смогут превратить в качественный и рейтинговый контент. Именно поэтому основное внимание освещению фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в нашей стране уделяют региональные СМИ, особенно тех областей, в которых расположены города-члены Ганзейского союза Нового времени, так как они не избалованы наличием большого количества значимых информационных поводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. А. Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе / Н. А. Васильева, Ю. В. Косов // Балтийский регион. — 2017. — Т. 9. — № 2. — С. 142–155.
2. Голубицкий С. Новые ганзейцы / С. Голубицкий // Бизнес-журнал. — 2014. — № 3. — С. 76–80.
3. Каминская Т. Л. Приметы глобализации в социальном пространстве старорусских территорий / Т. Л. Каминская // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2013. — № 1. — С. 225–235.
4. Симонян Р. Х. Новый Ганзейский союз — оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза / Р. Х. Симонян, Т. М. Кочегарова // Власть. — 2009. — № 12. — С. 22–25.
5. Тимофеева Р. А. Внешнеэкономическая деятельность Новгородского региона как участника Ганзейского союза Нового времени / Р. А. Тимофеева, М. Б. Васильев // Научные труды вольного экономического общества России. — 2013. — Т. 176. — С. 503–512.
6. В Великом Новгороде — Дни Ганзы. — Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/165368> (дата обращения: 18.05.2019).
7. Генеральная репетиция солидного юбилея. — Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/165467> (дата обращения: 18.05.2019).
8. В Великом Новгороде открылись Ганзейские дни Нового времени. — Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2009-06-19/169204-v_velikom_novgorode_otkrylis_ganzeyskie_dni_novogo_vremeni (дата обращения: 18.05.2019).

9. Документальный фильм «Русская Ганза. Передний край Европы». — Режим доступа: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/63425 (дата обращения: 18.05.2019).

10. Документальный фильм «Русская Ганза. Передний край Европы». — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Q5qZz82FB08> (дата обращения: 18.05.2019).

11. Концерт-открытие фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Пскове. — Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/64088/episode_id/2179693 (дата обращения: 01.07.2019).

12. Церемония закрытия XXXIX Международного фестиваля «Ганзейские дни Нового времени» в Пскове. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WSSSE4S9skYQ> (дата обращения: 01.07.2019).

13. Ганзейские дни Нового времени в Великом Новгороде. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/224584> (дата обращения: 18.05.2019).

14. Юрий Бобрышев: Великий Новгород приглашает на Ганзейские дни. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=294905> (дата обращения: 18.05.2019).

15. Ганзейские дни в Великом Новгороде посетили полмиллиона человек. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=295358#> (дата обращения: 18.05.2019).

16. Ганзейские дни в Люнебурге. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=848026> (дата обращения: 18.05.2019).

17. В Псков привезли флаг Ганзейских игр. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3033558> (дата обращения: 18.05.2019).

18. Международные Ганзейские дни торжественно открыли в Пскове. — Режим доступа: <https://www.5-tv.ru/news/255808/video-mezhdunarodnye-ganzejskie-dni-torzestvenno-otkryli-vpskove> (дата обращения: 01.07.2019).

19. Международные Ганзейские дни завершились в Пскове. — Режим доступа: <https://otr-online.ru/news/mezhdunarodnye-ganzeyskie-dni-zavershilis-v-pskove-129039.html> (дата обращения: 01.07.2019).

Псковский государственный университет
Фролов В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики
E-mail: frolov1406@mail.ru

Pskov State University
Frolov V. V., Candidate of History, Associate Professor of the Public Relations and Journalism Department
E-mail: frolov1406@mail.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ В ЗАПАДНЫХ СМИ

В. В. Холстинин

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 7 мая 2019 г.

Аннотация: на примере ряда публикаций в статье отражены основные тезисы, характеризующие современные подходы западных журналистов в оценках украинских событий, предложен общий анализ социальных и экономических процессов, ставших причиной нынешнего состояния гражданского общества на Украине.

Ключевые слова: Волкер, Гройсман, Кива, коррупция, Лещенко, Манафорт, Минаков, НАБУ, НАПК, окцидентализация, Порошенко, русский мир, Смажовски, фильм «Волынь», ABC Nyheter, LandInfo, Le Monde, Politico, The Washington Post, Tilskuddsportal.

Abstract: using an example of a number of publications, the article reflects the main theses, which characterize the modern approaches of Western journalists in the assessments of Ukrainian events, a general analysis of the social and economic processes that have caused the current state of civil society in Ukraine.

Keywords: Volker, Groysman, Kiva, corruption, Leshchenko, Manafort, Minakov, NABU, NAPK, occidentalization, Poroshenko, Russian world, Smajowski, film «Volyn», ABC Nyheter, LandInfo, Le Monde, Politico, The Washington Post, Tilskuddsportal.

Мировые СМИ достаточно широко освещают события на Украине постмайданного периода. Зачастую здесь прослеживается политическая ангажированность и желание представить Украину жертвой внешней экспансии. Однако пик этого «медийного шума» уже пройден, и сегодня все чаще раздаются голоса западных журналистов, более сдержанные по тональности и уже готовые объективно оценивать «плоды» политических и социальных процессов, захлестнувших украинское общество.

Задавая назревшим вопросом «Что делать?», современные политики и эксперты разных уровней, так или иначе вовлеченные в информационный дискурс вокруг Украины, избегают, однако, даже туманных прогнозов. Смена власти в этом постсоветском государстве сопровождается, как правило, протестными волнами и широким, порой радикализированным участием различных социальных групп и политических течений в стремлении оспорить результаты выборов.

Особое значение в происходящих здесь процессах имеет давление внешних центров международной политики. Драматизм сегодняшней ситуации обусловлен их разновекторным воздействием в интересах лишь отдельных политических групп. Нежелание понимать насущные интересы украинского общества, простых граждан, пытающихся встроиться в новую систему идеологических ценностей, так характерное для руководящей политической элиты, до недавнего времени упорно не замечалось западными жур-

налистами. Сегодня, несмотря на дипломатическую завесу, можно по-прежнему констатировать геополитический интерес США и геоэкономический — Европейского Союза. Россия в данном процессе стремится лишь удержать ситуацию в рамках относительной стабильности, всячески пытаясь лавировать между дипломатическим комильфо и прямой заинтересованностью в безопасности своих восточных границ путем удержания «русского мира», то есть его вновь образованного крайнего рубежа — ЛНР и ДНР.

Ведущие западные СМИ оказывали и продолжают оказывать информационную поддержку украинской власти. Их интерпретация и анализ событий, происходивших в Киеве и стране на первом этапе так называемой революции гидноности, базировались, с одной стороны, прежде всего на солидарности с Украиной в достижении ею истинных прав и свобод. С другой же стороны, вскрывались и находились все новые аргументы, утверждающие это государство в роли жертвы «путинского режима» и «российского шовинизма» в целом.

Однако в медиасфере «коллективного Запада» есть и другая точка зрения. Сегодня она выходит из тени, где долго пребывала на уровне экспертов и аналитиков, не связанных с Госдепартаментом и «не отработывающих» корпоративные интересы ЕС. Градус оптимизма и морального долга Запада перед «слабой и обиженной» Украиной постепенно снижается до уровня трезвого прагматизма и даже критической оценки ключевых процессов, происходящих в этой стране.

Особенно показательным на фоне публикаций, посвященных этой тематике, выглядит материал, размещенный в газете *Le Monde*. Это одно из ведущих мировых СМИ отличает политический шарм и верность концептуальным западным ценностям, а его близость к французскому политическому олимпу дает представление о взглядах и настроениях, доминирующих в Париже.

Французская пресса в освещении событий на Украине, как правило, занимает традиционно сдержанную позицию. Отчасти это связано с достаточно глубокими культурно-историческими связями с Россией, подтверждением чему служит тональность визита Путина во Францию и его первое знакомство с Макроном. С другой стороны, государству, когда-то оккупированному фашистской Германией, сложно продемонстрировать безмерную симпатию к украинскому режиму, проявляющему национальный пиетет к ветеранам 14-й гренадерской ваффен-дивизии СС «Галичина». Кстати, героизация таких одиозных деятелей, как Шухевич и Бандера, вызывают оторопь и у значительной части польской элиты, исторически и культурно тяготеющей к Франции, не говоря уже о польском общественном мнении, в русле которого стоит упомянуть об эмоциональном потрясении, вызванном у зрительской аудитории фильмом Войцеха Смажовски «Вольнь».

Итак, на страницах авторитетного печатного издания *Le Monde* от 01.09.2017 опубликован материал под резюмирующим заголовком «Украинская «революция достоинства» привела к коррупции, национализму и закату свобод». В роли эксперта-аналитика здесь выступает известный в Европе украинский политолог Михаил Минаков. Он подводит итог четырехлетнему периоду развития Украины, ее так называемой оксидентализации, то есть движения к цивилизационному западноевропейскому устройству государственных институтов и гражданского общества. Здесь же автор делает попытку детально, но лаконично пройти по всем основным фигурантам киевских событий 2014 г.

Для реализации такого замысла он выбирает наиболее рациональную доказательную форму, а именно излагает мотивы и задачи каждого отдельного субъекта *революции гідности*, а в заключение — сегодняшние результаты их политической деятельности.

С первых строк публикации Михаил Минаков обращается к причинам и предпосылкам главного события современной украинской истории — к *революции достоинства*. «Борьба с несправедливым режимом, — пишет он, — объединила на Майдане три течения», — и далее подробно комментирует векторность их участия, — кто за что боролся и какие решал задачи [1]. Либералы, по его мнению, призывали к новому, гарантированному Евросоюзом развитию, при этом следует предположить, со слов автора, что в стране на тот момент был экономический кризис.

Националисты, поясняет он далее, рассматривали Майдан как первую ступень к установлению моноэтнического, моноязычного и монорелигиозного государства. И третьей заинтересованной группой, по его словам, выступили олигархи. Конечно, последний субъект этого триумвирата вряд ли проявил себя третьестепенным игроком, и это, на наш взгляд, может вызвать сомнение в очередности упоминания. Тем более что факты финансирования протестного движения, в том числе широкого привлечения СМИ к одностороннему, весьма предвзятому освещению событий на Майдане, стали достоянием гласности. Здесь стоит сказать, что сам Петр Порошенко был и является олигархом, причем фактическим владельцем крупнейшего медиаресурса Украины — 5-го канала.

Объясняя роль олигархов, автор пишет, что «они хотели вернуться к политическому и экономическому плюрализму» [1]. Под этой обтекаемой, но очень близкой западному читателю формулировкой просматривается прямой интерес к сохранению своих финансовых сбережений и переделу экономических активов, подконтрольных *донецкой группе* и ближайшему кругу Януковича. Об этом западные СМИ даже если и догадывались, то уж открывать эту неприглядную сторону украинской элиты вряд ли бы стали. Иначе чем бы тогда российский клановый капитализм был бы для них хуже украинского: по сути, тот и другой приватизировали наследие советской индустриальной экономики.

За скобками революционного процесса автор оставляет роль широкой общественности как пассивно наблюдающей за происходившим на Майдане: «Что касается остальной части (!) населения, — она надеялась просто выжить в период экономического кризиса, войны с сепаратистами (поддерживаемыми русскими) и послереволюционного хаоса» [1]. Конечно, «активная пассионарная часть населения зачастую совершает перевороты и способна диктовать свою политическую волю индифферентному большинству» [2]. Однако такая градация и такое отношение пусть и к пассивной, но к основной массе населения вызывает закономерный вопрос — с кем же сам автор? Его объективность в данном случае также грешит хронологическим расхождением, ведь когда на Майдане решалось будущее Украины, так называемая остальная часть населения еще не ведала о предстоящих событиях на Донбассе, да и средний уровень жизни был значительно выше нынешнего. Поэтому сказать, что «она» (остальная часть населения!) вынужденно терпела в стороне то, что еще не наступило, и ей еще предстояло это испытать, значит исказить логику событий.

Михаил Минаков обходит стороной факт продвижения из столицы в регионы двойной информационной волны: «демократических ценностей» и националистических настроений, а позднее — весьма

избирательного антикоррупционного прессинга всей административной системы. Многое, чем были памятны первые месяцы «революции достоинства», осталось за скобками авторского анализа, в том числе показательные люстрации, носившие балаганный характер (далеко не в европейских традициях), открытый произвол со стороны националистических организаций и радикально настроенных молодежных группировок нацистского толка. Необходимо отметить, что об упомянутых явлениях западные СМИ заговорили лишь после недавних нападений радикалов на лиц гыганской национальности. В целом автор определяет роль «остальной части населения» (а фактически — большей части населения) — быть лояльной власти, оставаться в правовых рамках, исключая любое инакомыслие и протест.

Как наиболее мягкий вариант разрешения кризисной ситуации на Украине, по мнению автора, рассматривался проект децентрализации, где с учетом экономических, культурных и языковых особенностей формировались бы региональные и местные органы власти, контролирующие местные бюджеты и социальные программы. Такой сценарий, на наш взгляд, был крайне невыгоден вновь определившимся олигархам по следующим причинам: он создавал бы новые барьеры для широкой интеграции крупного бизнеса в рамках национальных границ и был категорически враждебен националистам ввиду преобладания пророссийского электората в юго-восточных областях Украины. Автор умалчивает об этих причинах несостоятельности проекта, на тот момент устраивавшего Россию и Евросоюз. Он лишь констатирует: «Реформа децентрализации после нескольких шагов была остановлена в 2016 году», тем не менее признает факт полностью дискредитировавшей себя люстрации, которая негативно отразилась на экономике Украины: «Если в 2014 году на люстрацию возлагалось много надежд, ее реализация привела к катастрофическому результату: опытные бюрократы были уволены, тогда как их коррумпированные начальники остались у власти» [1]. В этом выводе уже есть попытка конструктивного оценивания «люстрации по-украински» и ее спорных, если не сказать негативных, результатов.

Эволюция судебной системы Украины вряд ли может служить примером оксидентализации. И дело не в работе судов и ангажированности судебного корпуса, а в колоссальном давлении на судей со стороны националистических организаций и прикрывающих их высокопоставленных руководителей силовых ведомств. Примером этому служат многие преступления, в том числе расстрел «небесной сотни», гибель активистов в одесском Доме профсоюзов, убийство Олеса Бузины и другие известные мировой общественности резонансные дела, не дошедшие до суда или разваленные на стадии расследования. «Правосудие, — пишет М. Минаков, — было очень медленно

и болезненно реформировано. Оно могло бы стать независимым, но пока президент только усилил свой контроль над судьями и прокурорами». Не осуждая автора за его политкорректные формулировки, все-таки стоит сказать о вытекающих из его размышлений выводах о прямой зависимости судебной системы от политической конъюнктуры и радикальных настроений, носителями которых являются добровольческие батальоны и националистические организации русофобского толка [1].

В целом анализ, предложенный в статье М. Минакова, выглядит взвешенным и объективным на фоне многих предыдущих публикаций. Тем более что уже ставший обязательным атрибутом западных СМИ «российский фактор» здесь отсутствует. И в этом видится ряд причин. Прежде всего это ухудшающаяся экономическая ситуация на Украине, не внушающая доверия даже западным финансовым институтам. Это признает и глава украинского правительства, комментирующий факт внешней задолженности Киева западным кредиторам в размере пяти миллиардов долларов. «У нас очень большие внешние долги, — заявил украинский премьер Владимир Гройсман в эфире телеканала «Интер». — Только в этом году для их обслуживания нам необходимо выплатить 130 миллиардов гривен. Это неподъемная цифра» [3].

Здесь следует подробнее сказать об экономических факторах украинской политики. Международный валютный фонд, прежде занимавший благосклонную позицию в оказании финансовой помощи Украине, в своем недавнем исследовании макроэкономической ситуации в низкодоходных развивающихся странах не включил ее в перечень стран, нуждающихся в финансовой поддержке, игнорируя даже 14-процентное падение доходов на душу населения (по сравнению с 2014 г.). «Согласно МВФ, — пишет «Украина.RU», — снижение доходов на Украине в первую очередь связано с вооруженным конфликтом». Таким образом, Запад в лице своих финансовых институтов подает сигнал Киеву, что война слишком затянулась и дальше, так сказать, «воюйте за свои» [4].

С другой стороны, европейский взгляд на внутритриполитические процессы, происходящие внутри Украины, постепенно начинает избавляться от романтического флера, когда невозможно скрыть и ретушировать выступающие наружу нарушения гражданских прав и свободы слова. Доказательством этому может служить доклад норвежской организации LandInfo (Центр по информации о странах происхождения), которая работает под руководством Департамента по делам иностранцев Норвегии (UDI) и занимается сбором достоверной информации о различных странах.

В докладе объективный взгляд авторов на ситуацию на Украине можно сравнить с поздним, но все-таки прозрением: «Похоже, что то, что ультра-националисты нападают на участников мирных

демонстраций, проводимых гражданскими активистами, — общая проблема». Как сообщает норвежское онлайн-издание ABC Nyheter, в этом документе содержатся факты, наглядно подтверждающие основные выводы доклада, в том числе нападение ультранационалистов на демонстрации женщин по случаю 8 Марта: «Киев опасается также того, что такие группировки, как “Свобода” и “Правый сектор”, могут пойти против правительства» [5].

Не осталась без внимания норвежских правозащитников и близость многих националистических организаций к правительству. Особенно показательным в этой связи для них стало заявление чиновника из министерства внутренних дел Ильи Кивы, заявившего, что всех гомосексуалистов следует карать смертью. Возможно, что европейские ценности в этом вопросе вступили в крайнее противоречие с сексистской риторикой отдельных представителей националистически ориентированной элиты. При этом в докладе совершенно отсутствуют факты массового террора граждан, несогласных с националистическими тенденциями в обществе и государстве, и, конечно, гонений на инакомыслящих журналистов и даже СМИ. «В 2018 году, — заключает норвежское издание ABC Nyheter, — Норвегия выделяет Украине 97,3 миллиона крон», что подтверждается данными, размещенными на государственном интернет-ресурсе Tilskuddsportal [5]. Такая информация, ставшая достоянием общественности, безусловно, станет серьезным поводом для дискуссии — прежде всего о том, кому и для каких целей предназначаются эти финансовые инвестиции.

В отношении роли США в экспорте «оранжевых революций» Сергей Кара-Мурза предлагает дуалистический взгляд, с точки зрения степени политического суверенитета стран — объектов их политической экспансии. Украину он относит к государствам с «ущербным суверенитетом», где, по его словам, режимы «вынуждены сверять свои действия с тем, “что скажут в Вашингтоне”» [6, 50].

Теперь обратимся к американским СМИ. В целом их позиция если и не смещается к осуждению или хотя бы порицанию политики Киева в отношении ЛНР и ДНР и гражданских свобод, то приобретает все более широкий спектр мнений. Так, The Washington Post в статье «Для Киева война в восточной Украине — далекий шторм» отмечает, что «существуют глубокие экономические и политические различия между индустриальным и находящимся в сложном положении Донбассом, где продолжается военный конфликт, и остальной частью страны». Общий тон материала говорит о тупиковом и деструктивном положении на Юго-Востоке Украины, но более всего обращает внимание представленный здесь альтернативный взгляд на проблему, высказанный Вячеславом Лихачевым, сотрудником европейской гуманитарной организации «Восток-SOS»: «Многие

политические партии действуют цинично, прекрасно понимая, что население Донбасса в целом и особенно на неконтролируемых территориях не является их избирателями» [7].

Следует сказать, что еще недавно такие мнения были неинтересны ведущим СМИ США. Динамика показательна на фоне изменившейся внешнеполитической конъюнктуры и возможного дипломатического сближения с Россией. Примечательно, что данная статья заканчивается почти в обвинительном тоне словами все того же сотрудника западной гуманитарной организации: «Они [правительство Украины] больше говорят о территории, чем о людях, — вся эта линия направлена на возвращение территорий, но иногда создается впечатление, что люди на самом деле не являются частью предлагаемого пакета мер». Такой обновленный взгляд на украинскую проблематику, опубликованный одним из ведущих американских СМИ, вряд ли сможет переломить жесткий милитаристский подход в разрешении ситуации на Донбассе, но, возможно, будет способствовать постепенному формированию конструктивного вектора в разрешении украинского кризиса, влияя на действия киевских политиков, ориентированных на максимальное удовлетворение американских интересов [7].

Будет уместно сказать, что и во внешней политике США постепенно меняются приоритеты. Назначив на должность спецпредставителя США Курта Волкера, переговорщика с безупречной репутацией антироссийского политика, Белый дом «умыл руки», предложив рутинный вялотекущий формат дипломатического процесса, лишь эпизодически сопровождающегося демаршами и резкими заявлениями на обозначенном дипломатическом уровне. Это имеет ряд причин. Сегодня наметился иной вектор в отношении Москвы, и заявление американского президента участникам G7 о принадлежности Крыма России, потому что его жители говорят на русском языке, облетело все мировые СМИ. Есть у нынешнего главы Белого дома и личные мотивы не испытывать идеологических симпатий к украинскому режиму. Возглавлявший его избирательный штаб в 2016 году Пол Манафорт оказался под следствием сенатской комиссии Роберта Мюллера. Как сообщает авторитетное американское издание Politico, «бывший украинский журналист, Сергей Лещенко, избранный в 2014 году по списку партии Порошенко, провел пресс-конференцию, чтобы рассказать о бухгалтерских книгах и призвать украинские и американские правоохранительные органы провести строгое расследование в отношении Манафорта». Это стало ударом не только лично по Манафорту, бывшему прежде советником Януковича, но и по имиджу самого Дональда Трампа, и без этого достаточно озадаченного политическими играми вокруг его возможных связей с Кремлем [8].

Подводя итог выполненному обзору некоторых западных СМИ, следует сказать, что наметившиеся тенденции и смена тональности в освещении политической ситуации на Украине — это не только результат «информационной усталости», основанной на все более снижающемся интересе западной аудитории к данной проблематике. Это еще и постепенное разочарование многих европейских политиков в несостоявшемся реформировании украинских институтов власти в контексте антикоррупционного противодействия. Здесь просматривается и осторожное переосмысление последствий социально-политического кризиса в самой Украине, а также его негативное влияние на окружающие страны и в целом на климат доверия в Европе.

Всё в той же статье М. Минаков достаточно подробно раскрывает основной смысл проблем, препятствующих вхождению Украины в Европейский союз: «Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, подписанное в 2014 году, вступает в силу 1 сентября. Его цена высока: страна может рассчитывать только на ассоциацию... — и далее категорично резюмирует: — Членство в ЕС больше не стоит на повестке дня» [1]. Такой диагноз становится очевидным фактом, игнорировать который уважающие себя СМИ и стоящие за ними журналисты уже не могут. Созданные при поддержке и прямом покровительстве западных партнеров антикоррупционные институты, в том числе НАБУ (Национальное антикоррупционное бюро), НАПК (Национальное агентство предотвращения коррупции), по-прежнему находятся в зачаточном состоянии. Реальная борьба с коррупцией превратилась в фарс с переделом сфер влияния и завуалированным рейдерством.

В настоящее время западные СМИ все более прагматично оценивают процессы, происходящие на Украине. Имиджевые успехи Москвы, в первую очередь внешнеполитические, и активная модернизация вооруженных сил — все это неуклонно снижает градус

деструктивной риторики в западных СМИ. Мировая политическая арена готовится к новым, возможно прорывным, решениям по целому ряду международных проблем, одной из которых, безусловно, будет ситуация на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаков М. Украинская «революция достоинства» привела к коррупции, национализму и закату свобод / М. Минаков. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170901/240179183.html> (дата обращения: 23.03.2019).
2. Холстинин В. В. Базисные векторы информационной политики современных украинских СМИ / В. В. Холстинин // Научный вестник Кубанского государственного университета. Медиакоммуникация. — 2016. — № 2 (3). — С. 21–27.
3. Гройсман пожаловался на «неподъемный» внешний долг Украины // МИА «Россия сегодня» (Россия). — Режим доступа: https://ria.ru/20180414/1518620227.html?referrer_block=index_most_popular_1 (дата обращения: 23.03.2019).
4. В МВФ объяснили, что Украина не бедствует (МВФ). — Режим доступа: <https://ukraina.ru/news/20180323/1020105119.html> (дата обращения: 23.03.2019).
5. Вермес Т. Норвежский доклад: На Украине бесчинствуют вооруженные националисты / Т. Вермес. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180502/242124263.html> (дата обращения: 23.03.2019).
6. Кара-Мурза С. Г. Революция на экспорт / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2006.
7. Стерн Д. Для Киева война в восточной Украине — далекий шторм / Д. Стерн. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180628/242616280.html> (дата обращения: 23.03.2019).
8. Вогел К. П. Украина платит за попытки помешать Трампу / К. П. Вогел, Д. Стерн. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170114/238526952.html> (дата обращения: 23.03.2019).

*Кубанский государственный университет
Холстинин В. В., старший преподаватель кафедры публицистики и журналистского мастерства
E-mail: shirokov1968@mail.ru*

*Kuban State University
Holstinin V. V., Senior Lecturer of the Journalism and Journalistic Skills Department
E-mail: shirokov1968@mail.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ДИАЛОГ РОССИИ И КИТАЯ

Цао Лян

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 29 апреля 2019 г.

Аннотация: в ходе работы автор выявил особенности профессии журналиста в Китае и России; сравнил факторы, влияющие на профессиональное поведение; проанализировал роль журналиста в социуме и профессиональной среде.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная культура, медиадискурс, средство массовой информации, Россия, Китай.

Abstract: in course of the work the author revealed the peculiarities of the profession in China and Russia, compared the factors influencing professional behavior and analyzed the role of journalists in society and professional environment.

Keywords: journalism, professional culture, media discourse, mass media, Russia, China.

Россия и Китай имеют очень похожие исторические предпосылки: обе страны прошли непростую эпоху централизации; обе страны начали модернизацию в XIX в. под давлением Запада; в первой половине XX в. и Россия, и Китай стали социалистическими странами; обе страны с 1970-х гг. начали реформы и почти одновременно вступили в переходный период. Сегодня Китай по-прежнему придерживается социалистического пути, Россия выбрала либерально-демократическую систему западного образца, однако рыночная экономика реализуется в обеих странах [1, 71].

«Рынок» влияет на СМИ, но при этом и целевая аудитория может быть «рынком», и власть может быть «рынком». На наш взгляд, разница в профессиональном поведении российских и китайских журналистов в большинстве случаев зависит от того, какой «рынок» был выбран.

Факторы, влияющие на профессиональное поведение российских и китайских журналистов. До распада СССР в стране уже вступил в силу закон «О печати и других средствах массовой информации». Этот документ в определенной степени способствовал демократическому процессу в России. После образования Российской Федерации новый закон «О средствах массовой информации» также в значительной степени гарантировал свободу распространения информации. Сегодня в России огромное количество традиционных и новых СМИ. Только в 2015 г. насчитывалось 10504 зарегистрированных газеты [2, 159].

В Китае же в 1970-х и 1980-х гг. шла долгая, непростая дискуссия о создании закона о СМИ. Основ-

ные документы были приняты в 80-х гг. В них была утверждена следующая идея: «Гражданин имеет свободу, СМИ находится в подчинении государства» [3, 77]. Все эти документы были созданы на основе положения конституции КНР, закрепляющего за гражданами право на свободу слова и публикацию материалов (см. главу II «Основные права и обязанности граждан», ст. 35, 41, 47) [4]. Отдельного закона о СМИ тем не менее не существует. Таким образом, права СМИ и журналистов в Китае можно рассматривать как расширение конституционных прав, предоставляемых гражданам.

В 2005 г. в постановлении Госсовета КНР впервые четко было определено, что негосударственный капитал нельзя инвестировать или использовать для управления информационными агентствами, газетами, издательствами, радиостанциями, телестанциями, новостными сайтами и т.д. [5].

В случае, когда все СМИ находятся в государственной собственности, количество СМИ относительно стабильно, изменения в основном связаны только с политическим вмешательством. По этой причине в 2015 г. в Китае насчитывалось 1906 зарегистрированных газет [6, 767]. Это меньше пятой части от количества российских газет.

Из этого следует, что медиасреда в Китае и России достаточно сильно отличается. Права российских журналистов определены Конституцией РФ и законом «О СМИ». Права китайских журналистов косвенно обозначены в Конституции КНР, относятся к особой категории гражданских прав, а легальность участия журналистов Китая в действиях по распространению информации определяется специальным разрешением государства [7, 135].

Данное различие определяет многие другие различия между китайскими и российскими журналистами. Так, законодательство о СМИ в Китае — это больше ограничительный и нормативный инструмент для журналистов, чем защита их прав. В России же закон «О СМИ» обеспечивает правовую защиту журналистов, чтобы они в полной мере могли пользоваться свободой прессы.

С другой стороны, Китай некоторым образом является последователем «модели СССР», Россия и Китай имели очень схожую политическую и экономическую структуру в прошлом. В системе управления СМИ тоже было много общего. Китай опирается на опыт нескольких реформ в сфере управления СМИ в России, постоянно придерживается принципа «партия руководит всем», то есть все СМИ находятся под руководством правительства и компартии [8].

В России «новое мышление» Горбачева принесло большую свободу журналистам, но это не способствовало успеху других реформ в стране, а лишь ускорило распад СССР. Затем — новая политика (так называемый экономический либерализм Ельцина) привела к тому, что СМИ, контролируемые промышленными и торговыми компаниями, приобрели авторитет и возможность влиять на политическую ситуацию в стране. Профессиональные права и личная безопасность журналистов уже не гарантировались, а профессиональная этика журналиста резко понизила свои стандарты не в положительную сторону. В начале 2000-х гг. в рамках реализации новой «русской идеи» в стране началась национализация СМИ, постоянно увеличивалось давление на медийные компании и организации, власти постепенно ограничивали свободу слова и права журналистов [7, 135, 140].

Таким образом, если сравнивать ситуацию в современном Китае и современной России, можно увидеть, что модели и методы управления во многом схожи. Все это определяется реальностью и общеполитической обстановкой в стране. Личное пространство журналиста сегодня становится все меньше и меньше. Однако стоит отметить, что подобная ситуация существует не только в относительно централизованных государствах, но и в так называемых демократических странах Запада. Причины кроются не только в политическом устройстве, но и во многих институциональных факторах, а также в развитии технологий, популярности интернета, усилении терроризма во всем мире, что приводит к тому, что даже так называемые демократические власти все чаще вмешиваются в деятельность журналистов. Главное различие выражается в управлении «интересами» разных сторон.

В рамках рыночного механизма нецелесообразно полагаться исключительно на политические средства, чтобы строго контролировать СМИ. Российский подход заключается в том, чтобы сначала открыться на неопределенный срок, а затем ужесточить условия.

Ситуация в Китае, наоборот, остается относительно напряженной, тем не менее можно продолжать исследования, хотя они и будут довольно разрозненными. Хотя есть много очевидных изменений, само ядро не меняется.

Помимо этого, все более очевидным фактором в работе журналиста становится «самоцензура». Политические методы — это все-таки внешние факторы, тогда как самоцензура журналиста, а также распорядок, правила и дисциплина медийной организации — это внутренние факторы. В этой области ограничений у китайских журналистов намного больше, чем у российских. В 2017 г. в Китае был введен новый принцип под названием «Система ответственности главного редактора». Согласно этому принципу, требуется улучшать систему внутренней отчетности в редакциях СМИ. Это повышает личный риск главного редактора и каждого руководителя СМИ. Безусловно, что их личные риски в конечном итоге будут влиять на работу журналистов. Внутренняя цензура определяется как совокупность редакционно-контролирующих действий, начиная от бездействия, ослабления, искажения фактов и заканчивая изменением акцентов в выборе риторических приемов журналистами, организациями и даже целыми медиаобществами в надежде заслужить награду и/или избежать наказания властных структур. В соответствии с этим определением самоцензура появилась как творческая внутренняя реакция журналистов на внешнее воздействие, что и породило явление саморегулирования. В связи с этим китайские журналисты более осторожны при редактировании политических новостей, чем российские журналисты.

Роль журналиста в России и в Китае. С точки зрения технологии журналистского производства китайские журналисты в основном используют «третье лицо» в своих работах, избегая личных местоимений. Например, «репортер нашей газеты / нашего телеканала», «автор данной статьи», «специальный корреспондент нашей газеты / нашего телеканала». Еще один вариант — использование названия СМИ, где работает журналист, чтобы показать справедливость и объективность оценки события.

Российские журналисты, наоборот, чаще используют местоимение «я», «корреспондент» в своих работах. Особенно часто личное местоимение используется в очерках, чтобы журналист мог эффективнее общаться с читателями и более свободно выражать свои мысли и личное отношение.

Директор Института журналистики и коммуникации Чжэнчжоуского университета профессор Чжан Цзюси в своих исследованиях выражает мнение, что китайский журналист выступает в качестве стороннего наблюдателя и свидетеля, тогда как российский журналист выступает в роли пропагандиста, субъективного комментатора, очевидца и следователя [9, 288].

Проанализировав результаты анкетирования, М. Е. Аникина пришла к выводу, что российским журналистам важно сообщать новости без искажений информации, а также воспитывать аудиторию. Основные задачи российских журналистов — влиять на общественное мнение, определять политическую повестку дня и действовать в качестве противника правительства [10].

Проанализировав результаты анкетирования, Чжоу Баохуа и Чжоу Янфань пришли к выводу, что китайским журналистам важно сообщать новости без искажений информации, предоставлять анализ текущих событий, поддерживать национальное развитие, давать советы по руководству в повседневной жизни и быть независимым наблюдателем.

Основные задачи китайских журналистов — поддерживать национальное развитие и государственную политику. «Быть противником правительства» и «передать позитивный образ политического руководства» — наиболее спорные задачи. На это указывает то, что данный пункт в анкете отметило наименьшее количество журналистов.

Кроме того, определение политической повестки дня, призыв граждан к участию в политической деятельности и наблюдение за политическими лидерами и их проверка не считаются главными задачами журналиста в Китае [11].

Такие результаты связаны с огромными различиями между образом мышления журналистов Китая и России и их концепциями журналистской работы.

Когда журналист использует личное местоимение, то он таким образом выводит читателей на новостной сюжет через свою личную перспективу. В процессе чтения материала читатели постепенно и незаметно входят в сознание автора и прислушиваются к его мнению. Это делает материал более привлекательным и интересным. Когда журналист использует форму «третьего лица», то может сделать обзор новостей более объективным и справедливым, может повысить достоверность новостных работ. Личность журналиста при этом не видна, в тексте преобладают факты, а это приводит к снижению привлекательности материала.

Китайский профессор Чжан Цзюси считает, что функция журналистики Китая фокусируется на пропаганде, когда требуется работать с фактами, поэтому главным образом деятельность журналиста направлена на объективность материала. Функция журналистики в России фокусируется на информа-

ционной коммуникации и взаимодействии. Обладая достаточно высокой степенью свободы, журналист в России еще может выразить личное мнение в своих работах и сделать собственные выводы [9, 288].

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзя Лэжун. Модернизация России и Китая и изменения в области СМИ / Лэжун Цзя // Журнал международной коммуникации. — 2010. — № 11. — С. 71–76. 贾乐蓉. 中俄转型与中俄媒体转型. 国际新闻界. — 2010. — № 11. — С. 71–76.
2. Россия в цифрах 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 552 с.
3. Вэй Юнчжэ. Гражданин имеет свободу, СМИ находится в подчинении государства / Юнчжэ Вэй // Молодежный журналист. — 2013. — № 7(a). — С. 77–78. 魏永征. 公民有自由, 媒体归国家. 青年记者. — 2013. — № 7(a). — С. 77–78.
4. Конституция Китайской народной республики. 中华人民共和国宪法. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/node_505.htm (дата обращения: 30.09.2018).
5. Решение Госсовета о вхождении негосударственного капитала в индустрию культуры. Указ Госсовета от 13.04.2005 № 10. 国务院关于非公有资本进入文化产业的若干决定 国发[2005]10.
6. Ежегодник журналистики КНР 2016 / гл. ред. Чань Ляньшэн. — Пекин, 2016. — С. 767. 钱莲生主编: 2016中国新闻年鉴.
7. Е Вэньфан. Исследование сравнения профессиональных прав китайских и российских журналистов / Вэньфан Е, Янь Ли // Журнал международной коммуникации. — 2013. — № 7. — С. 134–141. 叶文芳, 李彦. 中俄新闻记者职务权利比较研究. 国际新闻界. — 2013. — № 7. — С. 134–141.
8. Полный текст устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 30.09.2018).
9. Чжан Цзюси. Исследование сравнения функций журналистики Китая и России / Цзюси Чжан. — Пекин, 2010. 张举玺. 中俄新闻功能比较研究- Пекин, 2010.
10. Anikina M. Country Report: Journalists in Russia / M. Anikina, L. Frost, T. Hanitzsch // Worlds of Journalism Study, 2017. — Режим доступа: https://epub.ub.uni-muenchen.de/35063/1/Country_report_Russia.pdf (дата обращения: 03.10.2018).
11. Zhou B. Country Report: Journalists in China / B. Zhou, Y. Zhou // Worlds of Journalism Study, 2016. — Режим доступа: https://epub.ub.uni-muenchen.de/29702/1/Country_report_China.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

Уральский федеральный университет

Цао Лян, аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий

E-mail: Lyan.tsao@urfu.ru

Ural Federal University

Cao Liang, Postgraduate Student of the Periodical Press and Network Publications Department

E-mail: Lyan.tsao@urfu.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО РАДИО В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. И. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается работа Воронежского радиокомитета в период оккупации города немецкими войсками и в первое время после его освобождения (анализируется период с 1942 по 1943 гг.).

Ключевые слова: радиовещание, радиопередачи военного периода, общественно-политическое вещание.

Abstract: the work is devoted to the functioning of the Voronezh radio Committee during the occupation of the city by German troops and in the first time after its liberation. The article deals with the period from 1942 to 1943.

Keywords: broadcasting, the radio broadcast of the war period, political and public broadcasting.

В канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне хотелось бы вспомнить о том, как работало Воронежское радио в нелегкие для города дни: 212 суток через город проходила линия фронта.

Архив располагает данными лишь начиная с 1943 г. (во время авианалетов в здание радиокомитета попала бомба, уничтожив какие бы то ни было следы работы воронежских радиожурналистов в 1938–1942 гг.), но даже в самые трудные для города военные дни радио не прекращало работу.

С 7 июля 1942 г. по 25 января 1943 г. правобережная часть Воронежа была оккупирована немецкими войсками. Из ставшего прифронтовым городом велись передачи не только на свою область, но и на оккупированную Украину.

При отступлении станцию, находившуюся в Воронеже, пришлось взорвать, чтобы она не перешла в руки врага. Причем сделал это тот же человек, который ее строил, — инженер Аркадий Беспамятнов, будущий директор передающего радиотелецентра. Одна часть оборудования и персонала (в основном руководящий состав) была эвакуирована в Анну, другая — в Борисоглебск. В сетке вещания в период оккупации города основное место заняли «Последние известия», тогда как детское, музыкальное и литературное вещание сильно пострадало.

В самый тяжелый для воронежцев 1942 год, когда враги семь месяцев жгли и разрушали город, московские передачи принимались и ретранслировались Аннинским отделом радиокомитета, а местное вещание осуществлялось из Борисоглебска и обслуживало группу восточных районов области. В эфире журналисты рассказывали о том, как воронежцы укрепляют тыл страны и помогают Советской армии громить фашистов, вселяли в людей надежду на скорую победу.

Тексты радиопередач военного периода (1943–1945 гг.) составлялись на бумаге, которая была в то время под рукой, в том числе и на старых обоях: с одной стороны рисунок, с другой — текст. В Государственном архиве сохранились микрофонные папки за 1943 год. Самая ранняя из них датирована 4 января 1943 г., это был выпуск «Последних известий». В нем говорилось о людях Борисоглебска (напомним, туда в период оккупации был эвакуирован радиокомитет), проявивших себя в дни борьбы с фашизмом. Несколько минут было посвящено откликам жителей области на сообщения Совинформбюро о наступлении наших войск.

«Последние известия» военного периода четко делятся на промышленную и сельскохозяйственную части. Основная масса сообщений — о сборе средств и сельскохозяйственной продукции в помощь фронту. В январе 1943 г. была организована радиозафета добровольных пожертвований населения на строительство танковой колонны «Воронежский колхозник». Она завершилась благодарственной телеграммой от имени И. В. Сталина, которую озвучил в эфире диктор Козлов [1, 18].

Воронеж был освобожден 25 января 1943 года. Радостную весть сообщили уже на следующий день: «Внимание, говорит Борисоглебск! Передаем последние известия по районам Воронежской области. С новым чувством любви и благодарности к своей Красной армии встретили трудящиеся нашей области приказ Верховного Главнокомандующего и сообщения Советского информбюро о полном овладении нашими войсками городом Воронеж!» Автором передачи и ее исполнителем у микрофона был ответственный редактор Хаустов. Областное радио говорило о том, что 25 января навсегда войдет в историю города как знаменательная дата его освобождения, эту дату никогда не забудут потомки: «Воронеж! Мы

помним его красивые улицы, живописные площади, это город мира и труда! Теперь, после семимесячного хозяйничания там гитлеровцев, цветущий Воронеж превращен в дымящиеся руины. Сердце каждого воронежца наполнено твердой уверенностью, что здесь снова будет Воронеж цветущий и солнечный. Не завтра, не через неделю, но обязательно будет!» [1, 32].

Радиожурналисты вернулись в город уже 12 февраля. Бывшее помещение радиокомитета сгорело, пришлось оборудовать новое. Здание было без окон, дверей, пробито снарядами. Для радиовещания в первое время (до сентября) использовали коротковолновую радиостанцию. В этот период нередко были срывы выпусков из-за отсутствия электроэнергии.

13 марта состоялся первый выпуск последних известий из освобожденного Воронежа. Передача была посвящена состоянию города после оккупации, еще до конца не разминированному: «Сердца горят гневом и жаждой деятельности скорее восстановить город! Тысячи рабочих и служащих, людей всех профессий трудятся над восстановлением города...» [1, 56].

Полностью сгорел дом на проспекте Революции, где до войны размещался Радиокомитет, сгорели фонотечные и архивные фонды комитета. Есть акт, в котором содержатся сведения о причиненном немецко-фашистскими захватчиками ущербе. Дата акта — 5 июня 1943 г. Общий ущерб составил 676 тысяч 50 рублей, в том числе радиоаппаратура — на 123 тысячи 250 рублей, и остальное — хозяйственный инвентарь и библиотека — на 81 тысячу рублей. Строительство новой станции началось сразу же после освобождения Воронежа, пущена она была в сентябре 1943 г.

Интересный факт: работники радиокомитета ежедневно после работы от руки размножали тексты «Последних известий» и сводки Совинформбюро и расставляли их в наиболее людных местах Воронежа на пюпитрах, унесенных с пепелища городского музыкального училища. В условиях катастрофической нехватки радиоприемных устройств такое распространение свежих вестей с фронта и тыла — абсолютно бесплатное, основанное на патриотических чувствах журналистов! — сыграло свою положительную роль в заснеженном, сожженном городе [2, 2].

Летом 1943 г., после почти двухгодичного перерыва, наряду с редакцией «Последних известий» вновь появились редакции общественно-политических и литературных программ (последняя занималась организацией в том числе и радиоконцертов, вследствие чего в 1945 г. стала именоваться редакцией

литературно-музыкальных программ). С середины апреля 1943 г. до января 1944 г. передачи «Последних известий», а затем и двух восстановленных редакций в целях экономии бумаги печатали на листах формата А5 без полей.

С трудом можно разобрать текст общественно-политической радиопередачи, звучавшей в июле 1943 г. Здесь говорится о митинге, где присутствовало свыше 800 человек: «...трудящиеся района выразили общее стремление скорее восстановить нормальную жизнь, сделать все для того, чтобы залечить раны, нанесенные коварным врагом...» [1, 114].

В одной из следующих передач этой редакции звучало выступление т. Морева на тему «Жизнь в освобожденных районах нашей области», приуроченное к очередному крупному успеху советских войск и полное душераздирающих фактов об издевательствах фашистов над жителями недавно освобожденного города Богучара и его района. «Когда немцы занимали село, расположенное близко к Дону, они выгнали из него всех жителей. Брать с собой какое-либо имущество запрещалось, на выселение давали 2–3 часа. Кто не успевал уйти, того расстреливали на месте. 15 престарелых колхозников расстреляно в Пасеке, 12 стариков и старух — в Монастырщине...»

К середине 1943 г. появились систематические выступления у микрофона работников Дома санитарного просвещения, посвященные борьбе с одолевавшими людей болезнями, явившимися последствиями войны, — чесоткой, педикулезом и пр. В большинстве своем эти беседы велись на доступном рядовому слушателю языке, без употребления сложной терминологии. Хороший почин был сразу же замечен слушателями. В радиокомитет стали поступать письма, где люди предлагали темы для ближайших передач [3, 83–84].

Постепенно процесс радиовещания входил в свое обычное русло. В радиокомитет, расположившийся по адресу Мясная гора, 22-а (ныне — улица Театральная), пришло немало сотрудников-фронтовиков. Радиосеть в городе не только восстановили, но и увеличили. Каждый мог слушать радио даже на улице: появилось 42 уличных динамика. А тема войны и борьбы с фашизмом еще надолго отзывалась болью в произведениях воронежских радиожурналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО, ф. Р-2348, оп. 1, д. 1.
2. Ильин А. Дело об американской шляпе / А. Ильин // Коммуна. — 2005. — 8 окт.
3. ПАВО, ф. 4, оп. 8, д. 2937.

*Воронежский государственный университет
Цуканова М. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: tsmi@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tsukanova M. I., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Electronic Media and Speech Communication Department
E-mail: tsmi@yandex.ru*

ВИДЕОКОНТЕНТ В ИНТЕРНЕТЕ: АУДИТОРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Г. Г. Щепилова, Л. А. Круглова, А. Э. Литвинцев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 22 апреля 2019 г.

Аннотация: в статье приводятся результаты исследования аудиторных видеопрепочтений в Интернете различных возрастных групп, проживающих в разных регионах России.

Ключевые слова: видеоконтент, аудиторный запрос, активность пользователей, Интернет, медиапотребление.

Abstract: the article presents the results of a study of classroom video preferences on the Internet by various age, geographic, and social groups.

Keywords: video content, classroom inquiry, user activity, Internet, media consumption.

Многие авторы, рассматривая изменения в структуре медиасреды, не видят существенного противоречия между платформами распространения информации и доказывают, что они могут дополнять друг друга и предоставлять аудитории наиболее удобный доступ к контенту. В частности, такая точка зрения отражена в работах Е. Л. Вартаковой [1], А. А. Амзина [2], Д. М. Вьюгиной [3] и многих других авторов. Интересную работу о взаимодействии различных платформ опубликовали в 2015 г. O. Westlund и M. Fardigh, которые утверждают, что «межплатформенное использование медиа позволяет в наибольшей степени удовлетворить аудиторные запросы, так как различные платформы могут быть наиболее востребованы для различных целей» [4]. Одной из первых к проблеме трансформации аудиовизуального контента в новых медиа обратилась Л. А. Круглова [5]. Т. Evens [6] рассматривал технологические аспекты развития телевидения, которое в настоящее время стало доступным на интернет-платформе в режиме реального времени. В статье Г. Г. Щепиловой и М. С. Шейкиной предложена классификация сервисов нелинейного видеопотребления в России и проанализированы основные модели монетизации [7].

Тем не менее проблема изучения видеопотребления в интернет-среде как в России, так и за рубежом по-прежнему остается актуальной. В 2023 г. две трети всего мобильного интернет-контента будет составлять видео, отмечается в докладе «Ericsson Mobility Report» [8]. Появилась рейтинговая статистика, дающая представление о просмотре видео в Интернете. В частности, из мировых медиаизмерителей вот уже несколько лет подобные данные представляет компания Nielsen. В России видеоизмерениями в Интернете занимаются две компании: Mediascope (Web Index) и comScore (Video Metrix).

Западные исследователи и практики подходят к вопросу изучения медиапотребления с учетом поколенческих особенностей. Согласно теории поколений N. Howe и W. Strauss [9], людям каждого поколения свойственны аналогичные поведенческие модели и схожее восприятие действительности. Четыре поколения, условно обозначенные названиями «беби-бумеры», X, Y и Z, сменяют друг друга каждые двадцать лет. Самое молодое поколение — Z — сегодня становится отдельным объектом исследования. Его основная особенность — рождение и взросление в условиях цифровизации. М. Prensky [10] назвал представителей поколения Z — «цифровыми аборигенами» (digital natives) и противопоставил их тем, кто столкнулся с цифровыми технологиями в более зрелом возрасте — «цифровым иммигрантам» (digital immigrants). D. White и A. Cornu [11] назвали поколение Z «цифровым племенем» (digital tribe) и «цифровым поколением» (digital generation) и разделили их на «цифровых резидентов» (digital residents) и «цифровых посетителей» (digital visitors). Все исследователи сходятся в едином мнении, что данная возрастная группа на инстинктивном уровне способна взаимодействовать с цифровыми технологиями.

Несмотря на определенное количество исследовательских работ, которые мы уже отметили в данной статье, многие аспекты трансформации видеопотребления и изменения поведения аудитории остаются малоизученными.

В 2018 г. кафедра телевидения и радиовещания в рамках исследовательского проекта факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова начала работать над темой «Трансформация контент-стратегий современного радиовещания и телевидения в цифровой среде». В рамках данного исследования была выделена локальная тема и проведен анализ медиапотребления разными возрастными группами. Авторами данной статьи был разработан трехэтапный уровень исследования. Основной задачей исследова-

дования стало выявление практик видеопотребления в Интернете с учетом возрастных аудиторных групп, проживающих в разных регионах России. Исследование проводилось с мая по октябрь 2018 г. и делилось на несколько этапов с применением различных инструментов: опрос, личные интервью и дневники.

В данной статье представлены некоторые результаты пилотного анкетирования, в рамках которого была запущена анкета из 25 вопросов, среди которых учитывались разные параметры: демографические и поведенческие характеристики аудитории, технологические возможности, отношение к платному контенту. Кроме того, выяснялось, с каким типом видеоконтента респонденты сталкиваются чаще всего; что может заставить их посмотреть видео; с какой тематикой и форматами встречаются в цифровой среде; влияет ли на решение посмотреть то или иное видео хронометраж, качество картинки и звука, рекомендации каких-то лиц. Было проанализировано 416 анкет. По возрастным критериям респонденты в целом распределились следующим образом: 34 года и старше — 42% (160 человек), 24–33 года — 35% (137), и 20% (90) — группа 16 лет — 24 года.

Большинство ответивших на анкету — женщины 68% (281), мужчин 32% (134). Москвичей среди респондентов 65% (267), жителей городов-милли-

онников — 17% (41), 15% (62) проживают в городах с населением менее миллиона, остальные — из сельской местности. Своей семьей живет 30% (127) респондентов, 23% (94) — живут с родителями, а 22% (93) живут с молодым человеком/девушкой. 71% (291) ответивших работает, 17% (64) — студенты.

Более двух точек выхода в Интернет имеют 37% (150) респондентов. Одна точка доступа лишь у 8% (32) ответивших на вопросы анкеты, три точки выхода у 33% (137), четыре — у 20% (81). 64% респондентов (263) используют для выхода в Интернет чаще всего телефон, 16% (65) — ноутбук, 13% (56) — стационарный компьютер, а только 6% (23) — планшет. При этом большинство из них — 59% (244) находятся онлайн в течение всего дня, 21% (89) от двух до четырех часов проводят в Интернете, 18% (73) — от тридцати минут до двух часов.

Основной целью посещения Интернета большинство (71% (294) респондентов называют общение; на втором месте — развлечение (66% (270)); на третьем месте — просмотр новостей (64% (262)); далее идут те, кто выходит в Интернет с образовательными целями — 60% (247).

Тематические предпочтения аудитории достаточно разнообразны. Основные из них представлены в следующей таблице.

Таблица № 1

*Тематические предпочтения видеоконтента в Интернете**

Тематика	Количество респондентов	Процент от опрошенных
Кино	259	62%
Обучающие видео	251	61%
Развлечения	220	53%
Новости	159	38%
«Научпоп»	157	38%
Музыка	154	37%
Путешествия	147	35%
Политика	101	24%
Спорт	56	13%

Источник: на основе опроса, июнь-сентябрь 2018 г.

** Респондент мог выбрать несколько позиций*

8% респондентов (32) отмечали и другие тематические предпочтения. Назывались произвольные темы, среди которых — интервью, video arts, стримы игр, экология, кулинария, животные, лайфстайл и т.д.

Стоит отметить, что тема не является самой глав-

ной мотивацией просмотра видео в Интернете — менее 1% отметили тему как главный критерий просмотра. Более важными оказались рекомендации друзей, интересная персона в кадре, превью-картинка, яркий заголовок и другие.

Таблица № 2

*Мотивации потребления видеоконтента в Интернете**

Мотивации	Количество респондентов	Процент от опрошенных
Рекомендации друзей	265	65%
Интересная персона в кадре	189	46%

Мотивации	Количество респондентов	Процент от опрошенных
Превью-картинка	172	42%
Яркий заголовок	128	31%
Количество просмотров другими пользователями	84	20%
Рекомендации портала	77	19%
Комментарии пользователей	68	17%

Источник: на основе опроса, июнь-сентябрь 2018 г.

* Респондент мог выбрать несколько позиций

Другими единичными ответами, не попавшими в представленную выше таблицу, были: личный интерес, безделье, актуальность, интересная тема, работа, «что-то ищу», осознанный выбор, «сам не знаю».

Абсолютное большинство респондентов чаще всего сталкивается с видеоконтентом в социальных сетях — это 77% (319); на видеохостингах — 52% (214), в онлайн-кинотеатрах — 31% (127). Находят видео на новостных порталах лишь 18% респондентов (74); в поисковиках — 11% (46).

При анализе аудиторных предпочтений персон

в кадре, которые могут «заставить» смотреть видеоконтент, выяснилось: лишь 21% (89) респондентов признаются, что присутствие селебрити заставит их смотреть видеоматериал. Большинство же опрошенных — 42% (175) сомневаются, что присутствие медийного лица повлияет на решение о просмотре; 36% (149) вообще отрицают влияние медийного лица на просмотр. Респондентам предлагалось назвать три личности. На этот вопрос ответили 277 респондентов, назвав 644 персоны.

Таблица № 3

Рейтинг медийных личностей, присутствие которых в видео побуждает его смотреть

Медийные личности	Количество упоминаний	Процент от всех ответов
Юрий Дудь	37	6%
Владимир Познер	24	4%
Владимир Путин	23	3%
Собственная персона, члены семьи и знакомые, животные	19	3%
Ксения Собчак	15	2%
Леонид Парфенов	12	2%
Алексей Навальный	12	2%
Дональд Трамп	9	1%
Александр Невзоров	9	1%
Vadcomedian+Бажанов	9	1%
Сергей Шнуров	9	1%
Екатерина Шульман	9	1%
Виктор Шендерович	6	0,9%
Ирина Хакамада	5	0,7%
Дмитрий Быков	5	0,7%
Илья Варламов	5	0,7%
Земфира	5	0,7%
Данила Поперечный	5	0,7%
Дмитрий Нагиев	5	0,7%
Бенедикт Камбербэтч	5	0,7%
Владимир Соловьев	4	0,6%
Константин Хабенский	4	0,6%
Анастасия Ивлеева	4	0,6%
Остальных называли от трех до одного раза		

Источник: на основе опроса, июнь-сентябрь 2018 г.

Среди тех, кого называли от трех до одного раза, были такие персоны, как Тереза Мей, Эммануэль Ма-

крон, Мао, Иосиф Сталин, Владимир Стогниенко, Василий Уткин, Рената Литвинова, Константин Эрнст,

Оксиморон, Усачев, Татьяна Черниговская, Монеточка, Татьяна Толстая, Антон Долин.

В опросном листе анкеты был также вопрос, где респондентам предлагалось назвать самые послед-

ние видео, которые они посмотрели в Интернете. Респондентам предлагалось назвать пять последних видео. На этот вопрос ответили 279 респондентов, назвав 978 видеоединиц.

Таблица № 4

*Последние видео, которые смотрели в Интернете**

Видео	Количество упоминаний	Процент от всех ответов
Фильмы	59	6%
Сериалы	54	5%
«Инстаграм»	49	5%
Интервью	41	4%
Клипы	30	3%
Сториз	28	3%
Видеоблоги	23	2%
Творчество Юрия Дудя	17	2%
Лекции	17	2%
Видеоматериал, где присутствует Владимир Путин	11	1%
Концерты	10	1%
«Вечерний Ургант»	8	0,8%
Владимир Познер	7	0,7%
Дональд Трамп	7	0,7%
«Парфенон» и материалы с Леонидом Парфеновым	7	0,7%
Материалы с Навальным	5	0,5%
Александр Невзоров	5	0,5%
Ксения Собчак	4	0,4%
«Орел и решка»	4	0,4%
Канал «Дождь»	3	0,3%

Источник: на основе опроса, июнь-сентябрь 2018 г.

Как видно из представленной таблицы, спектр конкретных интересов значительно сегментирован. Наибольшую долю просмотров все же занимают кино и сериалы. Все популярные влогеры пока в видеопросмотрах не лидируют.

Основные выводы

Потребление видеоконтента в Интернете становится привычным для россиян разных возрастов. Но особенно это касается молодой аудитории. Как отмечают респонденты, чаще всего они смотрят видеоконтент в социальных сетях. Сайты телеканалов оказались самыми невостребованными, хотя обладают большим количеством контента, иногда эксклюзивного. Это обстоятельство говорит о необходимости выделения видеоконтента телеканалов в отдельное рамочное исследование с целью анализа аргументации отказа от площадок телеканалов и разработки проекта продвижения телеканалов в Интернете.

Самой популярной формой просмотра стали кино и сериалы. Возможно, поэтому большая часть аудитории не ограничивает допустимый хронометраж видео и не обращает внимания на дли-

тельность видеоматериала. Главной мотивацией к просмотру респонденты называют в опросе рекомендации друзей.

Качество звука и качество видеокартинки влияют на видеопросмотр, но не в значительной степени. Определяющим является интерес аудитории к контенту. Основная часть аудитории при интересующем ее видеоконтенте готова продолжить просмотр, даже если параметры звукового сопровождения и визуального изображения оставляют желать лучшего. Эта ситуация может измениться, потому что существующий выбор видео и их доступность уже сегодня выделяет группу людей, которые обращают внимание на технологические характеристики и смотрят видеоматериал только высокого качества.

Присутствие в видео известных персон не оказывает значительного влияния на решение о просмотре видео. Лишь пятая часть опрошенных заявляет о том, что это важно. Но при этом называют очень разные медийные личности.

Представленное в статье исследование авторы рассматривают как пилотное и считают необходи-

мым в дальнейшем продолжить детальное изучение аудиторных предпочтений различных возрастных групп при просмотре видео в Интернете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова Е. Л. Телевидение: постсетевая модель / Е. Л. Вартанова // От центрального к цифровому: телевидение в России.— Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 2014.
 2. Амзин А. А. Особенности медиапотребления // А. А. Амзин / Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016.— Екатеринбург, 2016.
 3. Вьюгина Д. М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России / Д. М. Вьюгина // Медиаскоп.— 2018.— Вып. 3.— Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2475> (дата обращения: 22.04.19).
 4. Westlund O. Accessing the news in an age of mobile media: tracing displacing and complementary effects of mobile news on newspapers and online news / O. Westlund, O. M. Fardigh // *Mobile Media & Communication* 3 (1).— 2015.— P. 56.
 5. Круглова Л. А. Трансформация аудиовизуального контента в новых медиа / Л. А. Круглова // Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Щепилова Г. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры телевидения и радиовещания
E-mail: shgg@yandex.ru
Круглова Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания
E-mail: abiljo@mail.ru
Литвинцев А. Э., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры телевидения и радиовещания
E-mail: avtorsky@list.ru
6. Evens T. Television distribution: Economic dimensions, emerging policies / T. Evens // *Telematics and Informatics*. Vol. 33, Issue 2.— Belgium, 2016.— P. 661–664.
 7. Щепилова Г. Г. Российский рынок видеосервисов: особенности монетизации / Г. Г. Щепилова, М. С. Шейкина // *МедиаАльманах*.— 2016.— № 6.— С. 32–39.
 8. Ericsson Mobility Report.— Режим доступа: <https://www.ericsson.com/en/mobility-report> (дата обращения: 22.04.19).
 9. Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss.— New York: William Morrow & Company Inc., 2009.
 10. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 / M. Prensky // *On the Horizon* 9 (5): 1–6.— Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816> (дата обращения: 22.04.19).
 11. White D. S. (2011) Visitors and Residents: A new typology for online engagement / D. S. White, A. L. Cornu // *First Monday* 16 (9).— Режим доступа: <http://www.uic.edu/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/viewArticle/3171/3049> (дата обращения: 22.04.19).
- Lomonosov Moscow State University
Shchepilova G. G., Doctor of Philology, Professor of the Television and Radio Broadcasting Department
E-mail: shgg@yandex.ru
Kruglova L. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Television and Radio Broadcasting Department
E-mail: abiljo@mail.ru
Litvinzev A. E., Candidate of Philology, Lecturer of the Television and Radio Broadcasting Department
E-mail: avtorsky@list.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.